

МАНИФЕСТ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Манифест (от лат. manifestare) –
делать явным, показывать

Мы хотим сделать явным тот факт, что реалистическая философия есть самое древнее и самое молодое ее направление, что она является осевой линией развития мировой философской мысли, проходящей через самые выдающиеся имена.

Мы хотим сделать явным тот факт, что и материализм и идеализм являются односторонними, крайними моментами развития мировой философской мысли, которые в силу этого дают лишь абстрактные, оторванные от реальности картины мира.

Мы хотим сделать явным тот факт, что материализм и идеализм являются прошедшими направлениями философской мысли. И хотя они были крайне необходимы в развитии мировой философской мысли, но это детство философии, которое невозможно уже ни вернуть, ни продолжать.

Авторы преследуют следующие цели.

Программа-минимум: добиться того, чтобы после выхода в свет этого манифеста никто уже при описании истории философии не смог игнорировать реалистическую философию, занимающей не менее достойное место, чем материализм и идеализм.

Программа-максимум: добиться того, чтобы в скором будущем никто из философов уже не смог с гордостью заявлять, что он материалист или идеалист, ибо это будет равноценно признанию своей односторонности. Выдавать какую-то одну, пусть даже и очень важную, грань мира за весь мир возможно только в случае нежелания и неспособности адекватно понять окружающую действительность и отказаться от догматизма.

* * *

Данный труд явился плодом многолетнего творческого сотрудничества авторов. В ходе постоянных дружеских встреч, жарких и долгих дискуссий все более четко вырисовывались контуры старого-нового философского направления – реализма. Хотя в работе над Манифестом постоянное участие принимали все авторы, тем не менее, первая и вторая главы написаны в основном В.Л.Обуховым, а третья и четвертая – Р.А.Зобовым и Л.И.Сугаковой.

Глава 1. Предыстория реалистического мировоззрения.

§ 1. Материализм - идеализм - реализм.

Мы отдаем себе отчет в том, что слово «реализм» очень неудобно, потому что под ним понимается все что угодно. В частности, это понятие по-разному определяется в теории искусства и истории философии. В последнее время все большее число литературоведов отмечает, что это понятие дискредитировано официальным советским литературоведением и необходимо очистить этот термин от примитивных и вульгаризаторских напластований.

Что касается истории философии, то еще в 1904 году в статье «О реалистическом мировоззрении» С.Н.Булгаков указал, что различные значения термина «реализм» зависят от того, в каком соотношении он употребляется. В Средневековье при столкновении последователей Платона и Аристотеля под реализмом понималось философское направление, утверждавшее реальное существование общих понятий или идей и приближающееся к современному метафизическому идеализму. В области теории познания реализм, как признающий самостоятельное бытие объектов нашего познания, противопоставляется субъективному идеализму. Наконец, в области социальной политики и практической жизни реализм чаще всего противопоставляется утопизму, который не считается с условиями и возможностями действительности. Здесь понятие реализма практически совпадает с понятием научности в социальной политике.

Реализм нами понимается как философское направление, признающее равнозначность материальной и духовной составляющих мира. Он возникает вместе с появлением философии, вплоть до разделения и противопоставления ее на материализм и идеализм. В качестве диалектического синтеза (а не механического соединения, как в дуализме) односторонних, крайних философских направлений - материализма и идеализма - реализм восстанавливается в Германии начиная с И. Канта и Ф. Шеллинга, в России - с А. И. Герцена. Реализм - это идеал-материализм, это философия глобального синтеза материи и духа, материализма и идеализма.

Что такое реалистическая философия? Нас уже в школе учили, что есть только две линии философии - линия идеализма и линия материализма. Те, кто признавал, что дух первичен - это идеалисты, те, кто признавал, что материя первична - это материалисты. И вот две с половиной тысячи лет они спорят между собой, и совсем недавно мы были все материалистами, потом, как по мановению волшебной палочки, стали идеалистами. Так было всегда. Мы всегда перебегаем золотую середину, поскольку она все-таки золотая и мало кому дается. Тем более что нас приучали с детства, что середина — это плохо.

Ведь интереснейшая вещь - никто из физиков не спорит, что было вначале - притяжение или отталкивание, никто из химиков не спорит, что было вначале - ассоциация или диссоциация, никто не спорит из биологов, что было вначале - наследственность или изменчивость, и математики обычно не задумываются над вопросом: что было раньше - сложение или вычитание.. И только есть одна ситуация, которая называется «Курица или яйцо» и которая высмеивает глупость. И этой глупостью занимаются только философы. Материалисты с первого захода докажут, что сначала была курица, потом появилось яйцо. А идеалисты - вначале появилось яйцо, потом курица. И те, и те позиции незыблемо логичны, но такие же абсурдные, как проблема курицы

и яйца. В чем наше отличие? Дело в то, что реалисты - это люди, которые с большим уважением относятся к материалистам и идеалистам. Понимая, что и те, и другие правы, они отмечают важнейшие два элемента окружающего нас мира: природу (материю) и дух (идею).

Если природа в ее предельном значении понимается как мир в целом, определяемый физикой как материя, то с духом дела обстоят сложнее. Понятие «дух» длительное время отсутствовало в научном обиходе. В лучшем случае оно понималось как синоним мыслящему разуму, но в последнее десятилетие это понятие было восстановлено и оно сейчас понимается в следующих трех значениях: индивидуальный дух, общественный дух и обьективированный дух. Исходя из традиции, идущей еще от античности, но и учитывая современный опыт науки и философии, мы предлагаем следующее, четвертое понимание термина «дух» в его универсальном, всеобщем значении. *Дух – это не сами элементы природы, а способ их взаимосвязи, закон их функционирования, это нематериальное начало мира, определяющее его активность, его способность к самоорганизации, гармонии, симметрии, порядку. Дух - это то, что древние греки называли мировым разумом и что действует на основе свободы и необходимости.*

Реализм это не просто сумма или середина между крайними, противоположными философскими направлениями. Здесь можно привести такое сравнение. Есть натрий - это очень активный, едкий, разлагающий металл, есть хлор - это газ, который использовался в Первую мировую войну для отравления людей, но есть натрий-хлор - всеми любимая поваренная соль. Так вот, натрий и хлор - это материализм и идеализм, а натрий-хлор - это реализм, за которым, бесспорно, будущее, который заканчивает на этом этапе проблему курицы и яйца и переходит к пониманию мира таким, какой он есть. Кстати, физика, химия, биология подходят к пониманию этой проблемы также, но они еще не осознают, что они реалисты, но идут по этому пути и они используют эти методы. Именно поэтому не философы, а именно ученые, прежде всего, поддерживают это новое философское направление, в чем может убедиться каждый, посетив очередное заседание секции философского реализма в Днях Петербургской философии.

В чем наша принципиальная особенность? Если материалисты обращены, прежде всего, к материи, то идеалисты - к духу. Такому разделению есть и определенные физиологические предпосылки. Дело в том, что неслучайно существуют два полушария у человека, левое - чисто рациональное, ориентированное, прежде всего, на материю, логическое познание мира, и правое, иррациональное, обращенное к духу, прежде всего. Почему они равноправны? Потому что есть два слагаемых мира: природа и дух, и два полушария у человека, предназначенные для восприятия этих слагаемых. Левополушарные люди - это материалисты и рационалисты, у них хорошо работает левое полушарие, основанное на науке. Честь и хвала им. Правополушарные люди — это идеалисты и иррационалисты, основанные на религии и искусстве и, в этом плане, честь и хвала им. Ну а те немногие люди, у которых нормально работают оба полушария, являются реалистами. В. Вересаев в своем философско-литературном эссе «Живая жизнь» хорошо показал, что обычно энергии у человека мало, у людей хватает энергии либо только для того, чтобы любить себя - они называются эгоистами, либо для того, чтобы любить других - они называются альтруистами. Но чтобы искренне, полноценно любить самих себя и других, на это обычно энергии не хватает. Поэтому основную массу людей, как правильно подметил Вересаев, можно определить как инвалиды.

То же самое касается и философии. Конечно, мы не будем судить материалистов и идеалистов. Они необходимый этап, мы с очень большим уважением относимся к ним, потому что они видели важнейшие стороны мира, но просто мы не хотим на этом пути останавливаться, потому что понимаем, что есть более высокие уровни. Если перед нами чисто профессиональный философ, для которого философия является профессией, то он обязательно будет или материалистом или идеалистом. Внутри философии возможен только этот подход. Если же для него это не профессия, а призвание, и он с помощью философии пытается открыть мир, если у него помимо скрупулезного знания философских источников, рационального подхода к объяснению мира есть восторг, любовь, восхищение, радость перед бытием, он будет обязательно реалистом. Кстати все реалисты любят искусство, любят природу, они открыты к миру в целом, любят этот мир. Все самые жизнелюбивые люди в мире, самые счастливые люди в мире, - реалисты, потому что их направление обращено к миру в целом, они видят мир стереоскопически, не моноскопически: одним глазом, одним полушарием, а стереоскопически, какой он есть на самом деле. Им дано открыть мир и человека. И поэтому у нас на равных стоит научное знание и знание вненаучное. Наука по определению имеет дело с материей, с явлениями, свойствами, процессами, которые происходят в материальном мире. А вненаучное знание (имеется в виду религия, искусство, обыденный опыт, и т. д.) обращено, прежде всего, к духу. Когда мы делаем попытку соединить все ценное, что есть в религии, искусстве и науке - это реализм. Когда мы вслед за Кантом считаем, что только рационально познать мир нельзя, необходим еще восторг перед миром, творческое вдохновение, то это тоже реализм.

Когда наш товарищ, философ со стажем, прочитал это место, на полях он написал: «Вненаучное не может быть «знанием», а только «сопереживанием», «впечатлением», «верой» и т.п.» Это довольно типичная позиция, и сй есть объяснение. В эпоху античности верховным арбитром, непререкаемым авторитетом по всем вопросам была философия. В Средние века ее место заняла религия. В эпоху Возрождения высшим авторитетом пользовалась художественная культура. В Новое время на авансцену выходит наука со своим непререкаемым авторитетом. Пятьсот лет безраздельного господства обернулись научным чванством, признанием только за собой права познавать и оценивать мир. И не все ученые обратили внимание на тот факт, что авторитет и философии, и религии, и художественной культуры, и науки в равной мере оказался подорванным, поскольку претензии каждой из них дать целостное знание так и не оправдалось, ибо ни одна из них не смогла дать адекватную реальности, полную картину мира. Это значит, что для подлинно целостного знания сейчас надо использовать достижения всех отраслей духовного «производства», только такое знание освободит нас от односторонностей, которые имели место до сих пор. Это, в свою очередь, значит, что на смену одностороннему, отрывочному, абстрактному знанию должно прийти живознание, о котором мечтали и писали философы-сливянофилы.

Суммируя сказанное, постараясь ответить на наиболее важные вопросы, возникающие в связи с утверждением необходимого статуса реалистической философии.

Почему реализм должен неизбежно заменить материализм и идеализм?

- Идеализм и материализм представляют собой древние философские направления, тогда как реализм, как осознанное течение, есть новое направление, учитывающее весь мировой опыт развития науки, философии, религии и искусства.

- Идеализм и материализм основаны на вражде, непримиримости, на идее борьбы до последнего конца, в то время как реализм основан на компромиссах, на учете интересов другой стороны.

- Несмотря на бесконечно повторяющиеся объявления о якобы одержанной полной и окончательной победе над другим лагерем, позиции материализма и идеализма и сегодня так же незыблемы и неопровержимы, как и до Рождества Христова.

- Если бы действительно правда была на чьей-то стороне, то за более чем двухтысячелетнюю историю она бы, несомненно, проявилась, но тот факт, что никто в этой борьбе не способен одержать победу, неопровержимо свидетельствует, что своя правда есть у каждой из сторон, и лишь цеховая ограниченность не позволяет это признать.

- Существуют народы по преимуществу ориентированные на идеализм, народы, более склонные к материализму, а также к реалистическому мировоззрению. К последним, как это справедливо отметил Д. И. Менделеев, относится Россия, которая в силу своего срединного положения между Западом и Востоком в равной мере повернута к материальному достатку, комфорту, цивилизационным новинкам, свойственным Западу, и одновременно - к созерцательности, духовному богатству, самоуглубленности, свойственным Востоку.

§ 2. Критика реализма и критика критиков реализма

Про всех реалистов пишут одно и то же (про нас, кстати, тоже). То им вменяют в вину, что они вечно метались между двумя полюсами - материализмом и идеализмом, не могли занять четких, логически грамотных позиций, то насмеялись, как они барахтаются в реке и не могут пристать ни к правому, ни к левому берегу.

Рассмотрим эти аргументы противников реализма на примерах двух выдающихся реалистов прошлого: Аристотеля и Канта. Поскольку они были реалистами, постольку, естественно, все дружно отмечали их непоследовательность, нелогичность позиций. Ленинское положение о том, что Аристотель занимал промежуточную позицию в борьбе материализма и идеализма, что он колебался между материализмом и идеализмом, поддержано большинством отечественных философов. Точно так же поддержана и ленинская идея о непоследовательности Канта, что когда Кант говорит о вещи в себе - он материалист, а когда объявляет ее трансцендентной - он идеалист. Не случайно поэтому мыслители, занимающие более последовательные, чем Кант, позиции, постоянно критиковали его «слева» (материалисты) и «справа» (скептики и идеалисты).

Обвинять философа в непоследовательности, путаности можно только в случае непонимания сути философии, сути философа. Возможно, непоследовательными могли быть второ- и третьестепенные философы, у которых в голове сложилась бессистемная каша из положений разных философских школ. Но такое ни в коем случае нельзя говорить об известном, а тем более знаменитом философе. Настоящий философ — это Мыслитель с большой буквы, притом, наделенный даром слова в не меньшей степени, чем поэты и писатели. Учение настоящего философа есть всегда целостная, логически связанная система представлений о мире. Здесь уместно привести следующее рассуждение Аристотеля. Бог создал мир, философ поднялся над миром, чтобы его оценить, т.е. в чем-то сравняться или даже превзойти бога. Может ли философ после такой заявки опозориться и дать бессистемное, хаотичное, внутренне противоречивое знание? Может ли Аристотель - Создатель Логики - быть нелогичным? Почему-то никто не задается этим вопросом.

Но это же относится и к Канту. Хотя отцом диалектической логики считается Гегель, но основы ее были заложены именно Кантом под названием трансцендентальной логики. Кант блестяще доказал, что бессистемное, хаотичное, разорванное знание не является научным. Так неужели он мог дать бессистемное, плохо связанное друг с другом знание?

Дело совсем в другом. Реалистов меряют по мерке материалистов и идеалистов и получается, что они не такие, т.е. неправильные. Подобная ситуация прекрасно описана Г. Х. Андерсеном, когда с точки зрения уток молодой лебедь может быть признан только гадким утенком. Но если мы признаем, что Аристотель и Кант были реалистами, что их учение надо мерить по мерке реалистической логики, реалистической диалектики, то все встает на свои места, - их логика оказывается в высшей мере безупречной. И то, что воспринимается обыденным философом как метания, в действительности оказывается прорывом в новый уровень философии. Не метания, а четкое осознание известной правоты двух линий, двух направлений мировой философии, здесь мы имеем. Налицо бережное, уважительное отношение и к линии материализма и к линии идеализма.

Если одни оппоненты вменяют в вину реалистам, что они пытаются сразу на двух стульях сидеть, то другие, напротив, выговаривают им за то, что они вообще между стульями сидят. Ф. Энгельс пишет про реалистов, что они барахтаются в реке и не могут пристать ни к правому, ни к левому берегу.

Рассмотрим этот пример подробнее. Река - водная артерия, существующая для плавания, открытия новых горизонтов. Но при этом материалисты прочно оккупировали левый берег, считая его единственно истинным у реки. Идеалисты то же самое говорят, но про правый берег. И только реалисты считают, что река не для того, чтобы сидеть, а чтобы плыть. Они плывут по реке, причаливая то к левому, то к правому берегу, видя и там и там объекты, достойные внимания и изучения. Для реалистов материалисты и идеалисты - «два берега у одной реки».

И если материалисты и идеалисты видят свое назначение в том, чтобы, вцепившись в свой берег, привести дополнительные аргументы, доказывающие правоту однажды обоснованного направления, то для реалистов главное - совершать новые открытия в ходе плавания. Именно потому, что для реалистов главное - не приведение новых доводов в доказательство своей правоты, а автономное плавание, в ходе которого

совершаются новые открытия - именно поэтому линия реализма в истории философии оказалась гораздо менее прописанной, чем линия материализма и идеализма.

Итак, важнейшим критерием, что перед нами философ-реалист, является указание не его непоследовательность, нелогичность.

Но существуют и другие критерии, помогающие отличить реалиста от нереалистов. Это, прежде всего, невероятная доброжелательность к своим оппонентам. Если материалисты и идеалисты наполнены взаимной нетерпимостью, то реалисты ни к кому не проявляют ненависти, они очень по-доброму относятся к своим оппонентам. Нетерпимость к инакомыслию, экстремизм являются абсолютно необходимыми следствиями односторонних, крайних позиций и в политике, и в философии, и в религии, и в науке, и в искусстве. Примеров этого мы видим предостаточно, в том числе и в современной жизни. Ограничимся только примерами философской нетерпимости. Платон: «Одна сторона все повергает вниз, на землю, буквально кладет руки на скалы и стволы, утверждая, что действительно лишь то, что можно чувствовать и трогать, осязать и ощущать; тут сущность отождествляется с телесностью. Стоит кому-либо возразить им, что бестелесное тоже действительно, они пренебрегают этим возражением и не слушают противника. Да, это ничтожество». («Софист»).

Не таковы реалисты. Кант, которому постоянно и болезненно доставалось и от материалистов и от идеалистов, никогда не опускался до грубых выпадов в их адрес. Мы знаем, с каким уважением относился реалист В. Соловьев ко всем существовавшим и существующим философским школам.

Как это можно объяснить? В свое время Платон отметил, что добро есть единство меры красоты и правды. Затем итальянские гуманисты вывели формулу, согласно которой наиболее человечным в человеке, его высшими духовными ценностями являются истина, добро и красота. Все что истинно, добро и красиво - все человечно, что неистинно, недобро и некрасиво - бесчеловечно. При этом истинное, как правило, одновременно и доброе, а доброе - красивое.

Почему-то никто из философов до сих пор не обратил внимания на тот факт, что испепеляющая ненависть, которой пропитаны материализм и идеализм, является важнейшим аргументом в пользу неистинности их учений. Реализм есть самое толерантное, а если более точно, - единственно толерантное направление развития философской мысли, у которого нет и не может быть неприятия ни к одному из существовавших и существующих направлений развития мировой философской мысли - и это важнейший показатель истинности их позиции, поскольку, как известно, истина, добро и красота неразделимы.

Третьей особенностью реалистической философии является ее антропологическая направленность. И материализм и идеализм в равной степени безразличны к человеку. В идеализме (Гегель) все заслоняет собой абсолютная идея, в свете которой человек занимает периферийное место и практически совсем не виден. В материализме (марксизм) подобное место занимает способ производства материальных благ и классовая борьба, человек интересен не сам по себе, а лишь постольку, поскольку он способствует общественному прогрессу. Не случайно поэтому до 1991 года философская антропология в нашей стране была под фактическим запретом, она трактовалась как «замаскированное, псевдонатуралистическое выражение субъективного идеализма». (Философская энциклопедия. 1960 г.). «Права гражданства» имела только естественнонаучная антропология, занимающаяся проблемами рас, расселения и проч.

Если для материализма и идеализма человек представляет собой очень «неудобный» объект, то для реализма он является любимым объектом изучения. Ведь именно человек, наиболее убедительным образом соединяющий в себе материальное и духовное, имманентное и трансцендентное, чувственное и сверхчувственное, есть наиболее яркое воплощение правоты реализма и неправоты идеализма с материализмом. Закономерно то, что реалист Сократ ставит человека в центр своих изысканий, реалист Кант в качестве главного вопроса философии считает вопрос «Что такое человек?», реалист Фейербах сознательно разрабатывает философскую антропологию как антитезу материализму и идеализму. Итак, заинтересованное отношение к проблеме человека является одним из показателей, что перед нами реалист, или примыкающий к реалистическому направлению философ.

Еще одним критерием принадлежности к реалистическому направлению является их равноудаленность от материализма и идеализма. Это проявляется в том, что они одинаково аргументировано критикуют как тех, так и других. Когда сегодня новые российские идеалисты единодушно цитируют Соловьева, Бердяева, Лосского, Франка и других, как якобы своих сторонников, то они это делают не совсем правомерно, ибо указанные философы себя сознательно относили к реалистам и критиковали идеалистов не менее убедительно, чем материалистов.

Следующим критерием, позволяющим безошибочно узнать философа реалистического направления, является его убежденность в необходимости и важности чувственного познания. О важности чувственного познания писал философ-реалист Аристотель в своей работе «О чувственном восприятии». Еще более решительно отстаивал важность чувственного познания реалист Кант, у которого в его «Антропологии» даже есть параграф «Апология чувственности». Решительно отстаивал необходимость и важность чувственного познания реалист Фейербах. Да и практически во всей русской философии красной нитью проходит убеждение, что мир адекватно может быть воспринят только с помощью как разума, так и сердца. Это и понятно. Признание неделимости природы и духа, а также признание того, что материальная сторона бытия исследуется, прежде всего, с помощью разума, а духовная - чувства, это признание породило уверенность в их равной необходимости. При этом, поскольку материя и дух признаются реалистами нерасторжимыми, постольку, как справедливо отмечают философы-реалисты (Гердер, Гете, Фейербах и др.), речь идет не о рациональном плюс чувственном познании, а о неделимом рационально-чувственном познании.

Но есть и еще один критерий, позволяющий определить реалиста. Реалисты, как правило, пишут доходчивее и понятнее, чем материалисты и идеалисты. Ведь именно потому, что материализм и идеализм есть абстрактные, крайние направления развития философской мысли, именно поэтому для придания основательности, научности своих позиций они вынуждены прибегать к сложным категориальным конструкциям, не всегда понятным даже их адептам. Реализм же, описывающий мир таким, какой он на самом деле есть, пользуется обыкновенным, всем доступным литературным языком. В истории бывают и исключения из этого правила. Так, идеалист Платон доходчивее реалиста Аристотеля, а материалист Энгельс доходчивее реалиста Канта. Тем не менее, общая тенденция такова: реалист убедительно сможет раскрыть свою позицию и ребенку, в то время как материализм и идеализм - это учения для избранных, для тех, кто в них верит.

Почему реалистов только критикуют и не хотят признать их правоты? Ведь если материалистов критикуют только идеалисты, а идеалистов - только материалисты, то реалистам достается и от тех и от других. Здесь равная вина лежит как на всех основных философских направлениях, так и на обстоятельствах.

Принадлежность к любой философской школе неминуемо означает наложение на себя определенных ограничений, т.е. определенной односторонности. Далее. Философская школа является не только научным сообществом, но и, как правило, определенной политической партией, которая по необходимости должна отстаивать некие групповые интересы. Но есть здесь определенная вина и самих реалистов, которые четко не сформулировали свои позиции, не обозначили своих целей и интересов, достаточно глубоко не аргументировали их. Наконец, существует еще и чисто психологическая причина затянувшегося признания реалистической школы. Признать правоту реалистов, означает в определенной мере признать свою неправоту, - а на это обычный философ не пойдет.

В философии очень давно сложилась патовая ситуация, на которую почему-то известные философы не хотят обращать внимания. Если в шахматах игроки трижды повторяют одни и те же ходы, судья останавливает игру, объявляет ничью и просит противников, как равноправным сторонам, пожать друг другу руки. В философии уже третье тысячелетие повторяются одни и те же ходы, в ходе которых материалисты называют идеалистов недоумками (Г. В. Плеханов), а идеалисты материалистов – ничтожествами (Платон), не имеющими даже право называться философами. Но здесь нет судьи, который предложил бы противоборствующим сторонам пожать друг другу руки и осознать свою одинаковую правоту и значимость. «Материалист, ты прав, - должен был бы сказать судья, - материя существует и все твои аргументы безукоризненны. Спасибо тебе. Идеалист, и ты прав, дух как нематериальная стороны мира действительно имеет место быть. И спасибо тебе огромное за то, что ты эту идею отстаивал до конца. Поэтому то вы и не можете перебороть друг друга, что вы равно правы и равно сильны».

Но нет такого судьи в философии, а сами философы, ослепленные борьбой, причем «борьбой до последнего конца», не желают видеть той патовой ситуации, в которой они давным-давно оказались. Ведь признать правоту другого, значит признать свою неправоту, свою односторонность. И, используя наработки своих великих предшественников из «линии материализма» и «линии идеализма», наработки, которые у их адептов вызывают полный восторг и абсолютное признание, философы продолжают свой сизифов труд.

§ 3. Исторические вехи реализма.

Реалистов, насколько нам известно, никогда не выделяли в качестве одного из ведущих направлений мировой философской мысли, кроме книги В. Вундта «Введение в философию», где он выделяет направления реализма в качестве однопорядкового с материализмом и идеализмом, и более того, как наиболее перспективного из всех существующих философских направлений. Реалисты существовали всегда. Во-первых, все первые философы, которых мы называем натурфилософами, или космоцентристами, или гилозоистами, были реалистами, четко видели два равноправных начала мира: это вода и душа у Фалеса, это огонь и логос у Гераклита, это гомеомерии, или семена вещей и нус, или ум у Анаксагора. До Демокрита и Платона все философы были реалистами. Потом в связи с общей тенденцией развития науки - она идет по пути профессионализации, специализации - одни философы, более увлеченные материей, оказались материалистами, а другие, увлеченные духом, стали идеалистами. Но первые философы видели мир таким, какой он на самом деле есть.

Далее, величайшим реалистом всех времен и народов был Аристотель. Для Аристотеля каждая вещь есть одновременно и материя, и идея. Каждая вещь имеет и свою причину и свое целевое назначение. Если у Платона идеи (эйдосы) существуют сами по себе, самобытно и безусловно, то у Аристотеля идеи в своей самостоятельности есть лишь духовная конструкция вещи. Таким образом, уже Аристотель сформулировал основные положения реалистического мировоззрения: наличие материальной и духовной компонент в основании мироустройства и их неразрывность. В эпоху Средневековья — это Фома Аквинский, который первый детально обосновал необходимость союза науки и религии. Фома Аквинский преодолел крайности реализма (идеализма) и номинализма (материализма) в учении умеренного реализма (называемого также концептуализмом), но этот синтез был односторонним, осуществленным в рамках теологии. Мы сейчас говорим то же самое, спустя 750 лет после него, но уже с позиции науки. Следующими были Николай Кузанский и Джордано Бруно. Важные положения реалистической философии содержатся также в трудах Р. Декарта и Б. Спинозы. В XVIII веке реализм процветал в Германии: это и Гердер, и Лейбниц, и Гумбольдт, это и Кант, и Шеллинг, и поэт Гете и так далее. Ф. В. Шеллинг уже открыто заявил, что быть идеалистом или материалистом - это дело вкуса: если философа больше привлекает исследование материи, то он традиционно определяется как материалист, философ же большее внимание сосредоточивший на исследование

духа, называется идеалистом. Но то и другое существует реально. Поэтому когда философ нацелен на реальное воспроизведение мира, он равно относится к двум важнейшим его составляющим, и этот философ определяется как реалист. Не случайно И. Кант писал о двух родах реальности: реальности материальной и реальности идеальной.

В XIX веке реализм «переселяется» в Россию, где он празднует свои величайшие триумфы, причем не только в философии, но во всех областях духовной культуры. В философии это, прежде всего, А.И.Герцен, который признавал универсальность ума, как всеобщего свойства материи и тем самым как бы перебрасывал мост между материей и духом. Как известно, в последовательном идеализме и материализме все выводится исключительно из духа или материи и тем самым переходной мост становится бессмысленным. Здесь уместно напомнить, что последнее письмо из «Писем об изучении природы» так и называется «Реализм». После Герцена очень четко продолжил традицию реализма ряд философов из близкого окружения В. И. Ленина (А. В. Луначарский, А. А. Богданов и др.). Они в 1904 г. выпустили книгу «Очерки реалистического мировоззрения», где впервые коллективно отстаивали знамя реализма. Реалистами были и практически все основные философы Серебряного века, которых традиционно называют религиозными философами, но которые вполне справедливо сами себя называли реалистами. Реалистам постоянно не везет: их относят либо к религиозным философам, либо к материалистам, либо к шарахающимся из крайности в крайность.

В. С. Соловьев разработал концепцию всеединства, как методологическую основу построения реалистического мировоззрения. Русская философская традиция, идеалом которой является цельное знание, стремилась избегать односторонности в постижении мира, целостно видя в нем духовные и чувственно-предметные, личностные и социально практические, дискурсивные (основанные на рассуждении) и интуитивные, научные и вненаучные компоненты. Именно на этих позициях стояли и их постоянно отстаивали выдающиеся деятели русской культуры: философы (Н. А. Бердяев, С. Л. Франк) религиозные деятели (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков), космисты (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский), писатели (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой), художники (И. И. Левитан, В. А. Серов), поэты (А. Белый, А. Блок). Показательно утверждение реалиста Н. О. Лосского, о том, что, только собрав в единое целое все свои духовные силы – чувственные опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию и религиозное созерцания, – человек начинает понимать истинное бытие мира.

И не только Лосский, все философы-реалисты отмечали важное значение художественного восприятия для целостного познания мира. Но и художественная культура, добавим от себя, в эту эпоху решительно тяготела к реализму. Не случайно во второй половине XIX – начале XX века Россия становится не только мировым центром реалистической философии, но и мировым центром реалистического искусства. Реализм в искусстве, как и реализм в философии, означал нахождение гармонии между материальной и духовной сторонами мира. В живописи это проявилось в том, что, например, в картинах И.Левитана единство материи и духа воплощалось в единстве душевного мира автора с реальным пейзажем. Реализм решительно утверждает себя в живописи («передвижники»), в музыке («Могучая кучка»), в литературе (от Н.Гоголя до Ф.Достоевского), в поэзии (Н.Некрасов, С.Есенин), в скульптуре (М.Антокольский, А.Голубкина).

Именно в эту эпоху в русском искусстве достигается величайшая гармония между материальным и духовным, та гармония, которая реально присуща миру и которую ищет и не может найти человек. Это положение хорошо передано поэтом-реалистом Ф.Тютчевым:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, -
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею познаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

В более позднем течении социалистического реализма найденная гармония духа и материи была, к сожалению, нарушена, вследствие доминирования идеи революционного развития, подобно доминированию идеи Бога в средневековой схоластике. Здесь мы наблюдаем неумолимое проявление положения диалектики о смыкании крайностей, переходе их друг в друга: доведенный до предела материализм неминуемо становится идеализмом, в соответствии с которым жизнь начинает восприниматься не такой, какая она есть на самом деле, а через призму революционных идей об этой жизни. Таким образом, в советском искусстве на долгие годы под знаменем марксизма утверждается махровый идеализм – идея априори признавалась выше и важнее реальной жизни. Утрата живого интереса к натуре привела к тому, что больше не было уже таких упоительно красивых пейзажей и портретов, как раньше, как не стало и той бесконечной духовности, которая еще недавно была нормой.

Однако не все в советском искусстве было так плохо. Был Д.Шостакович. Были великие мастера слова. Но не вследствие, а вопреки господствующему мировоззрению. Подлинные художники-реалисты, следовавшие заветам своих великих учителей и изображавшие жизнь во всей ее реальной полноте, имели, как правило, трагическую судьбу. Они преследовались системой, вплоть до физического уничтожения. Их имена можно найти в тогдашних партийных документах под рубрикой «антинародные».

Не менее жестоко преследовал новый режим и философов-реалистов. Их подвергали идеологическому прессингу (А.В.Луначарский, А.А.Богданов), их выслали (Н.А.Бердяев, С.Л.Франк), их сажали в тюрьму (А.Ф.Лосев), их расстреливали (П.А.Флоренский). Философский реализм был выкорчеван настолько тщательно, что сегодня многие коллеги-философы с удивлением узнают от нас, что в истории философии существовала линия реализма и что представлена она была самыми выдающимися именами.

Помимо философии и искусства реализм в эту эпоху проникает и в религию. Ряд богословов (П.А.Флоренский, Н.С.Булгаков) начинают более уравновешенно, более гармонично понимать соотношение материального и духовного, чем это принято в ортодоксальной религии. Это прекрасно иллюстрирует работа последнего «Философия хозяйства». Реализм безраздельно царствует в русском космизме (Н.Ф.Федоров, К.Э.Циолковский), где наличие духа, как животворящего начала мира, считалось аксиомой. Возникают реальные училища, которые помимо приобщения к культуре давали также необходимую для жизни профессию.

Реализм проник и в науку, хотя, вообще, реалистическое мировоззрение не типично для науки. Поскольку реализм основан на признании духовной компоненты мира, а дух, как нематериальная составляющая мира, не может быть исследован чисто научными средствами, в частности, с помощью приборов, постольку наука, как правило, «дух и на дух не переносит». Но в это время реализм был настолько могучим духовным явлением, что наиболее выдающиеся ученые не могли не стремиться к нему. Реалистическое мировоззрение, в свою очередь, обеспечило возможность большего расцвета их таланта. Решительным сторонником реализма был прежде всего Д. И. Менделеев. В «Заветных мыслях» и статье «Мое мировоззрение», он четко пишет, что такое реализм и в чем состоит его отличие от материализма и идеализма. И, наконец, последний реалист из величайших, это В. И. Вернадский, который писал о том, что есть два начала, которые признает наука - материя и энергия и есть третье - это дух, который признается философией и религией. Материализм, признающий только материю и энергию, был важен, прекрасен и уместен в конце XVIII — начале XIX века. В наше же время он нонсенс, поскольку без духа, как животворящего начала, проблема происхождения жизни научно не может быть решена. Вернадский был последним великим реалистом в истории нашей страны. В стране на долгие годы утверждается господство материалистического мировоззрения, притом, в его крайней - марксистской - форме. Затем в нашей стране, по принципу маятника, многие философы открыто становятся на позиции идеализма, и опять же в крайней его форме - в виде религиозного идеализма. Философы опять проскочили золотую середину, даже не ведая, что она есть.

В XX веке реализм перемещается сначала в Англию, затем в Америку, где были две мощные партии реалистов - неореалисты и критические реалисты, издававшие свои альманахи. В конце XX века он там распался, поскольку основывался только на теории ценностей и на гносеологии, и не достиг тех глубин, которые должны были бы быть у реалистов. И вот сейчас, когда в Северной Америке скончался «последний живой реалист» (так сам себя назвал канадский профессор Уильям Хэтчер в надписи на книге, подаренной автору этих строк), реализм снова переселяется в Россию, а Петербург становится центром мировой реалистической мысли.

Можно высказаться даже еще более определенно. У любого подлинно великого философа, даже если он уверенно относит себя к сторонникам узкого направления - материализма или идеализма - без труда могут быть обнаружены реалистические мотивы: реальная жизнь неминуемо прорывается сквозь стереотипы односторонней школы (идола пещеры, по Ф. Бэкону). Этот вопрос требует особого изучения, он никогда еще не был в орбите внимания философов, но на примере Гегеля мы ниже проиллюстрируем эту мысль.

На наш взгляд, историю философии надо переписывать заново, потому что ее излагают тенденциозно, в угоду какой-то линии и потому с большими отклонениями от истины. Мы полагаем, что отныне будет довольно сложно трепировать реалистическое направление развития философской мысли, объявляя его не существующим. Напротив, теперь сосуществование основных философских линий в мировой истории может быть представлено в образе тройки, где коренная лошадь представлена философами реалистического направления, а пристяжные - материалистами и идеалистами. И хотя материалисты и идеалисты всегда находились на обочине, но они были заметнее в силу своего более строптивого характера, того шума, которым сопровождался спор между ними. Реалисты же, хотя и относятся к осевому направлению развития философской мысли, но в силу своей самодостаточности, спокойной уверенности не были так заметны.

Здесь нам хотелось бы высказаться еще более парадоксально. Материализм и идеализм за всю историю человечества занимали лидирующие позиции лишь дважды: в V-IV веках до новой эры и во второй половине XVIII — первой половины XIX веков нашей эры. Все остальное время господствующие позиции в философии занимали реалисты или философы, примыкающие к реалистическому направлению, т. е. признающие неразрывность существования материальной и духовной компонент мира. Любой непредвзято мыслящий философ легко может убедиться в нашей правоте. В чем тут дело? Почему именно в эти две эпохи так убедительно заявляли о себе материалисты и идеалисты? Этот феномен потребует еще специального рассмотрения, предварительные наши выводы таковы. Данные эпохи отличает невиданный взлет культуры, как в материальной, так и в духовной ее ипостаси. А это значит, что появился колоссальный дополнительный материал, масса новых фактов, свидетельствующих как в пользу материализма, так и идеализма, что и породило возможность материалистам и идеалистам на время занять господствующие позиции.

§ 4. Почему реалистическая философия не обрела господствующие позиции?

На рубеже XVIII-XIX веков в Германии впервые в Новое время обосновывалась возможность реалистической философии. На рубеже XIX-XX веков уже в России доказывалась ее необходимость и будущее господствующее положения. Сейчас - и снова на грани веков - осуществляется третья, и возможно решающая,

попытка утвердить реалистическую философию. Реализм вновь утверждается в России, чтобы заявить о том, что только реалистическому мировоззрению по плечу дать целостное знание о мире, на которое по определению не способны односторонние, крайние материалистическое и идеалистическое направления философской мысли. Почему же до сих пор реалистическое мировоззрение так и не заняло предсказанное ему Менделеевым господствующее положение в философии? На наш взгляд, основных причин три.

Первая причина - внутренняя. Дело в том, что в рамках самой философии синтез материалистического и идеалистического представлений невозможен. Для этого надо выйти за пределы собственно философии, к целостному знанию, которое вобрало бы в себя все лучшее, что достигли философия, наука, искусство и религия. Несмотря на то, что такой синтез у всех на устах, более того, он стал даже своеобразной модой, философия, по большому счету, к такому синтезу сейчас не готова. Очень многие философы высказывают даже убеждение, что целостное знание вообще невозможно и что его никогда не было. Но целостное знание, которое раньше называлось синкретическим, было реальностью у древних народов и раннегреческих философов, которые смогли сплавить воедино, не разрывать и не противопоставлять научные, религиозные, художественно-образные и философские представления. Да и позже мы не раз встречаем людей с целостным представлением о мире. Сейчас все более утверждается мысль, что время разбрасывать камни проходит, настает время их собирать. Т.е. целостное знание, стремление к нему становится знаменем времени.

Вторая причина - внешние условия, которые не способствовали утверждению реалистической философии. XX век явился веком двух мировых войн и последовавшей за ними мировой холодной войны. С завершением ее мы (в том числе и Россия) сразу же вступили в полосу локальных военных конфликтов, что также не способствует распространению среди населения идей компромисса, согласия, а среди философов - идеи "третьего пути". Воинственность, неприятие инакомыслия, распространенность идей "борьбы до последнего конца" - все это далеко не лучшая ситуация для выработки реалистического мировоззрения. Как следствие - воинственное неприятие идей философского реализма в нашем обществе со стороны многих философов.

Третья причина - чисто психологическая - состоит в родовом (призраке рода, по Ф. Бэкону) неприятии срединного пути. Нам слишком долго внушали, что середина есть болото (К. Маркс), что середина презренна (В. И. Ленин), что всякий третий путь есть предательство, есть путь в никуда, - и такое представление стало чуть ли не аксиомой. И почему-то забылось народное представление о середине как золотой середине, в котором намного больше мудрости. Но реалистическая философия не есть середина, а именно синтез, снимающий крайности двух абстрактных линий в истории философии - материализма и идеализма. А как синтез она не сводится к механической сумме составляющих ее частей, а представляет новое, целостное знание.

Суть реалистической философии:

- *реалистическая философия* призвана преодолеть известный разрыв материи и духа, материального и идеального и восстановить ту гармонию между ними, которая в действительности им присуща;

- *материя* должна определяться по-новому, как объективная реальность, допускающая возможность фиксации с помощью органов чувств и приборов, противоположная духу, но вне и без него не существующая;

- *дух* определяется как нематериальная составляющая мира, связанная с материей и без нее не существующая, но определяющая активность материи, ее способность к самоорганизации, порядку и гармонии на базе необходимости и свободы;

- *онтология* теперь может быть определена как учение о всеобщих характеристиках мира в контексте их взаимоотношения с соответствующими характеристиками человека, ибо человек понимается как "конспект мира", как ключ к его разгадке, и, в конечном счете, как микрокосм;

- новое понимание онтологии неизбежно влечет за собой и новое понимание *гносеологии*, когда выравниваются в правах научные и вненаучные формы и методы познания, а отношение между ними строится по принципу дополнительности, обеспечивающему стереоскопическое видение мира.

Итак, возможна ли на этот раз победа реалистического мировоззрения? Если наступивший новый век станет веком компромиссов, поисков согласия, то реалистическая философия неизбежно завоюет господствующие позиции. Но если он явится лишь модификацией ушедшего века, то реалистическая философия неминуемо будет отставлена от столбовой дороги философской мысли и будет опять дожидаться своего времени, как это уже не раз происходило в прошлом.

На нас лежит колоссальная ответственность: не только быть родоначальниками нового философского направления, которое приходит на смену дряхлеющим, уходящим направлениям, но и возвестить миру эти истины. Мы будем делать все от нас зависящее, чтобы новое направление уже при нашей жизни утвердилось как господствующее, элитарное и одновременно реальное направление в развитии всей духовной культуры человечества. Абсолютный дух сегодня проявляется в философии реализма, ибо это та самая точка, тот самый мостик, который сможет объединить как представителей самых разных наук, так и сторонников разных религиозных конфессий.

Гегель когда-то справедливо отметил, что саморефлексия науки является высшим этапом ее развития. Реализм, как одно из важнейших направлений развития мировой философской мысли был всегда. Наша же работа представляет собой не что иное, как саморефлексию реализма, т.е. осознание реализмом самого себя, своей сущности, своего места, своего назначения, своего будущего. В решении этих вопросов и состоит значение данного Манифеста.

Глава 2. Прорывы реалистической философии и ее неизбежность.

§ 1. Что такое реалистическая диалектика?

Если материалисты признают материю единственной субстанцией, а дух считают производным, вторичным от материи, если идеалисты, напротив, дух, идею признают первичной субстанцией, а материя, или природа, ими принимается как инобытие духа, как вторичное, производное от духа, то реалисты считают материю (природу) и дух двумя равноправными, равноправными, равноправными, вечными сторонами мироздания, друг без друга не существующими, но и друг из друга не выводимыми.

Картина мира, предлагаемая материалистами и идеалистами, по которой возможно существование материи без духа, а духа без материи, является искаженной, неистинной картиной. Подлинная, истинная картина мира дается только в реалистической философии. Только реалист мог сказать такие слова: «Мы не знаем такого духа, который творил бы вне материи и совершенно обходился без нее; а в самой материи действует столько сил, подобных силам духовным, что утверждение полнейшей противоположности и противоречия между духом и материей, этими, несомненно, весьма различными стихиями, само по себе есть суждение если и не противоречивое, то вполне бездоказательное. Как могут совместно, с глубочайшей гармонией творить две стихии, если они вполне разнородны и противоположны?» (И. Гердер. Идеи к философии истории человечества). Так пишут все реалисты. Это положение – их кредо, их визитная карточка. И гармония материи и духа, о которой они пишут, не есть изобретение реалистов, а есть реальное отражение реальной гармонии между этими основными сторонами мира, той гармонии, ощущение и осмысление которой не доступно ни материалистам, ни идеалистам.

Итак, материя и дух у реалистов это не две субстанции, а два лика единой субстанции, называемой бытием. Это значит, что на смену монизма и дуализма, существовавшими до сих пор, реализм вводит понятие дуалистического монизма, которое есть наиболее яркое воплощение диалектики, доведенной до самих основ, фундамента мироздания. И это не смогли сделать ни идеалисты, ни материалисты, диалектика которых на самом деле представляет односторонний, абстрактно-узкий аспект ее.

К природе и духу реалисты (В. С. Соловьев, Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский и др.) традиционно добавляют еще энергию, поскольку энергия не может быть соотнесена только с материей или только с духом. Например, сила тока, будучи реальной и материальной энергией, легко измеряется соответствующими приборами, в то время как сила духа, будучи реальной, но нематериальной энергией, никакими приборами измерена быть не может.

Далеко не все философы ослеплены пылом борьбы за одностороннюю правду, поскольку на протяжении всей истории философии постоянно делались попытки синтеза рассматриваемых односторонностей, попытки целостного освоения мира. Назовем только некоторые из наиболее известных попыток такого рода.

- Гилозоизм, утверждающий наличие живого начала во всем мире, в том числе и в так называемой «неживой природе».
- Пантеизм, признающий принадлежность божественного духа всей природе, обожествление ее.
- Дуализм, признающий бытие как состоящее из двух равных, независимых друг от друга субстанций: духовной и материальной.
- Деизм, признающий мир, действующий самостоятельно, но первоначально созданный богом, как неким безличным началом, сообщившим миру его законы, гармоничность и целесообразность
- Антропологизм, признающий единство духовного и материального в идее единства человеческой сущности и этим самым преодолевающий противопоставление духа и материи.
- Панлогизм, признающий присущность логического начала не только человеку, но и всему миру, притом, даже первичность этого начала по отношению к миру.
- Панпсихизм, исходящий из признания универсальности психики, распространение ее на весь окружающий мир.
- Нью-эйдж (новый век) — современное общекультурное направление, исходящее из союза научного, религиозного подходов, а также здравого смысла. Это направление, как и предыдущие, исходит из признания двойственного, материально-духовного основания мира.

То, что названные течения в истории философской мысли существуют постоянно, на протяжении всей ее истории, не может быть объяснено случайностью, прихотью отдельных философов. Необходимо признать, что здесь более серьезное основание, что мир действительно двуединый и невозможно разорвать и противопоставить духовную и материальную компоненты мира, как это постоянно пытаются делать правоверные материалисты и идеалисты.

И хотя в перечисленных направлениях содержится масса ценнейшей информации, гениальных догадок, которые еще предстоит осмыслить, собрать, систематизировать философам, но общий их вывод не может быть признан философами реалистами. Здесь мы видим либо растворение духовного в материальном, либо материального в духовном. Рассмотрим это на примере наиболее близкого к нам направления — пантеизма.

Нам представляется, что пантеизм является учением привлекательным для философии, ибо оно стремится объяснить многообразие мира из некоторого единого принципа, причем принципа, содержащего в себе жизнь и разумность. При этом пантеистические представления наталкивались на ряд проблем, разрешить которые часто было ему не под силу. Среди этих проблем можно назвать такие, как свобода воли, построение нравственной системы, ибо добро и зло в равной мере оказывались атрибутами Бога, т. е. злу приписывалась божественная природа. Иначе говоря, с пантеистической точки зрения трудно найти почву для нравственных предписаний.

Теоретически пантеизм можно представить себе в двух формах, которые и были реализованы в ходе развития религиозной и философской мысли. С одной стороны, можно представить себе положение, когда единичное и многообразное (природа) исчезают, растворяются в бесконечном единстве божественного бытия, а с другой, - когда бесконечное единство (Бог) разливается во всяком многообразии явлений.

Мы видим, что в рамках пантеизма четко ставится проблема соотношения материального и духовного (Бога и Природы). И решение предлагается как слияние этих двух принципиально противоположных начал. При этом в процессе такого слияния исчезает одна из противоположных сторон: либо Природа растворяется в Боге, либо Бог разливается во всей Природе. Здесь предполагается, что материальное и духовное в своей основе имеют все же нечто общее. Мы же исходим из того, что материя и дух являются слиянно-неслиянными. В таком случае проблема с самого начала выводится за границы пантеистических представлений. Эти начала взаимно дополняют друг друга и всегда сосуществуют друг с другом: материя не существует без духа, а дух без материи (природы). Но они в принципе не могут превращаться друг в друга, что вовсе не исключает их взаимного влияния. Пантеизм же предполагает возможность взаимного перехода материи в дух и обратно, точнее, их субстанциональную тождественность. По обосновываемому нами реалистическому мировоззрению, материя и дух, составляя единую субстанцию, представляют, тем не менее, два разных лица этой субстанции. Иными словами, реализм на место привычных монизма и дуализма с необходимостью ставит *дуалистический монизм*, признающий единую субстанцию, но с двумя противоположными лицами, несводимыми один к другому. Здесь может быть установлена аналогия с известным в психологии явлением: психофизиологическим парадоксом. Данный парадокс заключается в том, что психическое не выводимо полностью из физиологического, хотя и находится с ним в нерасторжимом единстве. Итак, все перечисленные концепции, пытавшиеся установить единство материи и духа (гилозоизм, панпсихизм, пантеизм, панлогизм и другие) оказались несостоятельными потому, что они с самого начала исходили из тезиса, что материя и дух в чем-то являются если и не тождественными, то, по крайней мере, аналогичными друг другу, что предполагало выводимость одного из другого. Эта установка, с нашей точки зрения, является в принципе ошибочной, ибо в действительности материя и дух кардинальным образом отличаются друг от друга. И не случайно поэтому вечно существующие в философии попытки преодоления дуализма материи и духа так и не дали должных результатов, которые бы были приняты научным сообществом.

Итак, борьба с существующими материалистическим и идеалистическим монизмами заканчивается утверждением все того же монизма, поглощающего либо дух в материи, либо материю в духе. И даже философы, сознательно считающие себя сторонниками реалистического мировоззрения, т. е. открыто выступающие против односторонностей материализма и идеализма, зачастую также приходят все к тому же монизму. Показательна здесь позиция немецкого философа В. Вундта, открыто признающего себя сторонником реалистического мировоззрения,

Вундт справедливо отмечает, что если философ материю принимает за общую субстанцию, то возникает материализм. Если, наоборот, духовное делается субстанцией, то возникает идеализм. И, наконец, если философ равномерно уделяет внимание различным сторонам действительности, то возникает направление, называемое *реализмом*. Материальные и духовные компоненты мира реализм понимает соответствующими их действительному влиянию. И поскольку реализм объединяет в более высоком принципе положения, раскрытые материалистической и идеалистической системами, постольку он и возникает после них, является более поздним мирозерцанием. Реализм, по мнению Вундта, так относится к материализму и идеализму, как в гносеологии критицизм относится к эмпиризму и рационализму. И если материализм и идеализм, будучи с виду логичными, в действительности представляют собой фантастические системы, то реалистическая философия по своему определению тесно связана с реальным жизненным опытом, реальными науками. Именно поэтому она более, чем какое-либо другое направление подает надежды к дальнейшему развитию, более отзывчива к изменениям состояния всего научного знания. После всех этих положений, с которыми нельзя не согласиться, Вундт неожиданно делает вывод, с которым согласиться уже невозможно: поскольку дуализм и материализм исчерпали себя, отжили свой век, постольку будущее за монистическим идеал-реализмом (т. е. за идеализмом с «новым лицом»). Подобных же позиций придерживался еще ряд философов, считающих себя сторонниками реалистического мировоззрения: Фихте, Шеллинг, Лосский и др.

Так же неприемлемо для нас и другое направление развития реалистической философии, тяготеющее к материалистическому монизму. Например, Д. И. Менделеев, признававший в качестве вечной, исходной, все определяющей троицы вещество (или материю), силу (или энергию) и дух (или психоз), в противоречии с этим утверждением приходит к выводу, что материально-внешнее возникает раньше, начальнее и назойливее духовно-внутреннего.

Однако не может быть принято и дуалистическое направление философской мысли, поскольку здесь материальное и идеальное разделены и представляют собой субстанции, параллельные друг другу и нигде не пересекающиеся.

Отношение между монизмом и дуализмом как две капли воды напоминает отношение между материализмом и идеализмом. Монисты правильно акцентировали внимание на единстве мира, но в ущерб его действительной дуальности. Дуалисты же, напротив, правильно высвечивая дуальность мира, игнорировали его единство. Т.е. у каждого есть своя правда и своя кривда. И то и другое направления есть образец чистой метафизики, когда выхватываются отдельные стороны и выдаются за целое. Метафизический подход есть самый простой и удобный, не случайно многие, даже самые выдающиеся философы, в этом вопросе оставались метафизиками.

Мир действительно и един и дуален, т.е. един в противоречии, т.е. подлинно диалектичен. Дуальны все силы в природе (притяжение и отталкивание), все процессы (соединение и разъединение), все характеристики, что наиболее ярко схвачено в полярных парах категорий диалектики. Дуально устройство человеческого мозга, дуальна половая дифференциация. И т.д. и т.п. Никого уже не пугает корпускулярно-волновой дуализм света, но то, что все в мире устроено по дуальному принципу – это монисты, вопреки общеизвестным фактам, боятся признать.

Разумный, научно обоснованный выход может быть только в одном, и он зафиксирован русскими философами реалистического направления: признание слиянно-неслиянной природы отношения материи и духа. Это означает, что материя и дух представляют собой не разные субстанции, а разные лики, разные ипостаси единой субстанции. Это значит также, что на смену монизму и дуализму приходит дуалистический монизм. Возможно, понятие «дуалистический монизм» режет слух, кажется непривычным, но на деле оно означает тривиальный в диалектической философии факт: единство и сосуществование противоположностей, или, - диалектическое противоречие, где стороны единого целого не только взаимоотрицают, но и взаимопологают друг друга, друг без друга не существуют.

Это доведение, распространение диалектики на самое основание, фундамент мира, такое простое, очевидное, ясное, как ни странно, до сих пор не имеет прав гражданства, пугает правоверных материалистов и идеалистов, которые из покон веков привыкли распространять диалектику либо только на материю, либо только на дух (материалистическая и идеалистическая диалектики).

Гегель гениально показал применимость диалектики к сфере духа, в марксистской философии не менее гениально обоснована применимость диалектики также и к природе, причем, прежде всего к природе. И после детальной, тщательной разработки идеалистической и материалистической диалектики с неизбежностью приходит *реалистическая диалектика*, которая единственную диалектику доводит до самых основ мироздания, до отношения между материей и духом. А это означает не что иное, как высший на сегодняшний день этап развития мировой диалектической мысли, поскольку на смену моноскопическому взгляду на мир, господствовавшему доньше, приходит стереоскопический, дающий адекватное отображение мира в сознании исследователя.

Известное в диалектике положение, что крайности смыкаются, становятся удивительно похожими друг на друга, самым непосредственным образом проявляется в односторонних, крайних диалектических направлениях: диалектике материалистической и диалектике идеалистической. И та и другая упор делают на изменчивости, игнорируя устойчивость. Диалектика здесь сводится к постоянным изменениям, происходящим через отрицания.

Основоположник, «отец» диалектики Гераклит, которого еще называют стихийным диалектиком, был лишен тех односторонностей, которые потом разовьются в материалистической и идеалистической линиях. Он четко видел наличие и даже равенство (равнозначность, равновеликость) двух основных диалектико-образующих тенденций мира: его изменчивости и его устойчивости. Поэтому, с одной стороны, «все течет, все изменяется», а, с другой, «изменяющееся покоится (отдыхает)». Т. е. все явления и процессы мира подвержены изменениям, но сами законы, определяющие эти изменения, неизменны. Отсюда у него два первоначала мира: огонь, который вечно подвижен, то вспыхивает, то затухает, и логос, как неизменный, вечный закон мироздания, как тот закон, который, определяя все изменения, сам не изменяется.

Столь глубокое понимание, точнее, прочувствование основ диалектики, как у Гераклита, в истории философии мы больше не встречаем. И хотя Гегель, также великий диалектик, много веков спустя заявит, что нет ни одного положения диалектики Гераклита, которое бы не было им раскрыто, обосновано, тем не менее, он оказался не совсем прав. Есть положение, которое оказалось не по плечу Гегелю - это положение о неизменности изменяющегося. Гегель выхватил только одну сторону Гераклитовой диалектики - положение о постоянной и всеобщей изменчивости, но другую, не менее важную сторону - понимание факта неизменности изменяющегося - Гегель «не заметил», в силу чего его диалектика, а также диалектика классиков марксизма-ленинизма оказалась в очень важных моментах ущербной. И только художественным натурам дано было почувствовать эту глубинную диалектику. Так, И. Гете, который, как и Гераклит, был поэтом (напомним, что главный философский труд Гераклита «О природе» являлся поэмой), употреблял выражение «меняющееся постоянство». Гете вплотную подошел к принципу реализма, утверждая, что как материя без духа, так и дух без материи никогда не существует и не может действовать и что они образуют единство во всех формах бытия.

Материалистическая диалектика К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина уделяет большое внимание науке и еще более абсолютизирует рационалистические представления. Однако ее односторонность проявляется в том, что, будучи ориентированной исключительно на материальное начало, ей не удалось вывести из него все многообразие окружающего мира, которое явно демонстрирует единство материального и духовного. Претензии марксизма на то, что с помощью объективной материалистической диалектики можно дать адекватное представление о мире (природе, обществе и человеке), оказались явно несостоятельными, точнее, односторонними. Марксистская (материалистическая) диалектика явилась важным и необходимым этапом развития мировой философской мысли, она привнесла много существенно нового, прежде всего, в понимание динамики общественного развития. И, тем не менее, материалистическую диалектику постигла практически та же судьба, что и диалектику идеалистическую - обе они перестали быть властителями умов человечества. Их претензии дать ответы на все жизненно важные вопросы, стоящие перед человечеством, так и остались только претензиями. Не случайно из вузовских программ совершенно безболезненно исчезла тема диалектики.

Тем не менее, на наш взгляд, диалектику рано хоронить, ее вообще никому и никогда похоронить не удастся, поскольку именно она дает наиболее глубокое постижение противоречивой сути мира. Уход с авансцены мировой философии и идеалистической и материалистической диалектики есть явление объективного порядка. Но есть в истории философии реалистическая диалектика, которая никогда не заявляла о себе так громко, как идеалистическая и материалистическая, но которая, тем не менее, существовала в философии изначально и во все века, правда, в неявной форме.

Это существование новый этап в развитии диалектики, в которой диалектика материалистическая и идеалистическая предстают как односторонние, крайние, абстрактные стороны, которые именно в силу своей односторонности и умозрительности (оторванности от реальной жизни) и имеют такую печальную

судьбу. Именно реализм, доводя диалектику до конца, до предела - до понимания материи и духа как двух полярных моментов, полностью подчиняющихся диалектическому закону противоречия, - именно это понимание возводит диалектику на принципиально новый уровень, дающей ей новое дыхание и открывающей новые горизонты, недоступные в отдельности ни материализму, ни идеализму.

Когда-то Н. А. Бердяев обосновывал положение, что невозможна материалистическая диалектика, поскольку материалисты за целое (бытие) выдают только одну его компоненту (материю). Позже известный советский философ В. И. Свидерский не менее убедительно доказывал, что невозможна идеалистическая диалектика, поскольку она за целое (бытие) выдает лишь одну его компоненту (идею, дух). Оба философа и правы и не правы одновременно. Их правота в том, что претензии материалистов и идеалистов дать целостную картину мира оказались несостоятельны, что убедительно доказала история. Тем не менее, без идеалистической и материалистической диалектики невозможна была бы диалектика реалистическая. В чем ее особенность?

- Реалистическая диалектика, возникая после идеалистической и материалистической, вбирает в себя все лучшее, что достигнуто ими.

- Реалистическая диалектика не есть просто сумма уже известных диалектик, а представляет собой их высший синтез, дающий в итоге новое знание.

- Реализм единственному оказалось по плечу довести диалектику до самых глубинных основ, до фундамента мироздания, представив материю (природу) и дух (идею) неотъемлемыми сторонами единого целого (бытия).

- Реалистическая диалектика на смену привычным и вообще-то метафизическим монистическому и дуалистическому представлениям о мире вводит подлинно диалектическое понятие «дуалистический монизм».

- Реалистическая диалектика, признавая стороны противоречия равно великими, равно необходимыми заканчивает историю «хромающей диалектики», столь свойственной марксизму, где одна сторона противоречия априори признавалась ведущей, побеждающей, а другая - менее значимой, побеждаемой.

Еще в советское время господствующая материалистическая диалектика была определена нами как «хромающая диалектика». Тогда нами был введен диалектический принцип соответствия полярных противоположностей, по которому стороны диалектического противоречия могут быть только равнозначными, равновеликими.¹ Положение это постоянно подтверждается в истории философии. Равнонеобходимость материи и формы доказывал Аристотель, равнозначность причины и следствия отстаивал Гегель, равноправность необходимости и случайности доказывает синергетика... Но отсюда следует, что в диалектическом противоречии «материя – дух» ни материя не выше духа (как то думают материалисты), ни дух не выше материи (как полагают идеалисты). Они есть равнонеобходимые стороны единого целого, называемого бытием. Друг без друга они могут существовать лишь в абстракции, и именно абстрактные, оторванные от реальной целостности картины мира дают нам материалистическая и идеалистическая философия.

Итак, что такое *реалистическая диалектика*?

Реалистическая диалектика есть высший, современный этап развития мировой диалектики. Как и всякая диалектика она есть учение о противоречивой сущности всех явлений и событий, но, в отличие от диалектики идеалистической и материалистической, она единственная доходит до проникновения в суть самого мироустройства, понимая природу и дух как неотъемлемые стороны главного сущностнообразующего противоречия мира. Реалистическая диалектика есть диалектический синтез двух исходных противоположностей - диалектики идеалистической и диалектики материалистической, которые могут быть представлены как тезис и антитезис. Таким образом, развитие мировой диалектики четко подчиняется главному закону развития познания, открытого Гегелем - отрицания отрицания, когда на смену тезису и антитезису неизбежно приходит плодотворный синтез, которые расставляет все на свои места.

§ 2. Реализм как самый богатый материализм.

Мы хотим показать, что высшими этапами развития материализма и идеализма является реалистическая философия. Материализм и идеализм находятся в постоянной борьбе и непримиримости только на низших и средних уровнях развития мировой философии. На высшем же уровне ее развития они находятся в отношении взаимодополнительности, гармонического единства. Еще древние греки утверждали, что противоречие является не только условием борьбы, но и условием высшей гармонии. Это положение на многие века оказалось забытым, не востребованным, мы же хотим на примере реализма показать его истинность.

Никто так не любит материю, так не служит ей и так ее не воспевают, как реалист. Ключевое понятие для материализма – материя – было введено в философский обиход не материалистом, а реалистом Аристотелем. А ведь именно это понятие дало название для всей материалистической философии. Еще пример. До Канта все ученые и все философы были уверены, что без воли Бога объяснить происхождение Вселенной невозможно. Но именно реалист Кант в своей космогонической теории навсегда отстранил Бога от творения мира. Мы убеждены, и возможно когда-нибудь это попытаемся доказать, что именно реалисты дали начало наибольшему количеству наук, именно они сделали больше всего научных открытий при изучении материальной компоненты мира. В

¹ См.: Обухов В.Л. Системность элементов диалектики. Л., 1985.

предварительном плане достаточно только вспомнить имена Аристотеля, Бруно, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта...

Реалист с достоинством носит имя материалиста, гордится принадлежностью к этому философскому направлению и дает самые яркие, самые убедительные, самые восторженные описания материальной составляющей мира. Но он с не меньшим основанием относит себя и к идеалистическому направлению. Для правверных материалистов и идеалистов, застрявших на низших и средних этапах развития философской мысли это утверждение представляется абракадаброй, - но так и должно быть, на низших уровнях речь может идти только о борьбе, но не о единстве, а тем более – об определенном тождестве. Но на высших уровнях их единство становится гораздо более заметным. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, Ленин заметил, что в этом самом идеалистическом произведении Гегеля всего меньше идеализма, всего больше идеализма, что это противоречиво, но факт. Реалист написал бы иначе: Именно потому, что это самое идеалистическое произведение Гегеля, именно поэтому в нем всего больше идеализма и всего больше материализма. Это противоречиво, но факт, что противоречие составляет суть всех явлений и процессов.

Итак, на самых высоких уровнях развития идеализм все больше тяготеет к материализму, а материализм – к идеализму. Отсюда понятна та странная любовь, которую испытывали классики марксизма-ленинизма к идеалистической философии Гегеля.

Здесь следует сделать одно существенное замечание. Переход материалиста в идеалиста, а идеалиста в материалиста ни в коем случае не означает обращение в реалистическую философию. Реализм возникает только тогда, когда философ сознательно признает материю и дух двумя равнонеобходимыми сторонами единого противоречия. Имеющие место случаи обращения материалиста в идеалиста и наоборот доказывают только, что между этими философскими направлениями гораздо больше сходства, чем различия. Сходна методология построения этих систем, их аргументация, их односторонность. Поставь на место первичности материи дух – и ты законченный идеалист. Сегодняшняя практика самым убедительным образом доказывает это.

Реалистическая философия строится на принципиально иной методологии, она требует совершенно иного кругозора, и здесь такое обращение невозможно.

§ 3. Реализм как могущественное подтверждение правоты идеализма.

Реалисты не только дают самые восторженные описания материи. У них же мы находим и самые восторженные описания духа, такие описания, которые не доступны никакому правверному идеалисту в мире. Реалисты и идеалисты по-разному воспринимают дух: реалисты оптимистично, а идеалисты – пессимистично. У Дж. Бруно признание духовной компоненты мира породило оптимистическое мировосприятие, позволившее ему смело пойти на костер, у Г. Гегеля – состояние холодной величественности, у А. Шопенгауэра – пессимистическое состояние духа, у Ф. Ницше – воинственную агрессивность, у экзистенциалистов – трагическое состояние нахождения лицом к лицу со смертью. У автора же данных строк признание реальности существования мирового духа порождает сказочное мировосприятие, по которому оказывается, что тот волшебный мир, каким он описан в сказках братьев Гримм и у Г. Х. Андерсена, есть правдивое отражение нашего мира, а тот мир, который изучается на уроке в школах, есть лишь его скорлупа, оболочка.

Почему так происходит? Видимо, потому, что философы, признающие дух, но игнорирующие материю, бытие признают за Ничто (Ж. П. Сартр), и в этом случае человек оказывается один-на-один перед лицом этого ничто, т.е. смерти, что не может не породить пессимистического отношения к жизни. Странник же реалистического мировоззрения, признающий материю равновеликой духу, воспринимает мир во всей его возможной полноте, в бесконечном богатстве его проявлений. В этом мире находит свое место и некоторая тайна, чудо, которое хорошо описывают сказочники и с которым хоть ненадолго встречался каждый из нас.

§ 4. Что такое «философский бог»?

В конце XIX в. философия устами Ф. Ницше провозгласила смерть бога. Какие последствия это имело для философии, культуры, человека, жизни в целом?

Философия изначально существовала как богоизбранная наука. Поскольку мудрость признавалась наивысшим достоинством человека, наиболее приближающим его к богу, как чистому разуму, постольку судьба философов после смерти - напрямую идти в мир богов, быть вечно с ними. Божественное устройство мира предполагало высочайший статус философа, дерзнувшего воспеть этот мир во всем его божественном величии.

Философский бог - это не Яхве и не Иегова, а то удивительное гармоническое начало, та красота и то совершенство, которые не могут не покорить, не привести в трепетный восторг мыслящего человека. Приведем по этому поводу только несколько высказываний великих мира сего. Дж. Бруно: «Мы иным образом, нежели негоды и глушцы, определяем волю Бога... Мы ищем его в непреодолимом и нерушимом законе природы, в благочестии души, усвоившей этот закон, в сиянии солнца, в красоте вещей». И. Ньютон: «Чудесное устройство космоса и гармония в нем могут быть объяснены лишь тем, что космос был создан по плану всеведущего и всемогущего существа. Вот - мое первое и последнее слово». А. Вольтер: «Я смотрю на истинных философов как на апостолов божества. Такие апостолы нужны для разного рода людей. Приходский учитель катехизиса говорит детям, что Бог есть; Ньютон доказывает это мудрецам». А. Эйнштейн: «Среди лучших умов научного мира редко встретишь того, кто не испытывал бы определенных религиозных чувств... Эта религиозность состоит в восторженном преклонении перед гармонией природы, - гармонией,

свидетельствующей о таком разуме, перед которым меркнут все достижения научной мысли». А. Д. Сахаров: «Я не знаю, в глубине души, какова моя позиция на самом деле, я не верю ни в какие догматы, мне не нравятся официальные церкви... В то же самое время я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысленного начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным».

Приведенные выше слова Эйнштейна полностью подтверждают современные статистические данные, приведенные П. Тиволье в книге «Спутник искателя правды» (Брюссель, 1992, с. 51), по которым из трехсот наиболее известных ученых трех последних веков 20 было неверующих, 38 не высказывали своих отношений к религии, а 242 в той или иной степени проявляли свою религиозность.

Итак, с начала своего возникновения и на многие века философия связывает себя с задачей осмысления этого божественного мироустройства. Философию можно было сравнить со священным сосудом, в котором хранилась тайна мироздания. Объявленная смерть бога для философии имела то последствие, что возникает огромное множество школ и школок, доказывающим, что именно они являются правопреемниками философии, ибо у них есть то, чего нет у других. Практически каждый из этих осколков (направлений), как это ни парадоксально звучит, претендует на определенный синтез, не осуществленный никем до него. Так, практическая философия соединила теорию с практикой, психоанализ - философию с решением задач в психиатрии, позитивизм применил философскую методологию к решению актуальных проблем науки, экзистенциализм, соединив философию с искусством, решил смысловые проблемы человеческого существования, марксистская философия соединила философскую теорию с практикой революционного преобразования мира и т.д.

Объявленная на исходе XIX века смерть бога своим следствием имела еще множество других смертей, о которых философы заявили уже в веке XX: умер человек, умерла культура, умерла философия.

Смерть человека означала, что после двух мировых войн, развязанных в Европе, никто уже не пытался сказать, что человек звучит гордо. Надежды, которые связывались с человеком в предыдущие эпохи, оказались похороненными. Смерть культуры означала, что на смену Культуры - Властительницы душ, приходит постмодерн, карикатура на культуру, где главным уже становится формалистическое соединение произвольных взятых кусков предшествующих великих культур.

Смерть бога, смерть человека, смерть культуры неминувным следствием имели смерть философии. Разумеется, философия не умерла совсем, но она полностью утратила свой прежний самостоятельный статус, превратившись в ремесло по обслуживанию конкретных, частных задач, никак не претендующих на освоение мира в целом: философия жизни, философия существования, философия практики, философия науки, философия техники, философия языка, философия культуры, философия религии, философия свободы...

Философию все более активно начинают третировать общественное мнение, доходящее даже до сомнения в необходимости ее существования.

Завершившийся к началу XX столетия брак-разводный процесс между наукой и религией имел и еще одно, самое страшное последствие - две мировые войны, унесшие десятки миллионов жизней. Осознание этого трагического факта привело к тому, что с середины XX века во всем мире, включая Россию, наблюдается определенный ренессанс религиозных ценностей, определенное сближение, взаимотяготение, взаимодополнительность науки и религии. Этот процесс не может проходить ровно и гладко. За полтора тысячелетия безраздельного господства религии и полтысячелетия такого же господства науки не могло не накопиться взаимных обид и подозрений. Еще и сегодня есть ученые, которые заявляют, что никогда не было и не будет ничего общего между наукой и лженаукой, между наукой и антинаукой, как они величают религию.

Тем не менее, процесс конвергенции налицо. Он проходит на уровне обыденного сознания, когда все большее число людей объявляют себя верующими, на уровне политики, когда важнейшие государственные и мировые проблемы решаются сообща правительственными чиновниками и церковными иерархами, он проходит и на уровне единения науки и религии, когда на все большем числе научных конференций вместе, бок о бок участвуют ученые и богословы. В этих условиях возрождение реалистической философии в полном смысле слова является знаменем времени. Ведь только реалистической философии, признающей природу и дух двумя равноправными сторонами мира, под силу выявить и на привычном языке науки попытаться объяснить то рациональное, что содержится в религиозном учении. Прежде всего, и это, несомненно, заслуга религии (здесь имеется в виду религия в собирательном смысле, как любая религия) в том, что она пронесла сквозь все последние столетия, - столетия насмешек и даже надругательств, - осознание духа и души как высших ценностей мира и человека.

Специфику философского бога легче всего будет понять при соотнесении его с богом религиозным, при выявлении их единства и различия.

В чем они различны?

- Если религиозный бог – это, по мнению ряда ученых, есть продукт забитости и невежества, то философский бог есть порождение высшего интеллектуального просветления.

- Если религиозный бог есть гипотеза, в которой ученый может не нуждаться, то философский бог есть данность, с которой науке обязательно придется считаться.

- Если религиозный бог зачастую выражается в личностном начале, то философский бог есть начало безличностное.

- Если философский бог, как правило, богом и называется, то философский кроме названия «бог» имеет и множество других обозначений: мировой разум, мировая гармония, мировая воля, логос, монада, универсум, абсолют, абсолютная идея, дух.

- Если религиозный бог существует до и вне природы, то философский бог есть неотъемлемая составляющая мира, вне мира – это лишь абстракция.

Но есть между ними и много общего. Существуют три источника для изучения философского бога, или духа.

Первый – это труды известных богословов. Когда знакомишься с их работами, посвященными духу и душе, поражаешься колоссальной самодисциплине, интеллектуальной мощи, гениальным откровениям, содержащимся в них. Разумеется, в полной мере написанное отцами церкви не может быть признано наукой – принадлежность к религии, верность религиозным догматам не могла не сказаться на их представлении о духе. Анализ последних работ ведущих церковных иерархов показывает, что христианская церковь в настоящее время делает все более решительные шаги в сторону реалистического мировоззрения. Это, в частности, проявилось в обосновании Алексием II антропологического реализма как важного религиозно-мировоззренческого направления.

Вторым источником, позволяющим лучше понять дух и его атрибуты, являются труды религиозных философов. Официальная церковь обычно не признает эти труды, поскольку в них мощь религиозного прозрения сочетается с мощью самостоятельного научного поиска, за что их обвиняют в ереси. Религиозные философы на деле (на своем примере) доказали совместимость религиозного и научного подходов.

Третьим источником изучения атрибутов бога являются труды философов реалистической направленности. Здесь, прежде всего, на память приходят подробные описания атрибутов бога у Р.Декарта и Б.Спинозы, а также «Монадология» Лейбница. Их идеи так и остались не востребованными и не понятыми до конца последующей философией и наукой.

Мир, окружающий человека, един. Человечество также едино. Но в силу бесконечной сложности мира издавна сложилось практически бесконечное число направлений познания мира. Из них важнейшими являются следующие: наука, религия, философия, искусство, здравый смысл (обыденное сознание). И если наука упор делает на материальной компоненте мира, религия – на его духовной стороне, то искусству и философии по плечу дать наиболее взвешенный, целостный, т.е. реалистический взгляд на мир. Каждое из этих направлений познания мира (а все они исследуют мир, познают его) имеет свою собственную методологию и свой язык. И нет у них никакого интереса друг к другу, к тому знанию, которым обладает другое направление. О. Мандельштам когда-то справедливо заметил, что у нас между наукой и искусством пошлейшее разделение труда и отсутствие всякого любострастия. Но это любострастие отсутствует вообще между всеми названными духовными сферами. И это понятно; такое любострастие по определению недоступно ни классической науке, ни классическому материализму и идеализму, ни традиционной религии, ибо каждая из них замкнута в своем собственном коконе.

Но такое любострастие по определению присуще реалистической философии, которая единственная пытается дать целостное, полное, т.е. реальное отображение реального мира. И ей крайне нужны все существующие направления познания мира, ибо в каждом из них есть свое рациональное содержание.

Николай Кузанский приводит интересный образ. В центре средневекового города находится дворец правителя. Город обнесен стеной, через 5 врат которой ежедневно стекаются люди из разных стран. Некоторые из них доходят до дворца и рассказывают правителю об увиденном. Мудрый правитель соотносит все эти рассказы, анализирует, систематизирует их и в итоге получает целостную картину мира. Эти 5 врат - наши органы чувств. Заменяем пять органов чувств на пять основных направлений познания мира и мы получим философа-реалиста, который как мудрый правитель не игнорирует ни одно из направлений познания мира, а уважительно относится ко всем ним. Он воспринимает и перерабатывает знание, даваемое науками (естественными и гуманитарными), религией (различными ее конфессиями), философией (разными школами и направлениями), искусством (разными видами) и здравым смыслом, которым обычно пренебрегают другие направления познания, но без которого подлинно реалистическое познание мира невозможно.

Таким образом, реализм, - это не только философия, не только идеал-материализм, о чем говорилось выше, но это особое прочувствование мира, особое мировосприятие и мироосмысление. Эта сумма, сплав, синтез основных форм познания мира в итоге дает принципиально новое знание, адекватное существующей реальности. Это знание изменит наши устоявшиеся представления о мире, оно поднимет человечество на новый уровень, позволит ему решить многие нерешенные проблемы. Это знание будет добываться не одно столетие, мы лишь в начале этого пути, и о неизбежности этого пути заявляет реалистическая философия.

Реализм является той самой «бритвой Оккамъ», которая единственная способна дать адекватное отражение мира во всей его реальности и полноте. Ведь только реализму под силу осуществить синтез односторонних философских направлений, ибо он с этой целью и создавался. Только реализм способен осуществить синтез рационального и иррационального, поскольку, наряду с научно-рациональными подходами, дающими знание о материальной составляющей мира, он способен на творческое воображение, сказочное мировосприятие, восторг, столь необходимые для освоения духовной составляющей мира. И поэтому только утверждение реалистического мировоззрения будет способствовать возрождению философии как высшего проявления человеческого духа.

Поскольку это целостное знание, в котором наиболее нуждается современный мир, постольку нельзя переоценить то значение, которое будет иметь его утверждение для политики, экономики, науки всей дальнейшей жизни всего человечества, что мы попытаемся в определенной мере показать ниже.

Глава 3. Реализм в духовной культуре общества.

§ 1. Реализм в науке.

В современной науке все большую роль начинает приобретать духовное начало. Не случайно в наши дни все более широкое распространение получает синергетика, в рамках которой, по выражению И.Пригожина, формируется новый диалог человека и природы. В основе синергетики лежит принцип самоорганизации, который может быть истолкован как проявление некоторого духовного начала,

характеризующегося соотношением хаоса и порядка как некоторыми материальными характеристиками. Все попытки интерпретировать самоорганизацию в контексте чисто рационалистических представлений, прекрасно описывающих материальные системы, ни к чему не приводят. Поэтому здесь пришлось отказаться от традиционных представлений о причинности и признать принципиальную непредсказуемость развития сверхсложных систем, таких как человек и общество. Социальная синергетика вынуждена отказаться от традиционного истолкования ряда важнейших категорий, таких как прогресс, причинность и др.

Более того, развитие науки и техники, ориентированных преимущественно на описание и преобразование материальных процессов, неизбежно приводит к тому, что они постепенно действительно превращаются в орудия уничтожения и самоуничтожения. Действительно, мы в настоящее время постоянно можем наблюдать разрушительное действие науки и техники на разных уровнях: в политике в виде угрозы войн с неконтролируемым использованием средств массового поражения, в обыденной жизни в форме негативного влияния на здоровье человека компьютеров, сотовых телефонов, синтетических лекарств, генетически деформированных продуктов питания и т.п. На современном этапе развития общества многие исследователи начинают осознавать, что разрыв материальных и духовных компонент в сфере научных разработок создает реальную угрозу для существования человечества.

И отнюдь не случайно в таком контексте возникает острая проблема соотношения научного и вненаучного знания. Нам представляется, что только их синтез может дать целостное видение мира и обеспечить нормальный, гармоничный процесс развития человека и социума. На протяжении столетий наука упорно стремилась сохранить монополию на истину, в чем она находила поддержку в лице материалистической философии, особенно в ее марксистском варианте. Однако хорошо известно, что реалистически мыслящие люди всегда чувствовали ограниченность науки. Уже И.Кант прямо указывал, что к науке следует относиться с глубочайшим уважением, но не переоценивать ее возможности. И отнюдь не случайно наиболее выдающиеся ученые, исследующие материальные объекты, постоянно говорят о том, что сделать открытия помогло им обращение к факторам, явно лежащим за пределами науки. Возьмем наугад такие известные имена как Пифагор (музыка небесных сфер, активизирующая творческие способности человека), Ф.Аквинский (проникая в сущность материального мира, непредубежденный исследователь должен неизбежно увидеть там следы «божественного творения»), П.Дирак (красота научной теории привела его к выдающимся открытиям в физике). Каждому понятно, что все перечисленные факторы явно лежат за пределами науки.

На протяжении тысячелетий, несмотря на возникающие порой трагические ситуации, продолжают упорные поиски приемлемых форм диалога между наукой и религией. Здесь обнаруживаются аналогичные тенденции, что и в процессе взаимодействия материализма и идеализма: на одних этапах исторического развития имеет место абсолютизация религии и отрицание науки, а на других, наоборот, дискредитация религии. Достаточно вспомнить хорошо известные эпизоды из деятельности инквизиции или воинствующий атеизм не столь отдаленного прошлого. Но выдающиеся деятели науки в подавляющем большинстве случаев всегда лояльно относились к религии (Н.Коперник, И.Ньютон, и многие другие), также как и представители религии – к науке (Б.Августин, Ф.Аквинский, П.Флоренский и др.).

Иногда научные исследования приводят к значительным трудностям, которые могут порождать безвыходные ситуации. Например, в квантовой физике получен обширный эмпирический материал, никак не укладывающийся ни в какие имеющиеся рациональные схемы. И некоторые физики пытаются соотносить его со структурами, лежащими далеко за пределами традиционной науки. Скажем, известный физик Ф.Капра пришел к выводу, что представления, характерные для буддийской традиции, гораздо больше соответствуют эмпирическому материалу квантовой физики, чем сугубо рационалистические схемы современной науки. Здесь явно наблюдается связь материального и духовного начал, что открывает новые возможности для развития науки и вненаучных представлений.

В течение последних десятилетий можно констатировать наличие плодотворного диалога науки, религии и других видов вненаучного знания, которые взаимно стимулируют друг друга в поисках решений таких фундаментальных проблем, как происхождение жизни, происхождение и сущность человека, антропный принцип, поиски внеземного разума, теория «большого взрыва» и т.д. В результате все участники диалога идут на взаимные, порой довольно значительные уступки в поисках компромисса. Такая позиция способствует формированию нового мировоззрения, позволяющего существенно расширить горизонты человеческого сознания и создать более адекватные концепции природы, человека и общества.

Каждая эпоха формирует свое мировоззрение. И это мировоззрение зиждется на истолковании материального и духовного начал и на понимании природы их взаимосвязи. Все попытки отдать предпочтение одному из них, материальному или духовному, неизменно порождали односторонние подходы к человеку, природе и обществу, что четко прослеживается на примерах материалистических и идеалистических систем в философии. Философия отличается от науки тем, что она изначально ориентирована на целостное видение мира, стремится проникнуть в сущность, дать прогнозы на будущее, тогда как наука изучает отдельные фрагменты действительности. Отсюда понятно, почему философию так интересует проблема соотношения материального и духовного.

Эта проблема приобретает все большую значимость и для науки. Не случайно в рамках науки идея реализма (единство материального и духовного начал) начинает получать самое широкое

распространение с конца XIX - начала XX веков (Д. И. Менделеев, А. Л. Чижевский, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский). В последние десятилетия еще более настойчиво начинает осознаваться научным сообществом идея, что многие проблемы для своего решения требуют синтеза материального и духовного начал, в связи с чем многие ученые открыто объявляют себя сторонниками реалистического мировоззрения. В качестве примера здесь можно привести книгу доктора технических наук, известного ученого Г. Н. Дульнева «В поисках нового мира», в которой автор прямо пишет, что в нашу эпоху ослабления догматов и более высокого уровня узловой свободы реализм может рассматриваться как наиболее удачная, наиболее продуктивная форма согласия между материализмом и идеализмом.

В настоящее время многие ученые инстинктивно чувствуют недостаточность односторонне-материалистических представлений и пытаются найти выход. Такие поиски в наши дни породили попытки «перебросить мост» между материальным и духовным началами. Современные физики ищут такие связи в виде «торсионных полей», в учении о многомерной реальности, в представлении о Земле как живом суперорганизме и пр.

Современная психология в лице своих выдающихся представителей (К. Юнг, Э. Фромм и др.) также говорит о том, что в наши дни возникла необходимость вернуться к целостным представлениям о действительности, для чего необходимо наряду с рационалистическими пользоваться и иррационалистическими (образно-эмоциональными, интуитивными и т.п.) представлениями. Они должны дополнять друг друга, т.е. сознание и бессознательное должно находиться в гармонии друг с другом.

Итак, мы видим, что реалистическое мировоззрение полностью отвечает запросам современной науки, находящейся на самых передовых рубежах.

§ 2. Реализм в искусстве.

Принцип реализма наиболее полно реализуется именно в сфере искусства. В самом деле, в выдающихся произведениях мы, как правило, можем видеть сочетание рационального и образно-эмоционального. Скажем, в «Божественной комедии» Данте присутствуют в качестве компонент философские, естественнонаучные и т.п. представления той эпохи. В картинах Брейгеля Старшего легко угадывается механистическая картина мира. Одновременно в таких произведениях присутствуют и элементы мифов и господствующих религиозных представлений.

Искусство дает нам информацию о человеке, которая существенно отличается от той ее разновидности, которую мы получаем на уровне рационалистических представлений науки. Так, Ф.М. Достоевский убедительно показывает, что если человек ориентируется только на рациональное, то это неизбежно приводит его к роковым последствиям, ибо с помощью логики можно доказать все, что угодно, оправдать самые страшные преступления. Это хорошо показано на примере таких образов как Раскольников, Иван Карамазов и другие.

К сожалению, как в древности, так и в наши дни человек воспринимает окружающий мир и других людей односторонне, что порождает о них неадекватные представления. И такая односторонняя, деформированная картина действительности порождала многочисленные конфликтные ситуации и непонимание. Еще древние греки (Аристотель и др.) справедливо отмечали, что искусство выполняет своеобразную функцию «очищения» (катарсис). Уже в те далекие времена люди понимали, что знакомство с произведениями искусства (драма, трагедия и т.п.) приводит к смягчению нравов, большей терпимости к другим, даже к тем, которые изначально воспринимались как носители зла. Исследования показывают, что после знакомства с выдающимися произведениями литературы и искусства у человека формируется более толерантная (терпимая) позиция по отношению к людям, которая сохраняется в течение длительного времени и оказывает заметное влияние на его поведение в обыденной жизни. Под их влиянием человек изменяет и отношение к самому себе. В наше время это обстоятельство широко используется в психоанализе.

Собственно говоря, люди давно заметили, что страсти и эмоции форсируют или подавляют интеллектуальную деятельность. В этом контексте становится также понятным, почему многие выдающиеся ученые постоянно подчеркивают, что истинные произведения искусства часто стимулируют новые открытия в науке. Дело в том, что не только человек, но и любой другой объект под влиянием выдающихся художественных произведений предстает в новом свете. Становится также несколько понятнее, почему всякого рода экстремисты, террористы, религиозные фундаменталисты и пр., т.е. люди, застывшие на определенных позициях, почти всегда крайне негативно относятся к выдающимся произведениям искусства. Это особенно характерно для тоталитарных режимов с их идеологическим экстремизмом. Все эти люди интуитивно чувствуют, что истинные произведения литературы и искусства расшатывают их жесткие линейные представления и установки. В рамках тоталитарных режимов типа нацизма или сталинизма идеологические конструкции часто используются такими людьми в качестве аргумента для обоснования настоящего вандализма по отношению к выдающимся произведениям, если они не укладываются в систему их односторонне-рационалистических представлений. И здесь четко просматривается линия от варварских разрушений памятников античной культуры исламскими фанатиками (уничтожение alexandрийской библиотеки и пр.) до уничтожения икон, церквей и т.п. в послереволюционный период в России, сожжения картин по решениям судов в 70-е годы прошлого столетия, публичного сожжения негодных книг в нацистской Германии, уничтожения талибами в Афганистане шедевров буддийской культуры и т.п.

Следует отметить еще один важный момент. Мы уже говорили, что с помощью искусства в каждый момент исторического развития в шедеврах литературы и искусства запечатлевается целостное, более или менее адекватное, представление о действительности (о мире, природе и человеке). В ходе исторического развития с помощью духовной культуры от поколения к поколению передаются наиболее важные результаты человеческой деятельности в различных сферах. Наиболее устойчивым может считаться процесс такой трансляции в области рационального познания. Действительно, в науке был создан специфический язык, в рамках которого фиксировались достигнутые к тому или иному моменту времени результаты. Такие результаты получали свое адекватное выражение в виде книг, мемуаров, летописей и т.п., которые обычно тиражировались и в более или менее полном объеме дошли до нашего времени. Более того, все эти материалы переводятся на другие языки и постепенно становятся достоянием всего человечества.

Что касается искусства, дающего в своих выдающихся произведениях целостное, более или менее адекватное представление о прошлом, то здесь ситуация складывается гораздо хуже. Известно, что такие произведения не воспроизводимы, уникальны и всякие их имитации, копии никогда не достигают уровня оригинала. Но в них отражается уровень восприятия действительности наиболее продвинутыми людьми той или иной культурной эпохи. Всем известно, что число шедевров искусства и литературы не слишком велико. Кроме того, значительное их количество бесследно исчезает и уничтожается в ходе исторического развития в результате войн, катастроф, революций, вандализма тоталитарных режимов и пр. Это неизбежно приводит к усилению рационализации общества и крайне негативно сказывается на целых поколениях людей.

В этом же направлении действует тенденция, идущая со стороны индустриального (капиталистического) общества, заключающаяся в том, что для эффективного развития экономики в рамках машинного производства требуется рационализированный, «средний» человек. Что касается продвинутого, творческого человека, то он здесь рассматривается как явление нежелательное. Поэтому капиталистическое общество не стимулирует развития литературы и искусства и сохранения их выдающихся результатов.

Но не только рационализация приводит к падению уровня художественной культуры, но также и вульгарная биологизация. Новое искусство зачастую не требует и даже не допускает больших букв и незаметно сливается с повседневностью. Если говорить о концептуальных основах по-новому понимаемого художественного творчества, то одной из основных стратегий авангардного искусства является скандал². И уже становится не до гармонии в проявлениях человеческой природы. Воинствующий биологизм, идущий к самоуничтожению, оказывается бессильным в ощущении и познании двуединства телесно-духовного мира.

Итак, можно сделать следующие выводы. Принцип реализма проявляется особенно интенсивно в духовной культуре. В науке на первый план выдвигается материальное начало, которое зачастую абсолютизируется и духовная компонента мира здесь угадывается только наиболее продвинутыми, творческими представителями. В религии, наоборот, часто трудно уловить материальное начало. Поэтому подлинный расцвет искусства может служить важным показателем гармоничности развития общества, что хорошо иллюстрируется примерами античной Греции периода классики и эпохи Возрождения.

Глава 4. Реализм и общественная жизнь.

§ 1. Человек и общество в системе реалистического мировоззрения.

Применение философского реализма к познанию взаимодействия человека и социума требует большей конкретизации его всеобщих, научно-вненаучных категорий, устойчиво-изменчивого характера их реальной природы.

Если современная феноменологическая социология рассматривает социум в двойной перспективе как систему и совокупность жизненных миров, то философский реализм, исходящий из первоначальных глубин мироздания, происхождения и развития человека, понимает социально-антропологический мир как взаимодействие устойчивых материально-рациональных структур и систем (закрытых и открытых) и подвижных духовно-жизненных сил и энергий.

Проблема включения человека в социум и его среду является исключительно актуальной. Это связано с тем, что от результативности такого включения зависит весь процесс развития человека, его дальнейшая судьба, самочувствие, признание, успешность или неуспешность деятельности. Становление человека осуществляется только посредством включения в те или иные типы социальных структур.

В каждом обществе можно встретить ряд сильно отличающихся друг от друга типов включения человека в социум. Различия определяются, прежде всего, различиями самих механизмов включения. В качестве таковых могут выступать, например, семейные традиции, процессы образования, личная устремленность человека, требования лидеров научных школ и др. Все типы включения варьируют между двумя полюсами: от жесткого до мягкого. С точки зрения философского реализма жесткое и мягкое включение человека в социальные структуры мы рассматриваем как социальную и психологическую конкретизацию материальных и духовных начал реальной действительности.

² См.: Акопян К.З. XX век в контексте искусства. История болезни как повод для размышления. М., 2005.

В основе *жесткого* включения лежат различные типы внешнего принуждения. Одним из них является принуждение со стороны родителей, когда уже с рождения ребенка ясно, какие социальные функции он будет выполнять и какой профессиональной деятельностью будет заниматься. Этот способ включения имеет свои достоинства и недостатки. К явным недостаткам относится отсутствие у человека свободы выбора, известная принудительность, возможность несовпадения способностей и задатков с требованиями структуры.

Сказанное не означает, что подобный тип включения является полностью архаичным и отжившим свой век. Он имеет и ряд позитивных моментов, среди которых можно отметить такие, как:

- *передача наиболее тонких приемов мастерства, профессии, элементов творчества от отца к сыну на основе непосредственного невербального взаимодействия;*
- *максимально раннее приобщение к конкретным видам деятельности;*
- *расширение возможности ранней самореализации человека;*
- *востребованность человека социальной структурой;*
- *создание оснований для достижения высоких результатов как итог перечисленных позитивных моментов*³.

Жесткий способ включения обеспечивает социальной структуре высокий уровень стабильности, и он оправдан, если речь идет о передаче традиций, мастерства, накопления опыта, сохранения редкой профессии. Помимо сказанного, жесткое включение оказывается необходимым для поддержания социальных институтов, без которых невозможно существование социума (армия, исправительные учреждения, налоговая инспекция). В условиях индустриального общества большое число людей часто вынужденно включается в структуры производства, необходимые для получения средств существования.

Альтернативной жесткому включению является *нежесткое (мягкое)* включение. В данном случае решение о включении в ту или иную социальную структуру исходит от самого человека, детерминируется его склонностями, способностями. Разумеется, для того, чтобы решение человека было обоснованным, он должен располагать адекватной информацией о существующих типах социальных структур. И главное, – чтобы подобное включение было эффективным – человек должен учитывать именно свои личные склонности и возможности. Человек при этом чувствует себя комфортно в данной среде.

Нежесткие структуры классифицируются по разным основаниям. Они могут различаться по длительности процесса включения. Одно дело сложные виды профессиональной деятельности (инженер, врач), требующие длительной предварительной подготовки, другое дело – политические партии, религиозные секты, добровольные объединения, куда можно быстро войти. Другим основанием дифференциации социальных структур может служить мера их активности по отношению к человеку. Одни стремятся активно вовлечь человека (секты, криминальные группы, партии), другие препятствуют такому включению (элитарные группы, некоторые властные структуры), третьи – нейтральны по отношению к человеку (наука в современной России).

Понятно, что описанные полярные типы жесткого и мягкого включения в действительности встречаются достаточно редко. Чаще мы имеем дело с промежуточными, когда детерминантами включения выступают как элементы принуждения человека, так и его личные интересы, способности. Это справедливо и для включения в основные сферы деятельности.

Философский реализм центральным процессом в системе взаимодействия человека и социума считает процесс самореализации индивида, который рассматривается как системообразующая движущая сила развивающейся личности. *Под самореализацией понимается наиболее полное использование способностей, талантов, потенций человека, осуществляемых путем его включения в социальные структуры.* Процессы самореализации и самоосуществления человека разворачиваются под влиянием разнообразных факторов в разных сферах жизнедеятельности и на различных этапах его жизненного пути, практически не прекращаясь на протяжении всей жизни.

Большинство существующих исследований по проблеме человека, написанных не с позиции реалистической философии, страдает одним общим недостатком – в них, как правило, дается набор различных сведений о человеке, заимствованных из различных областей знаний, но при этом утрачивается его многомерность, поскольку человек не рассматривается как целостное существо. На этом фоне многими исследователями ощущается потребность в объединяющей идее, способной дать понимание человека как целостного образования. В соответствии с нашими установками, мы будем рассматривать человека как развивающуюся динамическую целостность, стремящуюся к разворачиванию своих глубинных потенций, к подтверждению своей собственной значимости, ценности.

Человек всегда включается в социальные структуры для удовлетворения своих потребностей. Сами потребности могут выступать в разных формах. Субъективной формой выражения потребностей являются эмоции, чувства, стремления, интересы, влечения. Каждая из них отражает необходимость чего-то для человека. Потребности могут быть представлены и в рациональной форме. Сюда можно отнести потребности в завершенности, порядке, совершенстве, в знании.

В литературе выделяют следующие виды потребностей:

³ См.: Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Человечествознание: самореализация человека. СПб., 2008. С. 77.

- низшие (нужды), к которым относят физиологические потребности (в воде, пище, крове и проч.), а также потребности в самосохранении (безопасности, стабильности, защите от неустроенности);

- высшие (или потребности роста), к которым относят потребности в общении, любви, принадлежности к группе или стране, признании человека как личности, уважении, достижении признания, компетентности, статуса и прочее, а также самореализации. Выделяют также потребности в любопытстве, красоте, порядке, завершенности, совершенстве.

Социальная структура должна предоставить возможности для удовлетворения как высших, так и низших потребностей. Через включение в социальные структуры и целое человек должен реализовывать естественную потребность роста, развития своих возможностей и талантов. На процессе самореализации оказывают влияние две группы условий: внутренние и внешние. Под внутренними условиями принято понимать степень развитости способностей, качеств характера, воли, привычки человека, гибкость или ригидность мышления. Под внешними – наличие или отсутствие социального заказа на способности, потенции, мера востребованности их со стороны социальных структур социума как целого.

Современный переходный период развития страны остро ставит проблему внутренней устойчивости личности, способности ее противостоять ложной самореализации, которая часто возникает у неразвитого инфантильного самосознания, что одновременно ведет к нетерпимому и даже экстремистскому отношению к другому человеку.

Сейчас мы постоянно сталкиваемся с рецидивами нетерпимости в области межнациональных, межконфессиональных, межгосударственных отношений, и конфликты приобретают на этой почве все более разрушительный характер. На наш взгляд, в постиндустриальном обществе толерантность будет рассматриваться как основа для решения целого комплекса жизненно важных проблем во всех сферах, поскольку само существование такого общества будет зависеть от того, будет ли достигнута такая толерантность.

Целостный подход позволяет несколько уточнить понятие толерантности. Обычно это понятие сближают с терпимостью. Но в литературе справедливо отмечалось, что при таком подходе возникает парадокс толерантности, состоящий в том, что терпимость к некоторым явлениям является явно недопустимой. Действительно, вряд ли будет оправданной терпимость к насилию, терроризму, преступности и пр. Да и чем в таком случае отличалась бы толерантность от апатии, безразличия или конформизма? Где проходит граница такой терпимости?

Чтобы ответить на эти и подобные им вопросы, необходимо несколько уточнить исходные понятия. Толерантность предполагает наличие у человека способности принять точку зрения, с которой он не согласен. По-нашему, это есть высшее проявление толерантности. Дело в том, что рационалистическая позиция не допускает принятия чего-либо, что не укладывается в ту или иную логически выверенную схему. Поэтому акт принятия любой позиции, с которой человек не согласен, предполагает наличие чего-то, что не проходит через контроль сознания. В известном смысле это есть своеобразный творческий акт.

Вообще принятие человеком чего-то, что противоречит его представлениям о каком-либо предмете, всегда расширяет горизонт его сознания. С этого момента он начинает видеть его в совершенно ином ракурсе, что дает ему возможность получить о нем новую информацию, до этого момента ему недоступную. Такое многомерное, многоплановое видение значительно изменяют ситуацию.

Такая логика приводит к тому, что в постиндустриальном обществе, где будет доминировать творческая личность, толерантность станет естественным состоянием большинства населения. Это является необходимым условием существования такого социума. Поэтому многие выдающиеся психологи современности справедливо пишут о том, что если мы сейчас не будем прилагать максимума усилий для формирования толерантной личности, то в не столь уж отдаленном будущем нас ожидают катастрофические последствия.

Из сказанного следует, что в информационном обществе принцип реализма будет исключительно актуальным, ибо он является мировоззренческой базой правильно понимаемой толерантности, без которой невозможно решение жизненно важных для развития общества проблем.

§ 2. Реализм и социально-экономический экстремизм.

Реалистическое мировоззрение стремится диалектически сочетать всеобщие теоретические взгляды и конкретную эмпирическую действительность, духовное и материальное. Но теория и практика всегда в какой-то степени не совпадают, особенно это относится к социальным явлениям. А если сами исходные мировоззренческие посылки были неадекватными, то разрыв теории и практики может быть критическим и привести к исторически переломным ситуациям. В то же время длительность существования такой противоречивой социальной системы зависит от духовно-культурного уровня народа.

В первые десятилетия советской власти единственная партийно-государственная идеология с ее социально-коллективистскими приоритетами отвечала интересам и уровню подавляющего большинства полуграмотного населения страны. Анализируя положение послереволюционной России известный немецкий культуросоциолог Альфред Вебер подчеркивает, что русский человек бунтовал как

целостный человек со всей его «широтой». В то же время он отмечает слабую личностную кристаллизацию и интегрированность человека того времени.

С течением десятилетий, с ростом образования и культуры человеческое «Я» обрело данную личностную кристаллизацию и собственное человеческое достоинство, стремящееся к подлинному свободному существованию. Массовая социальная потребность в индивидуально-демократических свободах, в том числе экономических, в условиях закрытого тоталитарного общества прорвалась в форме «перестройки».

Советская общественная собственность была эффективна пока в сознании людей господствовали общественные приоритеты и массовым был социально ориентированный тип личности, уходящий своими корнями в трудовой энтузиазм послереволюционных и послевоенных десятилетий. Однако, как отмечалось, постепенно в общественном сознании стала превалировать индивидуалистическая направленность личности, что сказалось и на изменении трудовой мотивации и на явном снижении ее общественной активности.

Одновременно следует подчеркнуть, что в массовом сознании не было абсолютизации индивидуализма. Как показывают наши социологические исследования, подавляющее большинство высказывалось за сочетание индивидуальных и государственных интересов. Именно это состояние общества могло явиться новой социально-трудовой мотивацией для радикальных экономических преобразований и гуманного перехода к массовой частной собственности.

Первоначальной целью демократических и рыночных реформ было провозглашено создание широкого слоя собственников среднего класса. Свыше трети населения были готовы в эти годы «открыть свое дело». Реальная жизнь повернула все, как теперь говорят, по худшему сценарию. Отсутствие социального опыта демократически-правовых и рыночных отношений даже у профессионалов и управленцев сыграло свою роковую роль. Дикий и архаический капитализм стал проникать во все области социума.

Снятие регулятивной функции государства стимулировало не только освоение действительных демократических свобод, но и экстремистские «эксперименты» на самовыживание личности в этом хаосе. Все пошло по своим стихийно-первобытным законам. И когда началась беспредельная свобода и «шоковая терапия», то многие вздрогнули, увидев, как на первый план выходит социал-дарвинизм, отесняя духовно-культурные ценности и нормы. Наиболее хищные натуры, стремящиеся к безраздельному экономическому и социальному господству сознательно руководствовались идеологией экстремизма как крайней степенью попрания общепринятых норм и игнорирования элементарного здравого смысла.

В среде молодежи свойственная ей психология максимализма и подражания в условиях острого социального кризиса явилась благодатной почвой для проявлений «инстинктивной агрессивности» и молодежного экстремизма. Не случайно в последние годы резко вырос престиж криминальной деятельности, которую допускают, по нашим исследованиям, около трети молодых людей.

Естественно в таких опасных для жизни условиях ориентация населения на создание собственного малого и среднего бизнеса стала снижаться. Реформы не привели к массовому формированию самодельных ориентаций. Надо обратить внимание, что именно 1998 год (год дефолта) послужил началом спада самодельной предпринимательской активности. Это год очередной волны зарождающегося среднего класса российских собственников, которые попали под двойное бесчеловечное давление со стороны криминала и «псевдодемократической» власти.

Таким образом, если раньше в закрытой социальной системе блокировалась естественно-природная сторона человека, то теперь она в практической жизни социума прорвалась как экстремистский беспредел, причем не только в экономическом материализме, но и в животно-биологическом материализме.

А как же духовная сторона человека? Похоже, что действительно можно согласиться с Н. А. Бердяевым, что духовная жизнь человека попала в рабство к жизни материальной. Одновременно мыслитель утверждает, что собственность не может быть признана абсолютным и высшим началом. Социальное реформирование общества предполагает ограничение собственности и подчинение ее иным началам, связанным с космической жизнью. Власть человека над природными стихиями должна иметь онтологическую силу и основу. Обоотворение собственности и злоупотребление ею в хозяйственной жизни извращает эту онтологическую основу и затрудняет подход к образу человека.

О глубинной сущности человека напоминал и патриарх Алексей II, обозначая ее как антропологический реализм. А реализм в христианской антропологии – это противоречивая греховно-духовная человеческая природа, первая часть которой наглядно проявилась в современном всестороннем экстремизме. Та же антропологическая противоречивость лежит и в основе философского реализма, который определяется как диалектический синтез материи и духа, материального и духовного на всех уровнях бытия и в самой его сердцевине – в человеке и человеческом обществе.

Реализм и экстремизм исходят из одного источника – из свободы. Но если экстремизм – это абсолютная, беспредельная свобода, вырывающаяся из одной стороны человеческого существа, из ее животно-биологического эгоистического «Я», то реализм основан на диалектически взвешенном взаимодействии материального (телесного) и духовного в человеке, а значит на относительной свободе, которая в своей глубине и широте соотносится с внутренней и внешней необходимостью. Эту

философско-психологическую проблему тонко анализирует известный русский мыслитель С. Н. Булгаков. Личность, как живой синтез субъекта и объекта, представляет, по его мнению, неразложимый конгломерат свободы и необходимости, Я и не-Я. При этом оба эти начала находятся не в состоянии покоя и равновесия, но в постоянном колебании, в движении, в борьбе. В этом взаимодействии Я и не-Я и состоит содержание жизни: Я живет не только в себе самом и собою самим, но и в мире и миром.

Это соотношение идеальной и реальной свободы, постоянной борьбы свободы и необходимости в новых резко противоречивых и часто враждебных или равнодушных отношениях в обществе приводят (по нашим социологическим исследованиям) большинство молодежи к стремлению иметь два лица: одно – жесткое для деловых отношений, а другое – доброе – для близких людей. С другой стороны этот формирующийся в молодежном сознании рационально-эмоциональный дуализм можно расценить и как социально-вынужденный «современный здравый смысл». Одновременно здесь целесообразно вспомнить о той личностной кристаллизации и интегрированности, которой, по мнению А. Вебера, не хватало русскому характеру. Как мы видим, молодое поколение, поставленное в жесткие условия социализации и часто полностью выброшенное из круга внимания социальной власти, вырабатывает в себе новые гибко-жесткие качества характера.

Размышляя о реалистическом подходе к явлению капитализации в нашей стране целесообразно вспомнить диалектическое отношение к этому великого Гегеля. Глубокое изучение его взглядов провел Д.Лукач в своей книге: «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества». Автор подчеркивает, что в философии Гегеля впервые в человеческой истории противоречивость самого человеческого существования осознается как центральная проблема философии. Труд не только делает человека человеком, он не только является причиной возникновения общества, но он одновременно превращает мир человека, ставший «внешним» для него, в «отчужденный» мир. Как подчеркивает Д.Лукач, большая реалистичность и трезвость Гегеля в том, что он считает – не может быть никакой речи о снятии отчуждения. (Вспомним, что наша утопическая теория и растворенное человеческое «Я» в общем социальном потоке прошлых лет стремились именно снять, преодолеть это отчуждение). Гегель не был романтическим идеалистом, он видел «трагедию нравственности» как вечную противоположность между подлинным развертыванием человеческих способностей и экономической действительностью человека. Как отмечает Д.Лукач, противоречие в философии культуры Гегеля намного более глубокое, чем антикапитализм романтиков. Оно состоит в утверждении необходимости и прогрессивности экономического развития, ведущему к капитализму со всеми его страшными последствиями. Одновременно оно связано со страстной борьбой против унижения, деградации и разращения человека, которые неизбежно приносит с собой этот путь развития. Реалистичность гегелевской диалектики подтверждается современным переходом к капитализации, со всеми ее позитивными и негативными демократическими и рыночными свободами.

У современной российской молодежи более реалистические взгляды, чем у старшего поколения, на сегодняшнюю социально-экономическую жизнь. По нашим исследованиям, подавляющее большинство молодежи спокойно относится к имущественному неравенству в обществе, но, напоминая при этом, что государство должно его регулировать и смягчать.

Известно, что среди отечественных политологов до сих пор идут дискуссии: что важнее для русского либерализма – свобода или собственность? По нашим исследованиям, большинство молодежи даже в рыночной экономике видит главную ценность – «возможность жить в свободном обществе». Таким образом, основная часть молодежи больше ценит свободу, оставляя меньшей части проблемы собственности со всеми их позитивно-прибыльными и негативно-опасными последствиями.

Сегодняшний кризис и зашоренность сознания проблемами выживания часто выдвигают на первый план ценности материального порядка. Эта ситуация ставит перед человеком смысложизненные проблемы вплоть до собственного духовно-экзистенциального выбора «жить по совести» или преступить закон и социальные нормы, экстремизма, где цель всегда оправдывает средство. Здесь и обостряется проблема отношения к «новым русским», а точнее отношения к способам их успехов в жизни, особенно их финансовых успехов.

В наш исторически переломный период отношение к «новым русским» становится отличительным признаком самосознания современного россиянина. Негативное, позитивное или противоречивое отношение к этому новому социальному слою является главным критерием ценностного отношения человека ко всем масштабным преобразованиям в стране. Понимание однородности или разнокачественности этого явления показывает уровень и глубину социокультурного и социэкономического сознания и самосознания человека, учитывающего или не учитывающего особенности исторического развития народа. Одновременно это отношение характеризует личностную направленность мирознания человека, экстремистскую или реалистическую.

В исследовании российской молодежи (НИИКСИ, 2002 год) выявлялось отношение массового молодежного сознания к «новым русским», а также был применен метод психосоциальной идентификации путем эмпирической установки индивида «Хотел бы к ним принадлежать». По данным исследования половина молодежи к этому слою относится противоречиво (52%), пятая – негативно (22%) и четверть – хотели бы к ним принадлежать.

Существуют два основных типа молодежи, склонных идентифицировать себя с этой новой социальной группой. Один тип (малочисленный – 7-8%), отмечающий криминальное поведение данной

группы и в то же время стремящийся ей подражать. Это наиболее агрессивный и самоуверенный тип молодежи, для которых «цель оправдывает средства». Каждый второй из них сообщает о своих уже совершенных противозаконных поступках. Вместе с тем, они почти все уверены, что смогут вписаться в современный мир и его условия, что, безусловно, явно подтверждает криминально-экстремистское состояние современного общества. Другой тип молодежи, ориентированный на «новых русских» (а таких, примерно, 20%) – это относительно уравновешенный тип, с растущим уровнем правового сознания и нацеленный на достойные профессиональные достижения, а также часто стремящийся сочетать в своей жизни личные и общественные интересы. Подавляющее большинство из них (78%) ориентированы не на шумный и сомнительный успех, а на подлинное профессиональное и творческое достижение. Среди них больше всего (77%) тех, кто считает, что изъять богатства можно только после судебного разбирательства, т.е. выше других развито правовое сознание. Три четверти из них стремятся жить, сочетая свои интересы с общественными.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на значительные экстремистские тенденции в обществе в массовом сознании, и в первую очередь, среди учащейся молодежи формируется тенденция реалистического сознания. Однако реализм – двуединое явление, активно утверждающее материально-рациональное начало (необходимость) и также активно утверждающее духовно-экзистенциальное начало (свободу и достоинство человека). Здесь опять можно вспомнить Гегеля с его анализом объективно-субъективных противоречий капитализма, несущих и прогрессивное развитие и деградацию человеческой личности и ее индивидуальных способностей.

Но во времена Гегеля не было еще таких чудовищных рычагов давления и затемнения человеческого сознания, как средства массовой информации и компьютерные сети. В то же время реалистическое духовное начало протестует и здесь, и не только у старшего поколения. По данным исследования (НИИКСИ, 2003 г.) подавляющее большинство молодежи (примерно 80%) выступают за нравственный контроль над информационным экстремизмом современных СМИ. Исследование группового сознания молодежи свидетельствует, что у нее продолжается созреть личностная кристаллизация внутреннего мира, зарождается живой диалектически взвешенный синтез материального и духовного начал, свободы и необходимости, которые можно назвать современным здравым смыслом реального бытия индивидуальности.

* * *

Реалистическая традиция проходит через всю мировую историю. Будучи детищем философии, реалистическое мировоззрение во все большей мере распространяется на науку, искусство, политику, религию, обыденный опыт – на все сферы жизни.

Наша эпоха и индивидуальное развитие человека все настоятельнее требуют целостного подхода к природе, обществу и человеку. Такой подход способна дать именно реалистическая философия.

Утверждение реалистического мировоззрения в умах все большего числа людей поможет преодолеть извечную конфронтацию между различными направлениями философии, а также между философией и религией, философией и наукой, философией и искусством, философией и обыденным опытом. Итак, реалистическое мировоззрение, как адекватное окружающему миру и человеку, в наибольшей мере обращено в будущее.

ПРИРОДА – ДУХ, ТЕЛО – ДУША

Глава 1. Бытие, природа, дух

§1. Природа и дух как основные слагаемые бытия

Единого понятия для обозначения мира в целом не существует, и он обозначается разными терминами: мир, природа, материя, вселенная, бытие, мироздание. При этом, как правило, различные отрасли знания дают ему разное определение. Физик назовет его материей, скажет, что она состоит из вещества и поля. Только эта реальность фиксируется приборами и только с ней имеет дело наука. Астроном назовет мир вселенной, вселенная же состоит из галактик, образующих в совокупности метagalaktiku. При этом часть астрономов отождествят вселенную и метagalaktiku, другие возразят им, заявив, что метagalaktik много и вселенная шире, чем одна наша метagalaktika. Богослов заявит, что мир называется бытием, а бытие состоит из бога, как сущности этого бытия, и мира, им созданного. Последний, в свою очередь, подразделяется на мир посюсторонний, т. е. на мир, в котором мы проживаем, и на мир потусторонний, где будут находиться души праведников и грешников.

Философ в качестве важнейших видит в мире иные элементы, а именно – природу (материю) и дух (идею). При этом те философы, которые считают материальное начало важнейшим, ведущим, первичным, а дух – вторичным, производным, называются материалистами. Те же философы, кто думают прямопротивоположным образом, именуются идеалистами. И, наконец, те философы, которые

считают природу и дух равновеликими составляющими, друг без друга не существующими и друг из друга не выводимыми, получили в новейшее время название реалистов. Именно так называли свое мировоззрение Д.И.Менделеев и В.И.Вернадский, признававшие вечное существование трех начал мира: материи, энергии и духа.

Как видим, философское знание отличается от всякого другого не только специфическим пониманием мира, но также и тем, что практически каждый философ трактует понятие «мир» по-своему. И это понятно. Поскольку философия есть знание о мире, пропущенное через душу человека, в ней отражается не только сам окружающий мир, но и мир человека. Отсюда следует, что философия является не только наукой, но и феноменом культуры. Чаще всего – и вполне справедливо – ее сравнивают с поэзией и музыкой. Подобно тому, как поэт, создавая свои поэтические образы, не пользуется никакими приборами, философ также – и в этом его принципиальное отличие от естествоиспытателя – не использует в своей деятельности никаких приборов и инструментов. Свои философские истины он добывает с помощью творческого вдохновения, интеллектуальной интуиции, умозрительных раздумий.

Когда-то еще Цицерон обратил внимание на то, что в философии на каждый вопрос существует столько ответов, сколько в ней есть школ и направлений. Действительно, если философское знание не достигается непосредственно из опыта и для его обретения не используются приборы и инструменты, то его невозможно неопровержимо подтвердить или опровергнуть – в науке оно может получить лишь косвенную поддержку. Именно поэтому в философском творчестве самый высокий из всех наук уровень свободы, и именно поэтому философы более, чем представители других наук, терпимы к инакомыслию. Ведь только философ – в лице Вольтера – мог заявить: «Я не согласен ни с одним словом, которое Вы говорите, но готов умереть за Ваше право это говорить». Как сегодня не хватает многим из нас терпимости к инакомыслию, приобретаемому человеком через приобщение к философской культуре!

Материалисты и идеалисты совершенно правильно указывают на основные компоненты бытия – на материальное, природное и идеальное, духовное начала в нем. Но они, на наш взгляд, не правы в том, что они третируют другую его компоненты как якобы вторичную, производную. Т.е. и те и другие оказываются равно односторонними. Новейшие научные данные подтверждают, что наиболее правильную позицию занимали самые древние, первые философы, которые отлично видели оба этих начала мира, но не противопоставляли их друг другу, как более важное менее важному. В известном смысле сейчас мы возвращаемся – но, разумеется, на новом качественном уровне – к миропониманию древних, которым было дано понять мир в его целостности и неразделимости, т.е. таким, каким он на самом деле и является.

Итак, природа и дух – вот основные компоненты окружающего мира. Их взаимозависимость и оппозиционность дают наиболее глубинное знание о мире. Природа в научной литературе и обыденной речи понимается в трех разных значениях: *как окружающий ландшафт, как биосфера и как материя в целом*. Мы здесь понимаем природу в предельно широком ее значении, тождественном материи. Объекты природы состоят из вещества и поля, они или их следы могут быть зафиксированы органами чувств или приборами. *Под духом же мы понимаем нематериальную составляющую мира. Дух – это не сами элементы природы, а способ их взаимосвязи, закон их функционирования, это активное начало природы, определяющее ее способность к движению, к бесконечному многообразию своих проявлений, к самоорганизации, гармонии, порядку*. Дух, как и природа, существует реально. Но это иная реальность – идеальная, а не материальная.

Будучи нематериальной составляющей мира дух не может быть зафиксирован приборами и именно поэтому его часто не желает признавать наука. Многие годы в отечественной философии понятие “дух” отождествлялось с “мыслящим разумом”, а попытки объективировать его, распространить за пределы человеческого разума считались недопустимой ересью. Между тем, обоснование духа как живого начала, присущего всей природе, должно способствовать утверждению в массовом сознании благоговейного, трепетного отношения ко всему сущему. А любовь к природе есть важнейшее условие восстановления гармонических взаимоотношений между человеком и природой.

Гегель совершенно справедливо назвал искусство, религию и философию тремя высшими проявлениями человеческого духа, И только они доходят до осознания реальности существования мирового духа, делая это каждый по-своему. В искусстве дух – это что-то неопределенное, метафорическое. В религии дух более определен, и высшим носителем его является Бог. Философия признает дух субстанциальным свойством бытия, т.е. неотъемлемым свойством, присущим бытию в целом.

Материальность (природность) окружающего мира не требует доказательств: любой здравомыслящий человек с детских падений и ушибов прекрасно осведомлен, что окружающий его мир реален, материален и чувственно воспринимаем. Труднее обстоит дело с доказательством реальности идеального: как можно доказать существование того, что не имеет ни веса, ни размера, что не воспринимается ни чувствами, ни приборами?

Здесь нам должно помочь рассуждение И. Канта о двух родах реальности: понятия о предмете и самого предмета. Сто талеров в кармане и понятие о ста талерах в голове тождественны между собой. Именно их тождественность позволяет нам узнавать реальные деньги, сопоставляя их с тем идеальным образом, который содержится в нашей голове. Но, несмотря на их тождественность, реальные сто

талеров есть прибавка к имуществу, в то время как понятие о ста талерах к имуществу ничего не прибавляет: на них нельзя ничего купить.

Итак, общим местом в философии является признание существования двух реальностей: реальности материальной и реальности идеальной. Общим местом также является понимание сознания, или мыслящего разума, как духа, ибо соотносительность его с идеальной, духовной составляющей несомненно. Ведь именно потому, что мышление наше по своей природе идеально, т. е. оно не имеет ни веса, ни размера, информация, вмещаемая в нашей голове, может быть бесконечно большой. Но ведь мы полагаем дух неотъемлемым свойством всего мироздания в целом, а не только нашего сознания. Возможно ли доказательство этого, если все приборы здесь бессильны? Поскольку опытная проверка здесь не годится, мы используем далее два рода чисто философских доказательств: историческое и теоретическое.

§2. Историческое обоснование всеобщности духа

Начнем с истории, с тех фактов ее, которые подтверждают духовность всего существующего. Как уже отмечалось выше, только самым древним философам было дано почувствовать и понять мир во всей его целостности и неделимости, каким он на самом деле является. Затем эта способность была утрачена, утрачена вплоть до наших дней. Утрата эта произошла в силу того, что наука обречена на развитие через односторонность. Только выхватывая, абстрагируя отдельные стороны, моменты в окружающей действительности и изучая их по отдельности, ученый может совершить действительное открытие. Т. е. грандиозные и несомненные успехи науки даются дорогой ценой – ценой утраты целостного мировосприятия, характерного для людей донаучной эры.

Вся система образования строится на фундаменте незыблемости авторитета науки. Практически все изучаемые предметы суть облегченный вариант соответствующих наук. Существует всеобщий стереотип, что только научное знание является истинным, всякое другое – ложно. Но мы живем в эпоху переоценки ценностей, когда многие, казалось бы, нерушимые догмы на наших глазах рушатся. Происходит это и с переоценкой ценности научного знания. Наука отказывается сейчас от монопольного права владения истиной, признавая равные права на нее за всеми другими формами постижения мира: искусством, религией, жизненным опытом и т. п. После бурного всплеска 60-70 гг. XX века, когда нескончаемым потоком выходили книги, посвященные научно-технической революции, прославляющие безграничные силы и способности науки, наступило законное отрезвление. Наука действительно способна постичь очень многое и нет пределов ее совершенствования, и в то же время у нее, как и у всякого другого познания, существуют свои пороги. Наука может что-то постичь, только разорвав единое целое на отдельные, абстрактные стороны и моменты. Ученый при этом питает иллюзию, что, исследуя мир по отдельным элементам, он сможет впоследствии эти элементы снова сложить и таким образом получить полное знание об исходном целом. Но ученые уже разорвали мир на две с половиной тысячи суверенных наук, между которыми часто нет взаимопонимания. И типичной, например, является ситуация, когда на одной конференции врачи не понимают друг друга, поскольку изучение болезней человека они разбили на десятки, сотни специальностей и специализаций, где каждая говорит на своем собственном языке.

Еще больше ограниченные способности науки проявляются при изучении живого начала, которое вообще не подвергается анатомированию. Если, например, специалисты возьмутся за изучение человека, то один станет изучать ухо, горло, нос, другой – легкие, третий – сердце, четвертый – работу мозга и т. д. И когда соберутся все эти знания, мы получим много интересных сведений о человеке, но ничего не узнаем о его душе. При разложении (анализе) и соединении (синтезе) – обязательных научных операциях, – душа “исчезает”. И поэтому не случайно, что если в философии, искусстве, религии дух, душа, духовность являются вечными темами, ибо они не подвергаются анатомированию, а рассматривают его всегда целостно, то лишь немногие представители науки доходят до признания духовного начала в мире.

Поэтому задача сейчас, как это ни парадоксально звучит, состоит в том, чтобы возвыситься до мироощущения и миропонимания древнего человека, еще не знающего никаких наук. В европейской рационалистической традиции отношение к уровню сознания первобытного человека и его главному продукту духовного производства – к мифологии – всегда было как к чему-то примитивному, заведомо низшему по сравнению с сознанием современного человека. В связи с этим возникает вопрос: неужели человек, не обладавший никакими научными познаниями, в чем-то может по уровню превосходить современного образованного человека? Неужели мифологическое сознание может быть в чем-то выше научного?

Современное научное сознание все решительнее свидетельствует именно об этом. Здесь можно напомнить известный исторический факт, когда весь ученый мир смеялся над Генрихом Шлиманом, называя его невеждой, дилетантом, авантюристом. И, тем не менее, он сумел-таки откопать Трою, – город, который научный мир признавал вымыслом, красивым мифом. Постараемся поэтому непредвзято подойти к этому вопросу, заново переосмысливая многочисленные примеры истории. Итак, уже древние философы прекрасно понимали, что двумя равновеликими началами, дающими в совокупности все бесконечное богатство мира, являются природа и дух. Правда, сами природа и дух выступают у них под разными именами: общего названия для них еще не было предложено. По мнению отца философии Фалеса двумя первоначалами, дающими все богатство мира, являются вода и душа. Душу он понимает как активное начало природы, сообщающее ей движение и изменение. Не

всякая вода является источником жизни, а только вода одушевленная, т. е. живая. По мнению Гераклита, двумя важнейшими первоначалами выступают огонь (материальное) и логос (идеальное). Логос при этом понимается как мысль, закон. Мир изменчив, как постоянно изменчив огонь. Но закон, по которому он изменяется – логос – неизменен. Материальное и идеальное начала мира другой древний философ Анаксагор называл гомеомериями, или семенами вещей, и нусом, или умом. У Аристотеля дух как что-то простирающееся за пределами видимого мира, противопоставленное ему и кардинальным образом от него отличающееся, был представлен в виде эфира. Эфир у него действительно обладает всеми свойствами, которые приписываются духу: его движение кардинально отличается от движения земных тел, он пронизывает все пространство, не подчиняясь законам, которым подчиняются земные тела. Представления об эфире сохранились вплоть до начала XX столетия. К сожалению, в более поздние времена эфиру пытались приписать телесные свойства. Понятно, что все попытки эмпирически их обнаружить окончились провалом, ибо таких свойств у него в принципе не могло быть. В конце концов, уже в начале XX столетия эфир был отвергнут как несуществующая субстанция. Однако, уже в наши дни понятие «эфир» снова решительно входит в научный обиход. (См., например, работы В.П.Казначеева).

В раннеантичной философии органическое единство материи и духа считалось само собой разумеющимся, поэтому проблемы их соединения еще не существовало. Она возникла позже, когда материя и дух материализмом и идеализмом были окончательно разорваны и противопоставлены друг другу. По сути, проблема эта начинается с Аристотеля, сформировавшего научный статус философии и разделившего природу на одушевленную и неодушевленную.

Помимо истории философии аргументы в пользу духовности мира дает и история человечества, особенно ранних ее периодов, когда сознание человека не было еще раздроблено на области узко специализированного знания, оно еще было в состоянии схватывать мир целостно. Такие целостные представления о мире, когда духовная компонента его не отвергается, а напротив, признается само собой разумеющейся, на ранних ступенях развития человечества получили название аниматизма и анимизма.

Аниматизм (от латинского – одушевленный) – всеобщее ‘оживотворение’ природы, наиболее древняя попытка целостного осмысления мира человеком, выражающаяся в безличной одушевленности природы. Присущ дореволюционной стадии развития человечества, поскольку аниматизм не связан еще с обрядами.

Анимизм (от латинского – дух, душа) – возникшая на основе аниматизма вера в существование сверхъестественных двойников, как у человека, так и у других объектов природы. Это представление о существовании духовных (нематериальных) сущностей и существ и вера в возможность общения человека с ними. От латинского слова ‘анима’ и произошло название древнейшей формы религии.

Для аниматизма и анимизма характерно уравнивание людей с животными, растениями, солнцем, землей и т. д. Аниматисты и анимисты считали, что все живое, все мыслит. Этими представлениями пронизаны мифы, а также созданные народом былины, сказания, сказки. В соответствии с аниматическими представлениями, человек любил, боялся и уважал природу. Всеобщее одухотворение и оживление природы вызывало у людей благоговейное отношение ко всем живым существам, к каждому дереву, к каждому водоему.

Но не только все народы на ранних ступенях своего развития ясно ощущали духовное начало мира. Любой нормальный ребенок в раннем детстве способен ощущать волшебные волны духовности, идущие к нему от всех окружающих предметов. Каждый из нас может вспомнить свое раннее детство, когда мы могли подолгу лежа на спине смотреть на движущие облака и неясное волнение охватывало нас, когда мы видели солнечные зайчики в воде и улыбались им, считая, что они нас приветствуют, когда у нас были свои любимые и нелюбимые камни и горки, когда мы могли разговаривать с цветами, а они смотрели на нас живыми глазами. Способность ощущать живое начало природы под воздействием принятой в обществе научно-рационалистической системы образования и воспитания, с годами утрачивается у большинства людей, но, видимо, каждый может вспомнить об этих своих ощущениях раннего детства. Итак, не только общество, но и каждый ребенок на ранних этапах своего развития, способен ощущать живое начало мира. Но вот как сравнительно недавно еще писал об анимизме Философский словарь, изданный в 1987 г., т. е. уже в эпоху перестройки: ‘Основной причиной возникновения анимизма был крайне низкий уровень развития производительных сил и вследствие этого незначительный запас знаний, неспособность человека противостоять стихийным силам природы, которые представлялись чуждыми, таинственными’.

По поводу утраты способности видеть в природе одушевленное начало ученые высказывают следующее соображение. Древний человек не знал единственно истинного, т. е. научного представления о мире, поэтому мыслил его по образу и подобию своему. Т. е. налицо обыкновенный антропоморфизм, – перенос черт человека, в том числе его духовности, на окружающий мир. Такого рода рассуждения выглядят достаточно логичными, но не очень убедительными. Дело в том, что человек стал для человека главным объектом рассмотрения достаточно поздно. Первые века философия существовала как натурфилософия, поскольку ее интересовала, прежде всего, природа, окружающий мир. И только Сократ ставит человека в центр изучения. Так как человек мог переносить что-то на природу, если себя он еще не знал?

Чтобы яснее были наши рассуждения обратимся к следующему примеру: когда, в какой период человек становится для себя главным объектом внимания? Когда молодой человек начинает всерьез

задумываться над смыслом жизни, более ответственно относиться к своему поведению, более придирчиво выбирать себе друзей? Когда человек начинает испытывать потребность вести дневник, не обязательно письменный, и даже писать стихи? Обычно это происходит на стыке подросткового и юношеского возрастов, т. е. в 14-16 лет. Но ведь волны духовности воспринимаются человеком гораздо раньше этого периода. Более того, к юношескому возрасту многие эту духовную связь с природой теряют. Поэтому вряд ли можно объяснить анимизм древних и ребенка тем, что они переносят на природу свои черты.

Только в самые последние годы ученые все более решительно становятся на сторону дикаря: именно ему и маленькому ребенку открыта та тайна бытия, то ощущения жизнестойкости всего Мироздания, которое затем, к сожалению, очень многими (но не всеми) утрачивается. Наше время по сути своей является временем синтетическим, временем целостного осмысления мира. Время разбрасывать камни (разделять мир на отдельные суверенные области научного знания) прошло, наступило время собирать камни, т. е. пытаться ощутить мир в реально присущей ему целостности. Не случайно поэтому такая тяга сейчас ощущается к античной философии, к языческим верованиям.

§3. Теоретическое обоснование нематериальности духа

От исторических фактов перейдем к теоретическим аргументам. Выше дух – на основе античной традиции, но с использованием сегодняшнего уровня науки – трактовался нами как способность природы к самоорганизации, как законы функционирования и изменения природы. Поскольку все законы имеют четкую логическую форму, зададимся вопросом: что такое логика?

Логика во всех учебниках определяется как наука о законах правильного мышления. Но правду ли говорят учебники? Присуща логика только человеческому мышлению или всей природе? Логичны, предсказуемы, объяснимы ли явления природы или они носят алогичный, иррациональный характер? Все законы природы, известные на сегодняшний день, имеют логичную форму. Вспомним любой из них: “На тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной телом жидкости”. Логично? Да. Эту логичную форму мы навязали природе для лучшего ее понимания или она на самом деле присуща ей? Практически любой закон может быть проверен экспериментально и опыт доказывает, что логическая форма не навязана закону человеком, а есть его, закона, собственная принадлежность. Любой здравомыслящий человек хорошо знает, что чем дальше от источника тепла, тем будет холоднее, а чем ближе – тем теплее. Любой знает, что если опустить тяжелый предмет, то он упадет на землю. Т. е. его действия будут предсказуемы, правильны, логичны. Здесь даже можно высказаться еще более крамольно. Единственным существом на земле, действия которого алогичны, непредсказуемы, иррациональны, является человек. Положение это глубоко и обстоятельно было обосновано величайшим знатоком человеческой души – Ф. М. Достоевским. Отсюда следует, что *логику правильно бы было определять как учение о принципах устройства мира, характеризующих его предсказуемость, рациональность, применимых также частично к сознанию и поведению человека.*

При этом ясно, что природа не только логична. В ней также имеет место алогичное, иррациональное, непредсказуемое, что характеризуется как “очевидное и невероятное”. Речь идет о более важном: и природе и человеку присуще как рациональное, логичное начало, так и начало иррациональное, алогичное. Это значит, что человек не имеет монопольного права на логику, это значит, кроме того, что панлогисты были не так уж не правы, распространяя логику на всю природу.

Еще в первые десятилетия прошлого века известный ученый-марксист А. А. Богданов последовательно утверждал изоморфность (соответствие) законов самоорганизующейся природы и принципов технического прогресса. Логика техники, по Богданову, отражает Логос единого мира и поэтому “человек в своих сознательных действиях повторяет бессознательное действие природы”. Отстаивая идентичность сознательных действий человека бессознательным деяниям природы, а технической организации общества закономерностям организации природы, Богданов, по сути дела, на новом витке науки, на фундаменте техномарксизма обосновывает в своей Тектологии справедливость ряда пантеистических построений Спинозы.

На общих принципах устройства живых и неживых систем, т. е. фактически на признании единой логики их устройства и управления, основана наука кибернетика, в основе которой как раз и лежит математическая логика. Но ведь логика традиционно относится только к сфере духа, к законам мышления. Естественное и неумолимое распространение ее на всю природу неизбежно свидетельствует о духовности последней.

Нематериальность, духовность законов природы может быть обоснована и по-другому. Известно, что проявление законов природы всегда материально и может быть отмечено как приборами, так и (не всегда) – органами чувств человека. Известно также, что закон существует еще до действия, им определяемого, и например, камень упадет вниз, поскольку еще до его падения существует закон всемирного тяготения. Но если мы попытаемся обнаружить его до действия, мы это сделать не сможем. Возникает парадоксальная ситуация: закон природы, бесспорно, существует до действия, им определяемого, – в противном случае мы никогда бы не смогли этого действия предсказать, но найти сам закон до его действия никому не удастся. Этот парадокс может быть разрешен только одним образом: признанием нематериального характера природы законов. Таким образом, тот, кто признает реальность законов природы, должен признавать и реальность духа.

Еще одним важным свидетельством в пользу наличия в природе нематериального, духовного начала, является ее способность к самоорганизации, гармонии, симметрии, порядку. Порядок,

гармония, строй природы постоянно воспеваются поэтами всех времен. Вот, например, строчки Ф.Тютчева:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный музический шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, -
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

В свое время Демокрит обратил внимание на то, что на морском побережье маленькие морские камешки ложатся рядом с маленькими морскими камешками, а большие – рядом с большими. Те, кто совершал прогулки по берегу моря, знает, что берег или на километры состоит из песчаного пляжа, или из мелкой гальки, или из крупной, или из валунов. В природе не бывает, чтобы все было смешано в кучу, и если так действительно бывает, то это деяния человека, а не природы. В природе все гармонично, в том числе и самой “дикой”; достаточно посмотреть на звездное небо, лес, горы, даже болото, чтобы убедиться в этом. Если есть какая-то дисгармония в природе, что-то отталкивающее в ней, то это, как правило, следы человеческой деятельности. Но стоит человеку, оставив изрытые котлованы или горы мусора, уйти, как природа за какое-то время сможет воссоздать нарушенную гармонию. Эта тяга природы к гармонии, способность ее гармонизировать кризисные состояния человеческой души, восстанавливая в ней покой и равновесие, должна вызывать у человека благоговейное отношение к природе, чувство родства с ней.

Можно привести еще аргумент в пользу наличия в окружающем мире нематериального начала, или духа. Если человек, как в этом убеждена наука, действительно является творением Природы, и она поэтому вполне заслуженно получила название Природы-Матери, то спрашивается: могла ли неживая мать родить живого ребенка? Иными словами, мы только тогда сможем понять душу человека, если признаем наличие в природе родственного образования – духа. Известный хирург Войно-Ясенецкий, он же архиепископ Лука, в книге «Дух, душа, тело» справедливо писал, что материалисты именно потому отрицают душу, что не хотят ничего знать о духе.

§4. Душа как конкретное воплощение духа

Отрицание диалектическим материализмом духа как всеобщей характеристики бытия неизбежным следствием имело отрицание и души. В пятитомной Философской энциклопедии, изданной в 60-е гг., про душу сказано следующее: “Душа... в религии и идеалистической философии и психологии – будто бы особое нематериальное (независимое от тела) оживотворяющее и познающее начало”. Далее авторы рассуждают следующим образом: Признание в человеке двух начал: материального (тела) и нематериального (души) – было бы уступкой дуализму, на которую наука решительно пойти не может. Поэтому термин “душа” она заменяет термином “психика”, понимая последнюю как социально обусловленную функцию мозга.

Итак, отрицание духа автоматически сказывается на отрицании души. Но именно категория “дух”, в свое время напрасно отвергнутая наукой как якобы устаревшая, которая обозначает нематериальную составляющую природы, демонстрирует всю ее неисчерпаемую мощь и величие, ее необъятные творческие способности, проявляющиеся в том числе и в появлении человеческого сознания. И теперь уже, с возвращением в философию этого понятия, не сознание парит над природой, как якобы высшее ее достижение, а, напротив, сознание само стремится приблизиться к осмыслению необъятного и всемогущего духа Мироздания.

Поскольку человек является составляющей природы, притом такой ее составляющей, в которой по необходимости сходятся все ее силовые линии, постольку он потенциально наделен способностью возвыситься до ощущения бесконечности духа. И возвышение это осуществляется с помощью души. Подобно тому, как дух есть реально существующая нематериальная составляющая бытия, душа есть нематериальная составляющая человека, но такая составляющая, которая определяет и предопределяет его характер, поведение.

Неразрывность духа и души подтверждается как христианским вероучением, – своеобразным языком и специфическими образами, – так и историей науки, где дух и душа либо вместе признавались, либо вместе отрицались. Их неразрывность означает, во-первых, что душа не может быть понята иначе, как конкретизация, проявление мирового духа и, во-вторых, сама универсальность духа находит свое подтверждение в существовании душ у всех предметов: как одушевленных, так и неодушевленных.

Существование души у человека является темой соответствующей главы, поэтому здесь мы не будем на этом подробно останавливаться, тем более, что вряд ли это существование сейчас может

встретить серьезное возражение. Сложнее является вопрос наличия души у растений и животных. Еще более сложным представляется вопрос возможности вступления в психологический контакт с металлами и камнями.

Подобно тому, как дух является особой, нематериальной реальностью, души так же не имеют ни веса, ни размера, они не воспринимаются ни органами чувств, ни приборами. Из этого следует, что при доказательстве наличия душ у животных, растений, камней, металлов требуется особая деликатность, тонкость, обращенность к жизненному опыту, миру душевных переживаний.

При обосновании животной души можно использовать три рода доказательств: ссылка на авторитет религии, ссылка на авторитет науки, ссылка на жизненный опыт. Для тех, кто верует в религиозные догматы, доказательством наличия душ у животных может быть обращение к Библии, трудам богословов. “И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной” (Быт.,1, 20). “И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо”. (Быт.,1,21). “И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так”. (Быт.,1,24). “А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так”. (Быт.,1,30). Библия устами пророка Екклесиаста даже утверждает некоторое тождество животных и человека: “Участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех и нет у человека преимуществ перед скотом”. “Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх и дух животных сходит ли вниз, в землю?” (Еккл., 3). Положение о наличии душ у животных до сих пор разрабатывается в трудах богословов. В качестве примера можно привести книгу архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) “Дух, душа, тело”, изданную в Петербурге в 1994 г.

Для тех же, кто более верит в авторитет науки, может быть предложена аргументация из большого числа научных книг, обосновывающих наличие души у животных: от трактата Аристотеля “О душе” до книги Ч.Дарвина “О выражении эмоций у человека и животных”.

Людам же, ориентирующимся на жизненный опыт, можно предложить обратиться к тем, кто любит животных и имеет их у себя дома, поскольку для них наличие души у животных не является вопросом. Богатый материал на эту тему можно найти в периодической печати, посвященной домашним животным, прежде всего, кошкам и собакам.

В последнее время накапливается все больше фактов, говорящих о сложном внутреннем мире растений и даже их способности реагировать на мир психических состояний человека. При этом зачастую оказывается, что многие самые современные открытия лишь повторяют то, что давно было известно в восточной мудрости. Садовые растения – фруктовые деревья, кустарники – имеют свой собственный цикл развития. Человек может научиться взаимодействовать с ним, вступая с растениями в психологический контакт, разговаривая с ними, от чего последние могут либо ускорить свое развитие, либо вообще перестать расти. Это зависит от способности человека найти с растениями нужный контакт, подчинить своей воле, чтобы оно дало ожидаемый результат. На это обстоятельство обратили внимание еще древнекитайские садоводы. Если ты “не понравился” растению, оно может дать прямо противоположный ожидаемому результат. При этом контакт человека с растительным миром осуществляется либо сознательно, либо бессознательно. Когда люди не понимают этого, они могут своим плохим настроением нанести растению вред. Поэтому при плохом настроении лучше оставить растение в покое, не мешать ему своими эмоциями, не заряжать его своей отрицательной энергией. В Китае еще с VIII-IX веков нашей эры существовали школы, где учили садоводов методам психологического воздействия на растения.

Духовность растений и животных подтверждается также тем фактом, что человек способен вступать с ними в определенный психологический контакт. Так, известно, что кошка способна снимать стрессы, забирать на себя отрицательную энергию, поэтому общение с ней действует на человека успокаивающе. Напротив, общение с собакой поднимает жизненный тонус, действует возбуждающе.

Сходные результаты наблюдаются и при общении с растениями. И если дуб, береза и сосна заряжают человека энергией, подпитывают его, то осина, тополь и черемуха, напротив “отсасывают” энергию, поэтому лишний контакт с ними может навредить человеку. Дозированное же воздействие их действует исцеляюще: снимает различные воспаления, боли. Таким образом, природа не только создает организм здоровым и закладывает в него защитные силы, но и сама готова прийти к нему на помощь. Поэтому древнее выражение “природа лечит” не так уж далеко от истины.

Целительные силы растений, их способность восстанавливать физическое и духовное равновесие человека, были отмечены очень давно, в частности, в мировоззрении друидов. В психический контакт с человеком вступают не только деревья, но и вообще все растения. В. П. Казначеев обратил внимание на то, что опытным путем была установлена способность растений вырабатывать условные рефлексы. Растения адекватно реагируют на приближение к ним “врага”, “друга” и просто нейтрального человека, что фиксируется приборами. Как растения способны вырабатывать условные рефлексы, не имея для этого нервную систему, – для современной науки это является загадкой, но сам этот факт сомнению не подлежит.

О присутствии в растениях электрических импульсов, подобных нервным импульсам человека, о тайной жизни растений, их способности чувствовать происходящие вокруг них события, на них

соответствующим образом реагировать и даже выступать безукоризненным детектором лжи пишет американский профессор философии Макс Вайнер⁴.

Способностью вступать в определенный психологический контакт с человеком обладают не только растения и животные, но и камни с металлами. Многие женщины глубоко убеждены, что украшения из определенных драгоценных камней “не принимают” их, они чувствуют себя в них дискомфортно. Другие камни, напротив, “любят” их, они способны поднять настроение, сделать его радостным. Подобно тому, как общение с кошкой успокаивает человека, а с собакой – возбуждает, изделия из серебра приносят успокоение, а из золота – возбуждение. Именно поэтому врачи не рекомендуют дарить золотые украшения гипертоникам.

Давно известно, что камни способны концентрировать энергию, оказывающую влияние на физическое и духовное состояние человека. Так, еще в древности служители церкви обратили внимание на то, что сапфир умеряет страсть, успокаивает душу во время богослужения. Вот что писал об этом камне знаток самоцветов Иван Грозный: “Кто носит сапфир при себе, тело умножает, и благолепие лицу подает, пот лишний унимает и похоти телесные смиряет, а измены открывает, страх отгоняет”. Астрология считает сапфир весьма полезным для творческих работников и не случайно некоторые известные художники, в частности, Михаил Булгаков имели этот камень в качестве талисмана.

Можно привести и еще аргумент в пользу духовности таких “бездуховных” предметов, как камни. Люди, разбирающиеся в драгоценных камнях, способны увидеть в них сказочную красоту, прекрасную гармонию, таинственную глубину, т. е. все то, чего нет в искусственных украшениях. Но понятия “прекрасное”, “гармония”, “таинственность” традиционно относятся к характеристикам духовности.

Известная американская исследовательница София Бланк на основании экспериментов с фотосистемой, изобретенной российским ученым С.Д.Кирлианом, строго научно доказала способность минералов вступать в психологический контакт с человеком, влиять на его здоровье и самочувствие⁵. И то, что когда-то было поверьем, становится научным фактом.

Хотя идея присущности духа всему мирозданию под напором собственной логики развития научного знания становится все более распространенной и даже модной, все же она не стала еще общепринятой, есть еще отдельные ученые, которые отождествляют дух с мыслящим разумом, т. е. ограничивают его сферу только человеком. В последнее время, правда, делаются робкие попытки расширения сферы духа, но все равно он ограничивается только человеком, обществом и культурой. “Дух выступает в трех формах бытия: как дух отдельного индивида (личный дух), как общий дух (объективный дух) и как объективированный дух (совокупность завершенных творений духа)”⁶. Мы же понимаем дух предельно широко, как характеристику всего бытия. Именно поэтому в следующем параграфе мы привлекаем в союзники авторитеты, безусловно убежденные в идее Живого Космоса.

§5. Русские поэты и космисты о жизнестности Мироздания

Поэт О.Мандельштам провидчески сказал, что кто не понимает нового, тот ничего не смыслит в старом, а кто смыслит в старом, тот обязан понимать и новое. В своих письмах он резонно отмечал, что у нас между наукой и поэзией пошлейшее разделение труда, полное отсутствие интереса.

Очень верное замечание! Признав только за собой право на монопольное владение истиной, наука спесиво отрицает его у других сфер духовной деятельности человека: искусства, религии, народно-эпического сознания. Но ведь они тоже с неподдельным интересом относятся к окружающему миру и своими методами, на своем языке пытаются проникнуть в его тайны. Поскольку у них иные, чем у науки, подходы к миру, постольку они способны проникнуть в тайны, науке не подвластные. Если наука откажется от гордыни, более уважительно станет относиться к другим родам духовной деятельности, ей откроются многие новые тайны, которые существенно обогатят ее.

Рассмотрим данное утверждение на примере рассматриваемой темы. В русской поэзии всегда, – начиная с Пушкина и Лермонтова и кончая Блоком, Пастернаком, Ахматовой, – проводится идея взаимосвязи человека с космосом: наличие космического начала в человеке и человеческого начала в мироздании. Обладая повышенной духовной чувствительностью, поэты многие темы почувствовали и обозначили раньше науки. Поэт острее ученого чувствует переплетенность земного и небесного, человеческого и природного начал. Приведем для примера только одно стихотворение С.Есенина, написанного им в 1919 г. и не имеющего названия:

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.
То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,

⁴ Вайнер М. Тайная жизнь растений / Реалистическая традиция в русской философии и культуре. СПб., 2006

⁵ Бланк С. Минералы исцеляют. Кристаллы и человек - гармонии тонких энергий. СПб., 2005.

⁶ Краткая философская энциклопедия. М. 1994. С.146.

И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
Понятен мне земли глагол,
Но не стяхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
Так кони не стяхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

Искренность и глубокое чувство не позволяют видеть здесь лишь игру слов, – поэт, бесспорно, пишет правду. Когда он утверждает, что душа нездешних нив жилища, это значит, что он действительно чувствует, что его душа питается корнями во вселенском духе и о нем грустит.

Если наука, как правило, отвергает духовную компоненту мира, философия, будучи синтезом научного и вненаучного знания, то признает ее, то отрицает, то искусство, целиком относящееся к вненаучному виду познания, духовное начало мира никогда не ставит под сомнение. Все виды искусства духовность мира глубоко чувствуют и отражают в своих произведениях, но мы останавливаемся прежде всего на поэзии, поскольку в ней эта духовность наиболее очевидна.

Наука основана на анатомировании (анализе), выведении (индукции и дедукции), экспериментальной проверке, считая только эти методы единственно правильными, ведущими к истине. Никаким из этих методов поэзия не пользуется. Она не разлагает мир на абстрактные части, поэтому она не убивает его живого начала. Ее “методами” являются интуиция, озарение, вдохновение; ее приемами, определяющими строй ее языка, являются метафора, гипербола, сравнение. С точки зрения науки, это все “неправильные” методы, с их помощью нельзя постичь истины, а можно лишь воспаряться над ней в чисто субъективистских конструкциях, дающих кое-какое знание только о внутреннем мире поэта. И потребовалось нынешнее крушение сциентистских (научных) иллюзий, чтобы все стало на свои места, чтобы определилось истинное место науки в системе знания.

Знания, добытые философией, искусством, религией больше не характеризуются как однозначно антинаучные (хотя по инерции все еще многие так продолжают считать). Введение в научный оборот знаний, полученных вненаучными видами познания, ненаучными методами, необыкновенно расширяют горизонт науки, придавая ей второе дыхание.

Какие выводы могут быть сделаны на основании этих общих рассуждений? Поэзия, как и все другие виды искусства, дает глубокое знание о мире, являющееся дополнительным к научному знанию. Приемы, методы, которыми пользуется поэзия, являются адекватными ее природе, дающими способность наиболее глубокого проникновения в тайны мира, прежде всего касающиеся ее духовной компоненты, в познании которой классическая наука бессильна. Метафора, гипербола, сравнение и другие приемы поэзии не уводят от истины, а, напротив, позволяют лучше постичь ее. Если читатель научится понимать поэтические слова буквально, он много нового узнает о мире. Когда поэт, например, пишет о духовности всего сущего, его следует понимать буквально, поскольку его поэтический язык, его приемы позволили поэту эту тайну открыть и передать ее нам.

Рассмотрим для примера первую строфу безымянного стихотворения Ф. Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик -
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Здесь поэт обращается к природе как к субъекту. Человек привык только себя считать субъектом, природа же для него всегда объект, дающий ему определенные блага для жизни. Для поэта не так, для него природа – это вселенский субъект, это живой организм, живущий по закону живого и требующий к себе соответствующего отношения.

Поэт при этом хорошо видит, что большинство людей утратило способность воспринимать природу как живую, как мать, давшую человеку жизнь. Он не винит их, как нельзя винить глухонемого за то, что он не понимает окружающей жизни, но о таких людях он, продолжая свое стихотворение, с сожалением пишет:

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,

При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!
И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!
Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

Помимо поэтов русским космистам также всегда было открыто живое начало Космоса. Это связано с тем, что русский космизм является уникальным научно-культурологическим феноменом, достижением многовековых усилий философов, естествоиспытателей, писателей, поэтов, религиозных деятелей и безвестных хранителей народной памяти. Поэтому космизм – это не просто знание, а особое прочувствование Вселенной: научно осмысленное, эмоционально-личностное, вследствие чего оно особенно созвучно целостным, интегративным тенденциям в современной науке.

Идея жизнестойкости Мироздания красной нитью проходит через творчество всех русских космистов, как религиозного (В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский), так и естественнонаучного (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский) направлений. Это направление успешно развивается уже второе столетие. Наше время в нем представляют Л. Н. Гумилев, В. П. Казначеев, Н.Н. Моисеев и др.

Один из известных русских космистов, – К. Э. Циолковский, – писал: “Вселенная в математическом смысле вся целиком живая, а в обычном смысле ничем не отличается от животного”⁷. Одновременно с Циолковским и независимо от него концепцию Живой Вселенной развивал В. И. Вернадский. Био-гео-химический подход к изучению природы, осуществленный Вернадским, помог открыть неизвестное ранее существование живого вещества, участвующего в круговороте всех химических элементов. Жизнь эта проявляется в непрерывно происходящих в планетарном масштабе миграциях атомов из биосферы в живое вещество и обратно. Тем самым на научную почву становится вопрос о космичности живого вещества. В данной связи им вводятся такие понятия, как “всюдность жизни”, “сгущение жизни”, “давление жизни”. Под давлением энергии живого вещества формируется биосфера – планетарная область распространения жизни. Биосфера – это явление космического порядка, она является земной оболочкой, в которую непрерывно проникает космическая энергия, космические излучения и лучепускания солнца, поддерживающие равновесие между биосферой и живым веществом. Согласно главному био-химическому принципу Вернадского, биогенная миграция атомов космических элементов в биосфере всегда стремится к своему максимальному проявлению; все живое вещество планеты служит источником свободной энергии и оказывает непосредственное воздействие на социальные процессы.

Это положение дальше развил Л. Н. Гумилев. По его мнению, источником естественно-исторического процесса этносов как раз и является энергия живого вещества Земли, которая воздействует на этносы по космически запрограммированным каналам. При этом избыток биохимической энергии живого вещества, позволяющий преодолеть инстинкт самосохранения и приводящий к физиологическому, психическому и социальному сверхнапряжению, получил название *пассионарности*, а люди, наделенные соответствующим энергетическим зарядом и обладающие повышенной тягой к действию именуется *пассионариями*. Философам и ученым еще предстоит установить пока еще не выявленные закономерности взаимообусловленности нервно-биотических и физико-космических процессов. Но ясно одно, что все эти проблемы замыкаются на общенаучную проблему Живого Космоса.

Итак, развитие мировой и отечественной науки накапливает все больше и больше свидетельств в пользу существования духовного начала в мире, или духа. Это признание – важнейшая часть решения вопроса о существовании души человека, включающей в себя все те аспекты, стороны, которые присущи и миру в целом.

§6. Земля как живой суперорганизм

*Земля – наш дом и дом всех живых существ.
Сама Земля является живым организмом.
Мы – часть эволюционирующей Вселенной.
Декларация Земли. Рио-де-Жанейро, 1997.*

То, что у русских космистов определено как Живой Космос, нами определяется как Дух, поскольку именно он является тем живым началом, которое вносит жизнь в Космос. Положение это может быть проиллюстрировано на самом близком нам космическом объекте – Земле.

⁷ Циолковский К.Э. Космос есть животное // Человек. 1991. № 6. С.79.

Тема “Земля как живой суперорганизм” представляет значительные трудности для усвоения. Связано это с тем, что в обществе на всех уровнях широко распространен предрассудок, что жизнь связана только с высшими уровнями организации материи и может быть реализована исключительно как “форма существования белковых тел”. Убеждение это имеет характер стереотипа. Дело в том, что мышление любого человека, в том числе и ученого, является во многом стереотипным. Понятие “стереотип” было введено американским социологом Г. Липманом в 1922 г. для обозначения распространенных в обществе предвзятых представлений о каких-либо объектах. Они присущи не только обыденному сознанию, но и научному тоже. Здесь сформировался стереотип, что “жизнь” относится только к объектам вполне определенного класса. Когда же ученый слышит, что понятие “живое” прилагается к объектам иного рода, то у него на уровне подсознания (стереотип) возникает реакция отторжения. Преодолевать такие стереотипы довольно трудно, тем не менее, мы попытаемся это сделать в ходе изложения данной темы.

Все мы воспитаны на античной традиции, для которой было характерно рассмотрение природы с преимущественно рационалистической точки зрения. Феномен живого, которое, как отмечалось выше, не поддается рационалистическому анатомированию, всегда плохо укладывался в такую схему. Наука способна изучать мир только по абстрактно выделенным частям. Причем, между частями этими для удобства их рассмотрения она проводит четкие демаркационные линии. Так единая природа была разорвана на живую и неживую. Затем объект был противопоставлен субъекту, сознательное бессознательному, рациональное иррациональному.

Но уже в античности исследователи столкнулись с тем, что оказалось невозможным описывать живые организмы теми методами, которые применяются для анализа тел неорганической природы. Именно поэтому Аристотель вынужден был ввести нематериальный фактор, который он назвал энтелехией, для объяснения ряда свойств и особенностей живого, в частности, для понимания механизма движения семени растения или зародыша животного к хорошо дифференцированным взрослым особям. В новое время положение Аристотеля о существовании в живых организмах особых нематериальных факторов, объясняющих все процессы их жизнедеятельности, было возрождено наукой и получило название витализма.

Следует также обратить внимание на то, что современная наука все чаще испытывает затруднения в проведении четких разграничительных линий между живым и “неживым”. Ярким примером здесь могут служить вирусы, которые ведут себя как живые организмы в клеточной среде и как неживые – за пределами клетки.

Сейчас ученые все чаще приходят к мысли, что разделение мира на объект и субъект также не является универсальным. Существуют такие области, где такое расщепление является неправомерным. Но для признания этих областей приходится уже выходить за рамки традиционной науки. Восточная мысль, долгое время скептически относящаяся к чисто научному знанию, уже давно сомневалась в правомерности такого подхода к миру. Это сейчас начинают понимать и представители западной науки. Отмечено, например, что в рамки привычных субъектно-объектных представлений не укладываются такие феномены, как творчество, духовность, многие реалии трансперсональной психологии⁸.

Проблема условности разделения живого и неживого постоянно ставится на самых разных уровнях: в науке, литературе, искусстве, в философии. В мифологии Земля всегда признавалась живым существом и живое начало ее никогда не подвергалось сомнениям⁹. В греческой мифологии, в частности, это нашло свое выражение в мифе об Антее, который был непобедим до тех пор, пока имел контакт с Землей. Этот же мотив прослеживается и в славянских источниках. Особенно ясно это видно на очень широко распространенных в народной среде представлениях о Мать – сыра земле, отголоски которых дошли до наших дней. На протяжении тысячелетий Мать – сыра земля воспринималась славянами-язычниками живым человекоподобным существом, где растительность рассматривалась как волосы, горы и скалы – как кости, вода как кровь, корни как жилы. “Земля сотворена яко человек”, – часто можно встретить в русских летописях даже сравнительно позднего времени. Земля засыпала на зиму и просыпалась весной. Народные целители до сих пор уверены, что она обладает лечебными свойствами. И в наше время распространен обычай, отправляясь в дальние странствия, брать с собой горсть земли, а по возвращении – кланяться ей. Отношение к Земле как к живому существу сохранилось и сейчас в крестьянской среде, оно зафиксировано в многочисленных пословицах, поговорках, былинах, загадках и пр. Культ Земли как живого существа подробно описан в работах, сделавшихся уже классическими¹⁰.

В философии жизнеступность Земли также практически всегда считалась само собой разумеющейся, за небольшим исключением. Еще античные философы Пифагор, Зенон, Плотин признавали мир живым, а Землю – одушевленным, разумным существом. Мир традиционно признавался одушевленным телом или телом, пронизанным “пневмой” (духом). Для философов эпохи Возрождения признание живого начала Земли также имело характер аксиомы. Положение о Земле как о живом организме разрабатывалось немецким ученым и врачом XV-XVI вв. Парацельсом. В его

⁸ Грофф С. Путешествие в поисках себя. М., 1994.

⁹ См.: Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян М., 1996.

¹⁰ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1,2,3. М., 1994. Коринфский А.Л. Народная Русь. М., 2007.

медицине фигурируют лечебные свойства Земли: она живое существо и может оказывать как благоприятное, так и неблагоприятное воздействие. В эпоху Просвещения абсолютное большинство философов было гилозоистами, т. е. исходили из универсальной одушевленности материи. Позже об этом же писал Р. Штейнер – основатель антропософии. Между человеческим и космическим сознанием существует определенная взаимосвязь (гармония, дисгармония). Вальдорфские школы, основанные на его идеях, ставят задачу воспитать человека, который был бы вписан в Космос. Особое место в школе отводится жесту, символу. Живым существом, как отмечалось выше, представляли Землю и русские космисты.

Интуитивно человек всегда чувствовал единство мира, единство между живым и “неживым”, духом и материей, Землей и Космосом. Такое переживание единства мира порождало вполне определенное мироощущение, которое наиболее интенсивно выразилось в литературе и искусстве. Так, многие полотна Ван Гога дают переживание чувства единства человека и нашей планеты. Единство человека и Космоса выражают полотна Н. Рериха, И. Босха, П. Брейгеля и многих других художников. То же самое можно сказать о творчестве А. Данте, Ф. Тютчева, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Еще сильнее это проявилось в музыке: Л. Бетховен, И. Бах, П. Чайковский и др. Искусство и литература в образной форме выражают то чувство сопричастности человека и природы, человека и мира, которое он неизменно испытывает, как только оказывается наедине с природой и высвобождается из-под власти чуждых ему ритмов городской жизни.

Только две формы духовного освоения мира – религия и наука – не видят в земле живого начала. Под религией мы здесь имеем в виду мировые религии, поскольку для первобытных религий это живое начало было само собой разумеющимся и у ирокезов, например, самым высшим божеством был Дух Земли. Хотя религия и наука – две различные, не пересекающиеся сферы духовного освоения мира, но то, что они формируются практически одновременно, в классовом обществе, не могло не сказаться на существенном сходстве между ними, которое часто упускается из внимания. Больше известно о их противоположности: если религия основана на догмах, то наука – на сомнениях (“подвергай все сомнению”), если целью религии является служение вере, то целью науки – пытливые поиски истины, если религия исходит из непререкаемых авторитетов, то наука невозможна без независимости и свободы. Но не меньше между ними существует и сходных черт: и наука и религия разорвали единый мир на материальную и духовную составляющие, противопоставив одну другой, и в науке и религии большую роль играют абстрактно-теоретические построения, и наука и религия утратили способность живого, целостного восприятия мира, выдавая за целое сумму отдельных фрагментов.

Тем не менее, сегодня наука, под логикой неумолимых фактов, все чаще и все более открыто начинает признавать духовное начало мира и Землю – живым организмом. Вот лишь одно их последних свидетельств: “Давно существует версия, что Земля – живой суперорганизм, для которого главным, как и для любого организма, является самосохранение. Когда еще в XVI веке Томмазо Кампанелла писал, что Земля “говорит, думает, чихает”, нам, его “поумневшим” потомкам, это представлялось бредом. Но вот уже в 1974 г. английский биохимик Джеймс Э. Лавлок вновь выдвинул гипотезу, согласно которой Земля способна, во имя самосохранения, самозащиты, “сбросить” разрушающую ее цивилизацию. И сегодня есть немало ученых склонных разделить эту точку зрения. Чем обернется для человечества такое “чихание” Земли – резким сокращением численности населения, как это было в период неолитической революции, или полным его исчезновением, сказать трудно. Но и “терпение” Земли не беспредельно. Словом, всем нам надо меняться”¹¹. Религия, в силу большого консерватизма, пока еще не способна на такого рода заявления, но думается и она, рано или поздно, придет к чему-то подобному.

В свете сказанного, видимо, не является случайной наметившаяся тенденция сближения науки с другими отраслями духовного освоения мира, прежде всего, искусством. В. И. Вернадский писал, что человек действует в рамках биосферы и поэтому чувство жизни, чувство живого органически присуще ему. Это чувство сопричастности с природой, с биосферой должно лечь в основу нового синтеза знания о природе. Понятно, что такой синтез будет существенно отличаться от того синтеза, который осуществляется в рамках традиционной науки. Выдающиеся творцы науки постоянно говорят о переживании чувства сопричастности ко всему живому, к Космосу. С. Ковалевская писала, что наиболее плодотворные ее акты сопровождалась именно таким чувством, чувством сопричастности с космической музыкой. Аналогичные высказывания встречаются у творцов очень часто. П. Дирак говорил о чувстве красоты, приводящим его к гармонии с миром. А. Швейцер постоянно переживал чувство благоговения перед жизнью и на нем строил свои этические концепции.

Современная наука на новом уровне вновь приходит к проблеме одушевленности мира (природы) и ищет специфические способы ее решения, отличные от понимания ее на предыдущих этапах. Мы выделяем три основных этапа осмысления живого начала Земли: *этап морфологического сходства*, *этап функционального сходства* и *этап сущностного сходства*.

На этапе *морфологического сходства*, характерного для фольклора, народного сознания, подобие Земли с человеческим организмом виделось только внешнее: растительный покров Земли сравнивался с волосами, корни – с сухожилиями, горы – со скелетом, озера – с глазами. Начиная с эпохи Возрождения, *этапа функционального сходства*, сходство понимается более глубоко: реки

¹¹ Правоторов В. Заглянуть в новое тысячелетие // Наука и религия. 1995. № 9. С.3.

сравниваются с кровеносными сосудами, ибо они действительно выполняют сходную функцию – питать определенные области суши и выносить шлаки, а леса сравниваются уже не с волосами, а с легкими, ибо на Земле они фактически выполняют ту же функцию, что и легкие в организме животного. И, наконец, прямо на наших глазах зарождается третий этап, *этап сущностного сходства*, когда сходство Земли с человеческим организмом воспринимается уже на сущностном уровне, когда выявляются все основные, сущностные признаки живого и проверяется их применимость к суперорганизму под именем Земля.

Это наличие обмена веществ, способность рожать живое, наличие инстинкта самосохранения и, наконец, мембраны в виде атмосферы и магнитного поля, выполняющей точно такую же функцию, как и мембрана любой живой клетки: пропускать полезные и экранировать вредные излучения. Думается, информации вполне достаточно для глубоких раздумий на заданную тему.

В рамках нового миропонимания происходит как бы возвращение, но на новом уровне, к старым представлениям о Земле как о живом суперорганизме, с которым человек может и должен вести диалог как с равноправным партнером, ибо только таким образом можно избежать надвигающейся экологической катастрофы, которая уже почти стала реальностью в наши дни.

Глава 2. Атрибуты духа

§ 1. Дух как Ничто

В литературе давно разрабатывается проблема атрибутов материи. Она была четко сформулирована Б. Спинозой, который выделил два атрибута – мышление и протяжение, хотя и считал, что таких атрибутов имеется бесконечное множество. В наши дни справедливо считается, что, хотя Спиноза и поставил проблему атрибутов материи, но он не смог ее решить. Указанные им атрибуты фактически таковыми не являются, ибо признание атрибутивного характера мышления возвращает нас на позиции гилозоизма, а универсальность протяжения фактически означает абсолютизацию трехмерного эвклидова пространства. Современная наука, в частности квантовая физика и теория относительности, убедительно показала, что классическая механика и эвклидова геометрия отнюдь не являются универсальными моделями действительности.

Нам представляется, что мысль Спинозы глубже, чем просто выделение двух атрибутов, кстати, отнесенных не к материи, а к субстанции. Создается впечатление, что в этих двух атрибутах он акцентирует внимание как на материальной стороне субстанции (протяженность), так и на духовной (мышление). И естественно, что на этом уровне общности ничего третьего он найти не сумел. Бурное развитие науки в Новое время ориентировало мысль на материальной стороне реальности. И атрибутивная модель стала рассматриваться исключительно как модель материального бытия. Атрибуты материи, четко зафиксированные наукой к настоящему времени, довольно подробно рассматриваются в философской литературе.

Что касается духовного мира, то его реальность практически никогда не отрицалась, по крайней мере, в философии и религии. Но тогда правомерно поставить вопрос об атрибутах духа, что наиболее четко было сделано Р. Декартом и Б. Спинозой. По Декарту, Бог есть духовная субстанция, которая непосредственно не проявляется в мире, но представлена двумя атрибутами, обладающими наличным бытием – это мышление и протяжение. Бог обладает только атрибутами: абсолютностью, бестелесностью, беспричинностью, бесконечностью (которая трактуется как беспредельность и вечность), правдивостью (истинностью).

Субстанция наличного бытия, или мышление, – тоже атрибут Бога. Мышление, таким образом, есть наличное бытие Бога в мире, а модусы мышления и есть его атрибуты. Мышление проявляется через следующие модусы: длительность, порядок, число, универсалии (род, вид, отличительный признак, собственный признак и акциденция), восприятие, воля, аффекты, страсти и т. д. Модусов мышления ровно столько, сколько необходимо, чтобы проникнуть в тайну мира и материи, сотворенных Богом¹².

Проблему атрибутов духа рассматривал и Б. Спиноза¹³. Но в дальнейшем она не получила достойного развития. Может быть, это связано с тем, что априорно предполагалось, что духовные процессы (мышление, сознание, психика, да и сама жизнь) по крайней мере, в принципе, порождаются материальными структурами. Однако современная наука все более и более убеждается в том, что из материи явления духа не выводятся. Последние представляют собой самостоятельное начало, наряду с материальным. Эти начала интегрируются в более глубокой реальности, для описания которой у нас нет средств, ибо весь опыт человека и человечества относится к области, где уже произошло выделение материального и духовного начал. Разделение материального и духовного начал характерно не только для науки, но и для религии, где оно даже еще больше доведено до взаимного противопоставления.

Дух, душа, духовность относятся к важнейшим темам религиозной рефлексии. Можно даже сказать, что религия претендует на известную монополию в освещении данных тем. Не случайно, поэтому религиозные учебные заведения именовались “духовной семинарией” и “духовной академией”, богословы называются “лицами духовного звания” или “духовенством”, а религиозная

¹² Декарт Р. Мир или трактат о свете. // Соч. в 2-х тт., т.1. М., 1989 С. 323-342.

¹³ Спиноза Б. Этика // Избр. произв. в 2-х тт. т. 1. М., 1957.

музыка называется “духовной музыкой”. По этой же причине даже сегодня некоторые представители светской интеллигенции, особенно деятели искусства, отождествляют понятия “духовность” и “религиозность”, считая только религию носителем и высшим хранителем духовности.

Но проблема духа является вечной и в философии. Когда-то Н. А. Бердяев справедливо заметил, что предметное поле религии и философии практически совпадает и поэтому церковь видит в философах конкурентов и в прошлые времена преследовала их вплоть до физического уничтожения. Но в философии дух понимается не только иначе, чем в религии, но и по-разному в разных философских школах и направлениях. Поэтому, прежде чем вести разговор о духе, нужно четко определить систему координат, в которой он будет рассматриваться.

В материалистической философии дух изгоняется из природы. Поскольку наука имеет дело только с той реальностью, которая воспринимается нашими органами чувств или приборами и с которой можно проводить эксперименты, постольку материалистическая философия, тесно связанная с наукой, признает реальность существования только материи, дух же ограничивается лишь областью сознания. В этом случае появление сознания воспринимается как чудо, которое наука сможет объяснить лишь в отдаленном будущем (В. И. Ленин). В идеалистической философии, казалось бы, дело обстоит прямо противоположным образом, поскольку дух здесь изначально трактуется как то первоначало, которое затем породило весь мир. Поскольку дух существует до и вне материи, постольку он представлен в виде чистых категорий, настолько “чистых” от всякого реального содержания, что здесь бытие может быть тождественным ничто (Г. Гегель). И в этом случае триадические категориальные группы чинно шествуют в строгой последовательности друг за другом, – как на похоронной процессии. Таким образом, и в материализме и в идеализме дух считается чем-то призрачным, смутным, неопределенным.

Реализм же исходит из того, что материализм и идеализм являются древними и односторонними течениями, пропитанными предвзятыми суждениями. Реализм исходит из признания материи, энергии и духа тремя вечными основаниями мира, не сводимыми друг к другу, но друг без друга не существующими. Реализм исходит из того, что у идеализма и у материализма нет будущего, будущее – за реалистическим мировоззрением.

Будучи антиподом материи, дух зачастую имеет противоположные материи характеристики. Это действительно духовное начало, ибо оно кардинальным образом отличается от всего, с чем человек имеет дело в своей повседневной жизни; оно не только противостоит ему, но не подчиняется никаким законам, сформулированным для материальных объектов (закону причинности, закону переходу количественных изменений в качественные и т. п.). К этому началу нельзя применять такие категории, как пространство, время, структурность, дискретность и т. п.

И если материя есть Все, то дух есть Ничто, но такое Ничто, которое равно Все. Это было прочувствовано и осознано еще древними мудрецами. Еще Аристотель помимо четырех элементов, образующих весь материальный мир, предложил еще пятую сущность, или квинтэссенцию, – эфир, который обладает признаками, противоположными материальным. Так, в отличие от первых четырех элементов эфир не может быть ни теплым, ни холодным, ни сухим, ни влажным. Он не возникает и не уничтожается, подобно другим материальным объектам. Эфир – это нематериальная субстанция, которая, по Аристотелю, “не имеет материи, из которой она возникла”. Эфир служит обоснованием несотворенности и неуничтожимости мира, он сообщает миру свойства вечного и блаженного живого существа – космического бога. Учение об эфире просуществовало в науке вплоть до начала XX века, до теории относительности А. Эйнштейна, после которой эти представления были решительно отвергнуты. Сейчас же ученые (В. П. Казначеев) вновь исподволь восстанавливают это понятие. Но это, на наш взгляд, не обязательно делать, поскольку есть более емкое и более адекватное понятие – дух, наличие которого и было почувствовано Платоном и Аристотелем и который был зафиксирован под названием “эфир”.

Еще более определенно дух как Ничто трактуется в восточной философии. Вот как сказано об этом в Упанишадах: “Он, этот Атман, [определяется так]: “Не [это], не [то]”. Он непостижим, ибо не постигается, неразрушим, ибо не разрушается; неприкрепляем, ибо не прикрепляется; не связан, не колеблется, не терпит зла”¹⁴.

Эти идеи проходят через все века и, наконец, находят свое новое обоснование в философии экзистенциализма. Экзистенциализм склонен рассматривать свободу как проявление великого мирового Ничто. Согласно М. Хайдеггеру, Ничто есть фон и “безосновное основание” всякого бытия. Раз фоном бытия является Ничто, значит бытие свободного человека глубоко трагично, ибо свобода оказывается родственной смерти. Но именно перед лицом смерти человек открывает свое подлинное бытие. Именно поэтому Ж.-П. Сартр утверждал, что “свобода – в небытии”. Отсюда свободная личность понимается как “пустота в густоте бытия”, “дыра небытия в бытии”. Именно определение подлинного, т. е. духовного бытия как Ничто, приводит экзистенциалистов к трагическому утверждению, что человек – раб, Ничто.

Признание одушевленного начала – духа – на протяжении всей истории человечества, – от языческой эпохи и мифологического сознания и до современной эпохи и философского сознания, – способно порождать пессимистическое состояние духа человека. Человек чувствует себя абсолютно

¹⁴ Брихадараньяка. Упанишада. М., 1964, III.9.26.

бессильным перед таким началом и часто оно вызывает у него чувство страха и почтения. Для его обозначения использовались такие понятия как Бог, Душа, Дух, Абсолют, Демон...

§ 2. Дух как Нечто

Исследователи духа обычно акцентируют внимание на тех признаках его, которые противоположны материальным. Но у духа, на наш взгляд, есть признаки и роднящие его с материей. Это – реальность существования, способность к изменчивости и наличие энергии.

Дух так же реален, как и материя, но это реальность иного рода, – реальность идеальная, а не материальная.

Иного рода и энергия у духа, что можно проиллюстрировать на следующем примере: сила тока в материальном мире и сила духа – в мире идеальном – не одно и то же. Во всяком случае, являющаяся реальной сила духа не может быть замерена приборами, наподобие силы тока.

Дух, кроме того, является крайне подвижным и может самопроизвольно концентрироваться в любом объекте: как в человеке, так и в растении, животном и даже в неодушевленном предмете. Такая концентрация духовного начала создает свою картину мира, в которой компоненты соотносятся не на основе связей и закономерностей, реально существующих между ними, а в зависимости от наличия в них духовного начала, уровня его “концентрации”, т. е. его энергии. Тогда объект, где концентрация такого начала больше, чем в других, резко выделяется и в этом случае говорят о том, что в нем проявился Бог (теофания).

Такое начало не структурировано и здесь важно, что тот или иной объект является носителем этого начала в большей мере, чем другие. Концентрация такого начала не детерминируется какими бы то ни было законами, но сам факт концентрации духовного начала изменяет, причем значительно, систему отношений этого объекта со всеми другими. Тем самым происходит, по крайней мере, локальное переструктурирование и деформация действительности.

В том случае, когда такое начало концентрируется в человеке, то он сразу чувствует это самым непосредственным образом в виде вдохновения, “безумия”, прозрения, и резком повышении внутренней активности. Здесь возникает существенно иное видение мира, которое фиксируется в виде нетрадиционных, необычных представлений, “безумных идей”, фантастических образов, которые на поздних этапах развития общества воплощаются в произведениях искусства, научных концепциях, литературных произведениях, отмеченных чертами истинного творчества. В результате в подавляющем большинстве случаев деятельность и поведение человека становится непонятным для окружающих и часто отвергается ими как нечто болезненное, аномальное, алогичное. Однако в рамках архаического мифологического мышления это считается проявлением высшего начала (одержимости) и воспринимается как нечто положительное (отголоски этой ситуации мы встречаем в культе юродивых, шутов).

Для самого человека присутствие духовной силы воспринимается как сопричастность к какому-либо могущественному существу (Богу, Демону, Абсолюту). И часто он представляет себя в качестве слепого орудия его воли. Разумеется, такое существо может проявиться, где ему заблагорассудится. И тогда любой объект, как одушевленный (человек, животное, растение), так и неодушевленный (статуя, камень, храм, источник или даже целый регион) может стать носителем особой силы.

Проблема концентрации духовного начала была проанализирована Б. П. Вышеславцевым. Он справедливо отмечает, что в религиозной и светской традиции давно было замечено, что “возвышение разумной твари над природой осуществляется посредством усовершенствования природы”¹⁵ [7,50]. Этот процесс он называет сублимацией, которая возвышается над природой, не уничтожая ее, а восполняя, преобразуя и совершенствуя. То есть существует некоторое начало, которое совершенствует природу, воздействуя на нее. Нам представляется, что термин “сублимация” не совсем удачен, ибо он имеет несколько иной смысл, который он приобрел во фрейдистской психологии. Мы предпочитаем пользоваться термином “концентрация” духовного начала (духа).

Объекты, вокруг которых наблюдается повышенная концентрация духовного начала, отличаются от всех других и обычно их характеризует большая выраженность таких характеристик, как “гармония”, “совершенство”, “красота”, “изящество”, “утонченность” и т. п. По мере удаления от них начинают преобладать характеристики совершенно иного рода: “хаос”, “деградация”, “смерть”.

Если мифология утверждает, что такая концентрация духа ничем не мотивирована, то ученые, занимающиеся проблемой духа и его концентрации, здесь имеют другое мнение. Концентрация духа, по мнению науки, осуществляется наиболее интенсивно в сложно организованных объектах, что прослеживается в лестнице: минералы, растения, животные, человек. В рамках каждой из указанных ступеней концентрация духовного начала может варьировать в очень широких пределах. Так, в минеральном царстве она достигает максимального выражения в кристаллах, в царстве растений изменяется от простейших водорослей до высших растений, в животном царстве – от простейших одноклеточных до приматов, в человеке – от низших проявлений животных инстинктов до таких феноменов, как святость, творчество, вдохновение.

Таким образом, по данной концепции человек представляется носителем высшей духовной концентрации. По сути дела близка к научной и точка зрения религии, по вероучению которой Бог

¹⁵ Вышеславцев Б.П. Этика преобразенного эроса. М., 1994. С.50.

вдохнул дух только в человека, возвысив тем самым его над всем прочим тварным миром. “Что же такое душа? В простейшем ее виде, у животных – это объединяемый самосознанием (умом у высших животных) комплекс органических чувственных восприятий, мыслей и чувств, следов воспоминаний или только (у низших) комплекс органических ощущений. Примитивный дух животных – это только дыхание жизни (у низших). По мере повышения по лестнице существ растет их духовность и к дыханию жизни присоединяются зачатки ума, воли и чувства.

У человека душа гораздо выше по своей сущности, ибо участвующий в ее деятельности дух несравним с духом животных. Он сможет обладать высшими дарами Святого Духа, которые св. Пророк Исая (11,1-3) называет духом страха Божия, духом познания, духом силы и крепости, духом света, духом разумения, духом мудрости, Духом Господним или даром благочестия и вдохновения в высшей степени”¹⁶.

В данном конкретном случае нам трудно согласиться и с наукой, и с религией. По нашему мнению, нет достаточных оснований, чтобы ставить человека по степени духовной концентрации, безусловно, выше всего остального мира. По следующим причинам.

– Поскольку дух является нематериальной составляющей мира, не существует прибора, который мог бы измерить степень духовной концентрации в разных объектах, в силу чего приписывать изначально кому-либо (даже человеку) повышенную духовную концентрацию нет достаточных оснований.

– Нам более-менее известна сила концентрации духа в человеке, но мы ничего практически не знаем о степени такой концентрации у других явлений природы, поскольку этот вопрос был вне поля зрения науки.

– Здравый ум и народно-поэтическое сознание, наиболее тонко чувствующие и фиксирующие духовное состояние всех окружающих предметов, свидетельствуют, что дух человека, дух животных, дух минералов – суть разнокачественные явления, которые именно в силу их разнокачественности соотносить по принципу “ниже – выше” не корректно.

Для большей ясности сказанного приведем такой пример. В Коломенском, под Москвой стоят шестисотлетние дубы. За свою многовековую жизнь они неоднократно бурями и грозами были скручены, обожжены, изуродованы. Но и такие изуродованные они продолжают поражать и восхищать человеческое воображение своей необъятной, недоступной человеку Жизненной Силой, имя которой – дух. С другой стороны, дух Платона, продолжает восхищать и поражать человечество уже третье тысячелетие. Как сравнить эти духи и возможно ли это? Ясно только, что дух дуба, превосходящий по своей жизненной природной энергии любого человека, уходит в небытие вместе с дубом, в то время как дух человеческий в своем первоначальном виде может существовать не одно тысячелетие после его физической кончины.

Попробуем поставить наш вопрос в еще более заостренной форме. Где художник, поэт, музыкант находит больше духовных сил для своего творчества – в общении с природой или в общении с людьми? Бетховен утверждал, что он дерево любит больше чем человека, и что общение с природой дает ему необычайно много для его творчества. Подобного рода признания можно найти практически у любого выдающегося деятеля культуры. Ведь именно общение с природой вызывало у них состояние высшего экстаза, творческого вдохновения. Достаточно вспомнить здесь многочисленные в отечественной литературе описания природы и ее воздействие на состояние героя.

Суммируя сказанное, можно сделать следующий вывод. Сравнить по степени концентрации дух объектов, принадлежащих к разным видам и формам живого и “неживого” мира – не корректно. Но можно сравнивать по степени концентрации объекты, принадлежащие к одному виду. Так, среди людей есть люди с повышенной концентрацией духа, (их называются пассионариями) и есть люди, у которых эта пассионарность приглушена, а то и вообще отсутствует. То же справедливо и по отношению к ландшафтам, животным, растениям, камням...

Локальные концентрации духа существуют всюду и оказываются весьма благоприятными для объектов, находящихся в их окрестности. Здесь возникает своеобразная духовная “аура”, которая способствует излечению заболеваний, возвышению духа и т. п. Давно известно, что в неорганической природе есть такие места и даже регионы, где человек чувствует себя наиболее возвышенно. Именно в таких местах с глубокой древности ставились храмы, монастыри, дворцы. В топографическом плане известно много случаев, когда христианские храмы возводились на местах языческих капищ. Концентрация духа в таких местах способствует активизации сознания человека, воздействует на психику людей, стимулирует их воображение. Многие здесь испытывают ощущение легкости, вдохновения, о чем не раз говорили поэты, художники, музыканты. (Вспомним, что знаменитая I симфония П. И. Чайковского “Зимние грезы” была навеяна посещением Валаама со знаменитым одноименным монастырем). Понятно, что во все времена и во всех странах люди пытаются побывать в таких местах, совершая туда длительные путешествия (паломничества в Мекку, Иерусалим, другие “святые места”).

Но существуют и области, где концентрация духовного начала выражена слабо, и они оказывают негативное воздействие на находящиеся в них объекты, в том числе и на человека. Связано это с тем, что чем в большей мере духовное начало выражено, тем больше оно стимулирует гармонию, порядок,

¹⁶ Архиепископ Лука. Дух, душа, тело. СПб., 1995. С. 56.

активность. На языке синергетики это получило название аттрактора (внешнего системообразующего фактора). Ослабление концентрации духа резко усиливает деструктивные процессы, способствует нарастанию влияния хаоса и разложения. На уровне обыденного сознания такие места получили название “гиблых”, “проклятых” и т. п. мест. От таких мест рекомендуется держаться подальше, и в художественной литературе встречаются описания таких мест (Н. Гоголь. “Заколдованное место”). Хорошо известно, что нахождение в обществе плохих (с пониженной духовной концентрацией) людей также может оказывать неблагоприятное воздействие (“дурной глаз”, “энергетический вампиризм”, “порча” и т. п.). Многие люди чувствуют интуитивно колебания концентрации духа на себе. Возрастание такой концентрации переживается как подъем настроения, вдохновение, желание творить и действовать; понижение же ее, – как ощущение подавленности, отчаяния, депрессии.

В таком случае становится понятной логика человека, стремящегося находиться в том месте, где, по его мнению, присутствует повышенная духовная концентрация, ибо этим самым он становится как бы сопричастным к ней. Отсюда возникает культы священных мест (рощ, источников, храмов). К таким объектом устремляются большие массы людей.

Бесструктурность такой силы дает ей свободу пребывать в любом месте и тем самым стираются грани между человеком и всеми окружающими его предметами. Поскольку любой из объектов может стать местом концентрации этого духа, то вполне естественно, что они могут переходить друг в друга, превращаясь друг в друга. И такие переходы постоянно происходят в мифологическом контексте. Женщина естественным образом превращается в дерево, камни становятся драконами, волны – nereидами. И все это происходит постоянно, буквально на глазах у людей. Для русских крестьян, согласно В. Далю, домовые, русалки, лешие, кикиморы были такой же реальностью, как и предметы домашнего обихода.

Поскольку отношения между людьми и всеми прочими объектами определяются не законами, установленными наукой, а степенью концентрации духовного начала, постольку возникает своеобразная иерархия, где верхние уровни соответствуют объектам с большей выраженностью духа, а низшие – с меньшей. При таком подходе к действительности структурная организация явно отступает на задний план, выдвигая на передний необычность тех или иных объектов, способность их поражать воображение. Такие особенности рассматриваются как признак присутствия в объекте духа. Отсюда возникает культ высоких деревьев, камней странной формы, который в некоторых регионах (Литва, Сибирь, Алтай) сохранился до сих пор. Поскольку при таком подходе все объекты, по крайней мере, потенциально, оказываются носителями духовной силы, постольку они рассматриваются человеком как партнеры, с которыми можно и нужно вести диалог. Поэтому прежде чем срубить дерево негр обращается к нему с просьбой разрешить совершить это действие. Точно так же сибирский охотник, прежде чем убить медведя, долго доказывает ему, что это необходимо, приводя соответствующие аргументы. И оленеводы Севера, перед убийством оленя, глядя ему в глаза, просят прощения перед его духом. В таком контексте все объекты действительности рассматриваются либо как дружественные, либо как враждебные по отношению к человеку. Но при этом важно, что между ними возможен диалог, ибо все они имеют некоторую общую духовную основу. Достаточно вспомнить, как люди просят животных или неодушевленные предметы помочь им в совершении тех или иных действий.

Итак, дух действительно есть Ничто, если подходить к нему с позиций здравого ума. Но он в то же время есть Нечто, что определяет внутренние силы мира природы и человека.

§ 3. Материальность духа

Словосочетание “материальность духа” лингвистически представляет собой оксюморон, т. е. соединение понятий, внутренне несоединимых, типа: горячий снег. И, тем не менее, мы считаем правомерным использовать такое словосочетание. Дело в том, что и в материалистической и в идеалистической диалектике существует понимание того, что стороны, образующие диалектическое противоречие, находятся между собой в отношениях противоположности, различия и тождества, т. е. они не только взаимно отрицают друг друга, но и взаимопредполагают одна другую, друг без друга не существуют, более того, в определенном смысле находятся в отношении тождества друг с другом. Именно это мы и хотим показать в данном параграфе, где отношение духа с материей в трех последовательных аспектах рассматриваются в контексте противоположности, различия и тождества.

Материя и дух, будучи независимыми друг от друга началами, в то же время как стороны единого диалектического противоречия взаимосвязаны друг с другом, присутствуют один в другом. Известно, что дух непосредственно не дан нам в ощущениях. Что же касается материи, то именно ощущения являются единственным достоверным источником наших знаний о мире, что подтверждается всей европейской историко-философской традицией и наукой.

Раз мы что-то знаем о духовном мире, то должны признать, что духовные явления также каким-то образом представлены в наших ощущениях. Не случайно наука довольно успешно изучает духовные процессы, хотя возможности ее здесь, по сравнению с внеучными формами познания, ограничены. Во внеучных формах освоения мира (в сфере искусства, литературы, религии и пр.) постоянно говорится об ощущениях в сфере духовного мира. Но ощущения эти более интегративны и грани между ними не такие четкие, как в области научного познания. Так, говоря о цветах в области искусства, постоянно подчеркивают, что речь идет о цветах “теплых” и “холодных”. В физическом же мире ощущения тепла и холода даются не в зрительных анализаторах, а в тактильных. И в сфере звуковых ощущений границы значительно раздвигаются и можно говорить о “малиновом звоне” или о

“музыке небесных сфер” (Пифагор). Это относится и ко вкусу, который при духовном восприятии приобретает совершенно новые оттенки. Здесь, например, можно вспомнить о мифологическом “божественном нектаре” (амброзии).

Итак, мы отмечаем, что в наших традиционных пяти органах чувств косвенно отражаются духовные процессы. Но сейчас в психологии показано, что человеческие ощущения не ограничиваются ими. У человека есть и другие ощущения, среди которых можно назвать вестибулярное чувство, как ощущения своего положения в пространстве, чувство времени и др. Особое место занимает специфический орган чувств – сердце, которое играет большую роль в отражении духовных процессов.

С помощью всех этих ощущений строится картина мира, которая будет отличаться от картины мира, создаваемой в науке и в контексте обыденного опыта. Такие ощущения лучше фиксируют целостные характеристики действительности. Отклонение от стандартных ощущений, отражающих материальную сторону действительности, тем больше, чем сильнее концентрация в них духовного начала. Такая близость к духу может значительно изменить характер протекания материальных процессов: они будут оставаться материальными, но природа их будет изменена. Многим известно, например, явление, когда на Пасху в Иерусалиме тысячи людей становятся свидетелями того, что в течение примерно 10 минут огонь свечи не причиняет человеку никакого вреда, он не жжет его, а затем становится обычным огнем.

Дух присутствует во всех видах человеческой деятельности. И показателем его связи с материей служит эффективность, успешность такой деятельности. Эту связь вскрыл С. И. Булгаков, который убедительно показал, что только такая хозяйственная деятельность, которая активно включает в себя духовные компоненты, оказывается наиболее эффективной.

Этнографические данные показывают, что человек не может быть вписан в один материальный мир. Наряду с ним он одновременно оказывается включенным в систему духовных миров. Уже человек примитивного общества живет одновременно не только в материальном, но и в мире предков, в мире специфических духовных ценностей, связанных с культом божества и т. п. Современный человек оказывается включенным в еще большее число духовных миров (искусство, религия, философия, литература, система нравственных ценностей и т. п.). И все попытки отделения человека от духовных миров влекут за собой деградацию и человека и этих миров.

На уровне органического и даже неорганического миров тоже можно говорить об одновременном включении объектов в материальные и духовные миры. Об этом, например, говорит то обстоятельство, что использование таких объектов человеком (амулетов, талисманов, оберегов) приобщает его, как ему кажется, к духовным мирам. Помимо обыденного сознания нерасторжимая связь материального и духовного миров отмечается и в религии, в таком обряде как евхаристия (причащение), когда вкушение вина и хлеба приобщает человека к Божественному миру.

Но и наука тоже установила неразрывную связь духа и материи, материальной и духовной компонент мира. “По моему глубочайшему убеждению, разум может излечить любую болезнь. Известны случаи самоисцеления рака, волчанки, ревматоидного артрита и многих других якобы неизлечимых заболеваний... Исследователи в области медицины наконец, начали понимать, что мысли и чувства, эти невидимые импульсы, испускаемые сознанием, способны превращаться в молекулы вещества. Страх – состояние сознания – в тканях человека превращается в адреналин. Если бы не вырабатывался адреналин, страх не вызывал бы никаких реакций в поведении... Такой способ передачи информации, в сущности, представляет собой огромный парадокс. Мы привыкли смотреть на дух и материю как на два царства, две области реальности и не находили связующего звена между ними. Теперь мы начинаем понимать: царство духа и царство материи можно связать воедино, если ввести третий элемент, то самое, так необходимое, связующее звено: квант.”¹⁷

Из всего сказанного напрашивается следующий вывод. Дух может “освещать” материю (“иллюминация” в терминологии А. Августина), проникать через нее, подобно нейтрину, совершенствовать ее, но никогда не может превратиться в нее, даже в самых тонких ее проявлениях. При этом дух может более или менее адекватно отражать материю, подобно зеркалу. Значит, можно полагать, что материя и дух могут интегрироваться на базе информационных процессов, которые становятся более интенсивными по мере совершенствования организации материальных объектов. (Или представлять определенный материально-духовный квант, как об этом пишет Д. Чопра в вышеприведенной статье).

На всех уровнях организации материи, всеми органами чувств могут быть установлены взаимосвязи материальной и духовной компонент мира, но существуют два явления, где эта связь проявляется особо “весомо, грубо, зримо”, – это свет и тепло, которые поэтому могут быть названы атрибутами духа, хотя они и имеют материальную природу.

Здесь уместно напомнить о культе светил (солнца, луны, звезд и т. п.), который был распространен у разных народов. Акт творения мира обычно связывается со светом, световым потоком. Правда, в христианстве говорится об особом свете, который не имеет своего материального источника. В Библии свет не связан с излучающим его телом, что следует хотя бы из того обстоятельства, что Бог создал свет в первый день Творения, а небесные светила – только на четвертый день. Свет, не связанный с источником, а свет как таковой, как атрибут духа, возникает в случае

¹⁷ Дипак Чопра. Здоровье и квантовая механика. // Наука и религия 1990, № 1. С. 40.

преображения, вознесения и пр. Свет и дух всегда связаны, не случайно, поэтому наличие нимбов у святых. Не о таком ли духовном свете пишет Н. С. Гумилев:

Расцветает дух, как роза мая.
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Но свет воспринимается как духовное начало не сам по себе, а в сочетании с другим атрибутом духа – теплом. Это хорошо видно на примере отношения к солнцу и луне. Солнце обычно выступает как олицетворение дня, а луна, светящая отраженным, холодным блеском – ночи. В отличие от солнца, луна часто выступает носителем злого начала (Геката в Греции, чертовщина у Н. В. Гоголя, шабаши ведьм и т. п.). Солнце и луна, как в известном смысле противоположные, олицетворяют соответственно жизнь и смерть.

Солнце с древнейших времен выступает как носитель жизни, света и тепла, которому особо поклоняются и почитают. В Древнем Египте бог солнца Ра признается как символ могущества, которое передается фараонам. В Древней Греции культ солнца восходит к культу Аполлона, который признавался богом солнца, покровителем гармонии, любви и муз. В древнеславянской мифологии особым почитанием пользовался бог солнца Ярило, и когда хотели возвеличить человека, его сравнивали с солнцем (Владимир–красно Солнышко). Не случайно в русском народном творчестве мотив солнца (и петуха, как его провозвестника) является наиболее излюбленным. Это объясняется тем, что русский человек по своему менталитету обращен к жизни, а не к смерти.

В мировоззрениях же более ориентированных на смерть, луна начинает играть более заметную роль. И не случайно в ряде восточных стран, исповедующих буддизм и ислам, луна зачастую включается даже в государственную символику.

Разумеется, восприятие солнца и луны в действительности намного богаче, чем указанные выше соотношения. Известно, в частности, что луна выступает не только как носитель злого начала, темных сил, но и как символ-покровитель влюбленных. Тем не менее, действительно в народном сознании горячее солнце символизирует жизнь, а холодная луна – смерть. Это мы связываем с тем, что тепло также является важнейшим материальным атрибутом нематериального духа.

Нерасторжимость духа и тепла с древнейших времен была осознана философским и народным сознанием. Согласно Пифагору, живет все то, что причастно теплу. В русском и польском языках существует слово “духовка”, обозначающая жаркое место в печи, в котором выпекаются хлебы и пироги. Здесь тепло и дух понимаются в известном смысле как тождественные. В то же время холод обычно ассоциируется с бездуховностью (холодная вежливость, холодные отношения). Г.-Х. Андерсен это тонко почувствовал, описав чертоги снежной королевы, в которой человек теряет свою духовность. И в научном представлении межзвездная холодная мгла является безжизненной, мертвой.

Итак, мы рассмотрели здесь в первом приближении атрибуты духа. Вполне возможно, что при дальнейшем рассмотрении данной проблемы многое в ней будет исправлено и дополнено. Ведь тема эта никогда не рассматривалась в научной философии, что естественно, поскольку наука, по определению, имеет дело только с реальностью материальной. Нам поэтому пришлось, помимо историко-философского материала, использовать также достижения мифологии, религии, народно-поэтического творчества, искусства. Но в этом и состоит суть реалистического подхода, который единственный способен дать наиболее адекватную картину мира, т. е. схватить, отобразить мир во всей его реальной полноте.

Глава 3. Тело и душа человека как выражение природного и духовного начал мира

§ 1 Философия тела

Надо ли философу писать о теле, если вся бульварная и околубульварная пресса, а также вся реклама пронизана телесностью: если не о теле человека, то о теле его машины или бытовой техники. Телесность, культ телесности – это в определенной мере визитная карточка нашего времени.

И что может нового сказать философ, обращаясь к теме человеческого тела? И, вообще, - удел ли это философа и философии что-либо говорить о теле? Ведь еще великий Эпикур заметил, что подобно тому, как медицина врачует тело, философия врачует душу. Аристотель также обратил внимание на то, что философов волнует больше всего проблема души, о теле же они ничего не хотят говорить. По мнению Аристотеля, это неправильно; философ в своих исследованиях телу должен уделять не меньшее внимание, чем душе. Он даже наметил здесь некоторые возможные ходы. Но, тем не менее, и сам Аристотель ограничился лишь объемным трактатом «О душе», но так и не написал трактат «О теле».

Философия, как наука сугубо творческая, есть всегда прорыв в неизвестное. Открытия, которые мы ожидаем, связаны с задачами, которые мы ставим перед собой. Конечно, открытия на то и открытия, что их невозможно полностью прогнозировать, в них всегда присутствует элемент неожиданности, непредсказуемости, случайности. Но ведь известно, что природа, в конечном счете, отвечает именно на те вопросы, которые ставит исследователь.

Какие вопросы мы ставим перед собой в ходе данного исследования? Какова наша методология?

В методологическом плане мы будем исходить из положения древних о том, что есть две Вселенных: большая вселенная или макрокосмос – весь окружающий нас мир, и малая вселенная, или микромир – сам человек. При этом большая и малая вселенная устроены аналогичным образом, и это значит, что в природе нет ничего, чего не было бы в человеке, а в человеке нет ничего, чего не было бы в природе. И зная природу, мы лучше познаем человека, а, зная человека – лучше узнаем природу. Это, в свою очередь означает, что правы философы, утверждавшие, что человек есть точка пересечения всех планов бытия (Н. А. Бердяев), что он представляет собой конспект мира (П. Флоренский). И если душа человека есть частичка, конкретное проявление мирового духа, то его тело есть концентрированное выражение всего, что содержится в природе, оно есть конспект природы.

В исследовании нас интересует не форма тела, как художника, и не его содержимое (кости, мышцы, сухожилия) как врача. А что же?

Нас интересует, действительно ли тело человека есть самое богатое выражение всех характеристик природы; что оно взяло от природы, и что при изучении тела человека мы можем нового узнать о природе. Небо, горы, облака, океаны, леса, поляны, цветы, птицы, звери – что все они передали человеку? Что у него от всего этого? Действительно ли он также бесконечно богат, как окружающая природа?

Данная работа в известном смысле является апологией тела. Ведь традиционно сложилось представление, что в человеке есть как низменное, так и возвышенное, как глупое, так и бессмертное, как безобразное, так и прекрасное. При этом первые характеристики обычно относят к телу человека, вторые – к его душе. Но тело не может быть ничтожным, малозначащим, ибо оно есть выражение всего великого, что содержится в природе, оно есть наиболее яркое воплощение красоты и могущества природы.

Платон как-то заметил, что прекрасно звездное небо, но еще прекраснее глаза девушки, в которых это небо отражается. Но если действительно правда, что человек есть самое совершенное творение природы, то правы ли те мудрецы, включая и Платона, которые говорили о ничтожности тела человека по сравнению с душой? Может ли быть ничтожной Природа, а также самое совершенное, самое богатое творение ее? Рассмотрению этого вопроса мы и посвящаем данную работу.

Учение о параллелизме, известном тождестве микрокосма (малой вселенной) и макрокосма (большой вселенной) уходит в глубокую древность. Неразрывная связь понятий Человек-Вселенная констатируется в известном тезисе Гермеса Трисмегиста «Все во всем, что наверху, то и внизу»

Развернутое учение о глубоком сходстве микро- и макрокосма представлено у Пифагора. Надпись над дельфийским храмом «Познай себя самого и ты узнаешь Вселенную и богов» - исходное положение пифагорейского учения. Пифагор был убежден, что «наука чисел была наукой живых сил, божественных качеств в действии, как в мирах, так и в человеке, как в макрокосме, так и в микрокосме». Т.е. наиболее глубокие законы одинаково применимы как к человеку, так и ко всей Вселенной. Человек может познать мир постольку, «поскольку существует между ним и остальным миром гармония, единение, общее начало». Пифагор первым заметил, что малая Вселенная полна бурь и несогласий, а задача состоит в том, чтобы осуществить в ней единство гармонии. «Проявленный мир – тройственен, ибо как человек состоит из 3 различных элементов, сплавленных вместе, из тела, души и духа, также и Вселенная делится на 3 концентрические сферы: мир естественный, мир человеческий и мир божественный. Т.о. триада или закон тричности есть образующий закон вещей и истинный ключ жизни. Ключ этот раскрывает внутреннее строение Вселенной, он же указывает и на бесконечные соотношения между микрокосмом и макрокосмом».¹⁸

Утверждение параллелизма макрокосма и микрокосма характерно для натурфилософии досократиков. У Демокрита впервые встречается сочетание «человек – это малый мир». Эта мысль получила дальнейшее развитие в платоновском «Тимее» и в концепциях стоиков о космосе как о живом организме. У А.Сенеки мы встречаем утверждение, что какое место в мире занимает Бог, такое в человеке – дух, какое место в мире – материя, такое в нас – тело. Периодически эта идея о микро- и макрокосме появляется и в греческой патристике.

Расцвет этой проблематики имел место в период Возрождения. Соотношение микро- и макрокосма легло в основу новой антропологии Пико дела Мирандоллы («О достоинстве человека»), а также у Д.Кардано, Т.Компанеллы, Д.Бруно. Эта линия продолжается в немецкой мистике от Экхарта до В.Вейгеля (трактат «Познай самого себя, что человек есть микрокосм». 1615). Большое значение эта проблематика получает у Агриппы и Парацельса («Микрокосм и человек – суть одно»).

У Парацельса человеческий организм рассматривается как «небольшой мир» в отличие от макрокосма – большого мирового организма, т.е. всей Вселенной. Между обоими мирами предполагается существование таинственной, невыразимой рациональными средствами связи и подобия во всех частностях, что, между прочим, привело к возникновению астрологии, т.е. вере в силу и влияние космических объектов на жизнь и здоровье человека. Параллелизм микро- и макрокосма, согласно Парацельсу, создает возможность магического воздействия человека на природу с помощью тайных средств. Познание же человеком своей души есть прямой путь к постижению природы и овладения ее силами.

Подход к человеку как микрокосму есть крайнее выражение антропоцентризма. Действительно, если внутри человека действуют те же фундаментальные законы, что и во всей Вселенной, то,

¹⁸ Щюре Э. Великие посвященные. Калуга. 1914. С. 253-259.

воздействуя на них, он тем самым воздействует на Вселенную. И не случайно, что эпоха Возрождения фактически проходила под знаком магии, когда человек был убежден, что он может господствовать над миром, если постигнет свою собственную сущность и приобретет способность управлять ею¹⁹.

Учение о человеке как микрокосме рассматривалось и сейчас рассматривается церковью как еретическое наряду с пантеизмом. Связано это с тем, что пантеизм ставит Бога на один уровень с природой, а учение о человеке как микрокосме уравнивало его с Вселенной. Теология же неизменно отстаивала тезис о том, что и природа и человек стоят ниже Бога, который является творцом и того и другого.

От понимания человека как микрокосма постепенно отказывается и наука. В XVII-XVIII веках, в период господства механицизма, проблема микро- и макрокосма уже оказалась за пределами науки. Из понимания Космоса большим механизмом, а не организмом, как раньше, из признания, что весь он может быть понят лишь на основе законов механики и математики, вытекало совершенно ничтожное место человека в мире. Но идея параллельности микро- и макрокосма была продолжена в философии, особенно в работах Г.В.Лейбница, который в своей Монадологии придал онтологический статус понятию микрокосма, ибо монада у него объективно существующее образование, в котором отражена вся Вселенная. Эта тема продолжена была в творчестве И.Гердера, И.Гете и особенно А.Шопенгауэра, а также в некоторых направлениях теософии в разных странах, в том числе и России (Б.Блаватская, Н.Рерих и др.).

В конце XX – начале XXI века, в связи с нарастанием интегративных тенденций в мировой философии и науке, наблюдается активное возрождение многих традиционных философских понятий и категорий, отражающих целостность мира и человека, таких как Природа, Универсум, Дух, Абсолют, трансцендентное и пр. Эти категории долгое время предавались забвению. В западной и отечественной философии для этого были свои собственные причины. К наиболее общим и значимым из них можно отнести такие, как господство гносеологизма, рационализма и технократизма. Среди менее важных можно назвать на Западе – эмпиризм, позитивизм и прагматизм, в России – социоцентризм и воинствующий материализм.

Сейчас особое внимание уделяется восстановлению мировоззренческого и методологического значения категории «Природа». В наше время антропоэкологических кризисов Природа как бы угрожающе напоминает о себе тем, кто забыл о ее «родительских» правах в создании мира и человека. В связи с этими двумя тенденциями творчески переосмысливается натурфилософское учение о тождестве микрокосма и макрокосма, а иначе – Человека и Природы.

Хотя наука отказывается от идеи соотношения микро- и макрокосма, но эта идея продолжает жить в философии. В качестве примера возможного соотношения микро- и макрокосма рассмотрим позицию Н.А.Бердяева, который в своем творчестве постоянно исследовал проблему внутреннего единства макрокосма Вселенной и микрокосма человека. Он, в частности, отмечал, что Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, познаваться и постигаться только потому, что в человеке есть весь состав Вселенной, все ее силы и качества, что человек не дробная часть Вселенной, а малая цельная Вселенная, микрокосм. Разрабатывая в своей книге «Смысл творчества» онтологию мира и человека, философ ищет ее первоначала как в чистой потенции, представляющей собой хаос, материю, ничто, так и в идеях Космоса и Божественного Логоса, несущих упорядоченное саморазвитие. Можно соглашаться или не соглашаться с позицией Бердяева, но то, что выдающийся русский мыслитель понимает этику и проблему добра и зла как глубочайшую онтологию человека, представляется заслуживающим самого серьезного внимания.

Онтологические основания проблемы этики и эстетики на современном генетическом материале подробно исследовал В.П.Эфроимсон в своей работе «Генетика этики и эстетики». В ней приведены многочисленные исторические факты, свидетельствующие о генетическом закреплении тех или иных нравственных норм. Во всех эпохах особые формы социального отбора создавали свои правящие группировки. Не каждый годился в жрецы, шаманы, в подвижники, в вожди и их соратники. Здесь помимо воспитания важную роль играли темперамент, характер, степень страсти к господству, к первенству.

Итак, во всей мировой истории философии и культуры красной нитью проходит идея органического единства и даже определенного тождества человека и Природы. Но что именно взял человек у Природы, почему, говоря словами С.Довлатова тело женщины представляет собой самый прекрасный пейзаж на Земле – эти вопросы еще ждут своего рассмотрения. Ясно одно: подобно тому, как душа не может быть понята вне и без соотношения с Мировым Духом, частицей которого она является, так и тело человека не может быть понята вне контекста с Природой, проявлением всех основных характеристик и сил которой оно является.

Отсюда естественным образом вытекает, что те мудрецы, которые возвышали душу и одновременно унижали тело, были неправы. Так, Платон считал тело темницей души, и только смерть способна освободить душу из темницы, поэтому именно к ней должен стремиться философ. Л.Н.Толстой как художник умел великолепно изображать тело человека, от чего созданные им образы буквально зримы; как человек он постоянно ухаживал за своим телом, закаляя его упражнениями и физическим трудом, а как философ он тело ставил на заведомо низшее положение по отношению к душе и духу. Для него забота о теле есть забота об оболочке души, поскольку не тело носит душу, а

¹⁹ Буркгардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996.

душа носит тело. «Человек живет духом, а не телом... Каждый человек знает в себе две жизни: телесную и духовную. Телесная жизнь, как только дойдет до полноты, так начинает ослабевать. И все больше и больше слабеет и приходит к смерти. Духовная же жизнь, напротив, от рождения до смерти все растет и крепнет. Живи человек одной телесной жизнью, он и вся жизнь его есть жизнь человека, приговоренного к смерти. Живи же человек для души, то, в чем он полагает свое благо, с каждым днем его жизни увеличивается и увеличивается, и смерть не страшна ему»²⁰. Подобное рассуждение кажется странным, тем более, что сам писатель-философ неоднократно отмечал, что состояния души напрямую определяют состояние тела, и вместе со здоровьем куда-то убывает творческая сила, которая заново появляется вместе с возвращением здоровья: «Все то же: при страданиях, в умирании невозможна деятельность мысли. Еле-еле можешь лениво молиться, проводя мысль по пробитой колее»²¹.

Приведенные рассуждения Платона и Толстого представляются тем более странными, что сами они постоянными упражнениями тренировали свое тело, из-за чего прожили долгую и плодотворную жизнь. Иными словами, иначе как лицемерием их позицию назвать нельзя и еще предстоит разобраться в корнях данного лицемерия. В этом вопросе нам более понятна позиция Фомы Аквинского, по мнению которого, человеческое тело как творение Бога не только не является материей, отягощающей душу, но и должно иметь некоторое значение для души, ибо, согласно христианской позиции, Бог не делает ничего просто так, бессмысленно. Аквинский, как известно, ставил вопрос: как объяснить, что все люди по-разному понимают мир, если мир является для всех единым и законы познания его также едины для всех людей. И находит ответ в том, что каждый человек представляет собой уникальную личность, т.е. нерасторжимое единство тела и души. Аквината называют первым ученым, который ввел в науку о человеке понятие личности. Именно потому, что тела у всех людей однозначно разные, именно поэтому материя создает человеческую индивидуальность, как и индивидуальность любого другого объекта. И как душа не может существовать прежде тела, так и тело невозможно без наличия души. «Противно природе души существование без тела» («Сумма против язычников», IV, 79). Душа может познавать, радоваться, любить, творить только пока она в теле и при помощи тела. Никакой другой возможности у души проявить себя, ощущать окружающий мир нет. «Значит... мыслящей душе нужно... обладать способностью ощущения. Но ощущение возникает только при наличии телесного органа. Поэтому человеческая душа должна существовать в единстве с телом, которое имело бы соответствующие органы для ощущения» (Сумма теологии», I, 5).

Отсюда можно сделать вывод, что тело для человека в высшей степени значимо и должно получить соответствующее внимание. Мудрецы, хулящие тело, впадают в парадоксальную ситуацию, - хулить его можно только при помощи телесных органов.

истории философии и науки

§ 2. Что такое душа и где она размещается?

Остановимся вначале на вопросе: зачем вновь вводится когда-то отвергнутое наукой понятие “душа”? Что дает это для науки, педагогики, воспитания?

Кризисная ситуация в нашем обществе, связанная с крушением привычного уклада жизни, старых ценностей и идеалов, помноженная на спорность новых, чисто рыночных, ценностей и идеалов, породила у мыслящей части общества обостренное внимание к проблемам смысла жизни и связанным с ними проблемам духовности. Спрос рождает предложение, и на рынок выбрасывается огромное количество псевдо- и околонучной литературы о духовности, о душе. Между тем профессионально о душе могут рассуждать лишь религия и философия, ибо она традиционно является предметом их изучения, и именно у них наработан наиболее важный материал о душе.

И научное и вненаучное познание равно включают в себя как истину, так и заблуждения, но это не является основанием для замены научного знания псевдо- и околонучным. А между тем, “мирное сосуществование” между ними возможно, если они признают равные права друг друга на существование. Эти права подтверждены самой жизнью, многовековым опытом человеческого познания, доказавшим необходимость всех видов и форм познания. Не случайно поэтому существование философии, которая практически всегда соединяла в себе и научное и вненаучное знания, и когда она это делала наиболее успешно, тогда вклад философии в духовную культуру человечества был особенно ощутимым. И, наоборот, когда философия стремилась быть только научным знанием, тогда она явно хирела, многое теряя из своего бесконечно богатого опыта. Так, в частности, на какое-то время ею была потеряна душа, точнее, учение о душе.

Если душа нематериальна, если она не воспринимается органами чувств и приборами, то не является ли она только предметом веры, предметом религии, имеет ли право ее рассматривать философия? Ведь любое научное исследование всегда связано с доказательностью, возможностью экспериментальной проверки и т.д., что практически невыполнимо по отношению к душе. Но дело в том, что философия не только наука, но и феномен культуры, имеющий свои собственные, отличные от науки, методы исследования, в том числе интеллектуальную интуицию, которая, видимо, и должна быть главной при анализе души.

Серьезно исследованием души, помимо религии и философии, занимается еще искусство, которое накопило огромный фактический материал о состояниях и движениях души. Помимо них, психология (психея — душа, логос — учение), но это было в то время, когда она была частью, разделом

²⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993. С. 32.

²¹ Толстой Л.Н. Дневники // Толстой Л.Н. Полн. Собр. Соч. в 90 тт. Т.50-51. С.82.

философии. Когда же психология в XIX веке выделилась в отдельную область знания, обретя все атрибуты науки, она перестала заниматься душой, ограничив свой предмет областью сознания и общения. И в полном соответствии с установками науки XIX — первой половины XX вв. В. И. Ленин писал: “Нельзя рассуждать о душе, не объяснив, в частности, психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы”.²²

Душа действительно была изъята из научного обихода как в психологии, так и в философии. И только религиозная философия, сохраняя верность традициям, продолжала исследование души. Здесь в качестве примера можно привести трактат С. Л. Франка “Душа человека”. Тем не менее, повинувшись неумолимой логике саморазвития науки, западные ученые вернулись несколько десятилетий назад к философским теориям о душе. Одним из первых о необходимости для психологии реанимировать учение о душе заявил Э. Фромм: “Академическая психология, пытаясь имитировать естествознание с его лабораторными исследованиями... утратила свой главный предмет — душу; она стала заниматься “механизмами”, формированием реакций, инстинктами, но обходила наиболее специфические для человека феномены: любовь, разум, совесть, ценности. Я употребляю слово “душа”, а не “психика” или “сознание”, потому, что именно оно ассоциируется с этими высшими человеческими силами”.²³ Итак, психология в последнее время пытается выйти за пределы чисто опытного знания и, используя философскую методологию, вновь обратиться к исследованию души.

Подобно тому, как психология забыла душу, заменив ее психическими процессами, философия душу заменила сознанием, разумом. Традиционное в материалистической и доведенное до своего логического конца в марксистской философии противопоставление материи и сознания является правильным. Любой современный образованный человек, если он психически и умственно полноценен, не может не признать факт существования материи и сознания. Появление этих абстракций было закономерным этапом в развитии науки, но попытка всю реальность (объективную и субъективную) втиснуть в эти две категории породила односторонний взгляд на мир. Выходило, будто подлинная активность присуща лишь сознанию, которым наделен только человек, природа же практически лишалась собственного активного начала.

Проблема сущности человека не может быть рассмотрена вне связи с его внутренним миром, его душой. Трудность ее исследования состоит не только в том, что она представляет собой нематериальную субстанцию, но и в том, что в советский период правомочность рассмотрения ее наукой вообще отрицалась. Еще совсем недавно биолог Б. Сергеев писал: “Душа — чисто идеалистическое, ненаучное понятие. Представление о душе возникло на заре зарождения цивилизации и дошло до наших дней как пережиток религиозных суеверий”.²⁴ Ему вторит известный философ А. Ф. Лосев, считавший, что рассуждения о душе — из “области очень сложной и смутной проблемы, относящейся к тому же не столько к научной философии и точной логике, сколько к мифологии и вероучению”.²⁵

Таким образом, автору пришлось практически заново входить в эту проблему, исследуя ее особенно тщательно с учетом различных позиций (религии, философии, науки). Важное место здесь когда-то занимала психология. Однако психология забыла, что исторически, начиная по крайней мере с античности, с Аристотеля, она создавалась как наука о душе. Забвение этого обстоятельства привело к тому, что на протяжении многих лет психология оставалась не только “бессознательной”, но и безличной, безличностной. Это в наши дни начинают признавать и сами психологи, как в нашей стране, так и за ее пределами.

Реабилитация понятия “дух” не только восстанавливает активное, живое начало в Мироздании, но и возвращает человеку его душу. Какое значение это имеет для науки и педагогической практики? Психология теперь сможет рассматривать высшие феномены человеческого духа, которые раньше, при чисто научном, основанном на эксперименте подходе, находились за пределами психологического рассмотрения. Возвращение в науку о человеке души делает сам процесс формирования человеческой личности неизмеримо более значительным и ответственным, чем прежде. Введение в научный обиход понятий “дух”, “душа” означает, что теперь практически любой подросток сможет осознать, прочувствовать то, что прежде давалось лишь мудрецам — живое начало в природе, наше глубокое родство с ней, т.е. испытать чувство благоговения перед всем сущим, которое теперь явится сердцевинной экологического воспитания.

Великий философ древности Аристотель сравнивал тело и душу человека с кораблем и кормчим: корабль — тело, кормчий — душа. Очень глубокое сравнение! Подобно тому, как корабль без кормчего (капитана) — не корабль, а груда дерева и металла, не способная к “осмысленному” плаванию, так и капитан без корабля — не капитан. Подобным же образом и тело без души — это не человек, как и душа без тела тоже не есть человек. Именно поэтому мы считаем невозможным, непродуктивным рассмотрение души и тела в отрыве друг от друга.

²² Ленин В.И. ПСС. Т.1. С. 142.

²³ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1990. С.147.

²⁴ Сергеев Б. Парадоксы мозга. Л., 1985. С.17.

²⁵ Лосев А.Ф. Вводные замечания // Платон. Соч. В 3 тт. Т.2, М., 1970. С.6.

Подобно тому, как дух является активным началом мира, определяющим его способности к изменениям и развитию, подобно этому *душа является нематериальным активным началом человека, определяющим его характер, его судьбу*. Если душа человека той же природы, что и дух мироздания, то возможны ли определенные отношения между ними? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим подробнее саму душу.

Уже в глубокой древности у людей возникли представления о душе, связанные с такими таинственными явлениями, как сон, потеря сознания, смерть. Большинство индоевропейских народов считало, что душа обитает в грудобрюшной полости, или диафрагме: пока человек жив, у него поддерживается дыхание, следовательно, диафрагма будет совершать постоянные ритмические сокращения. Не случайно у греков словом “френикус” называется и душа и грудобрюшная преграда, а корень “френ” используется в названии ряда психических, или как их раньше называли — “душевных” заболеваний (шизофрения, олигофрения).

Индусы считали, что пупок является местом, от которого берут начало все нервы и кровеносные сосуды, а заодно также и местом нахождения души. Японцы располагали душу в желудке. А китайцы полагали, что главными органами человеческого тела являются сердце, печень, почки, легкие, селезенка, тонкие и толстые кишки, желчный пузырь, желудок и мочеточники, соединенные каналами, по которым транспортируется кровь и жизненные духи. Здесь головной мозг в число важнейших органов не включается. Местопребыванием “разумной” души у них считается печень, “животной” — центр груди, а “чувствующей” — сердце. Сердце — самый главный и совершенный орган. По христианскому вероучению душа располагается в крови, и когда человек истекает кровью, вместе с кровью уходит и его душа. Не случайно при совершении обряда причащения, верующие под видом вина и хлеба вкушают тело и кровь Христа.

Древнегреческий философ и врач Алкмеон, живший в “эпоху Перикла”, привлек внимание ученых к мозгу. В отличие от своих предшественников местом обитания души он считал не диафрагму и даже не сердце, а головной мозг. Он первым обнаружил нервы главных органов и сумел проследить их пути к головному мозгу. Алкмеон исходил из чисто умозрительных представлений. Например, он считал, что человек ощущает запах благодаря тому, что воздух при вдохе через нос втягивается в мозг. А раз ощущения рождаются в мозгу, значит, есть основание считать, что здесь же возникают и другие психические процессы.

По Гиппократу, отцу медицины, одушевленным началом организма является “прирожденная теплота”. Причиной ее возникновения он считал пневму — тонкое эфирное вещество, которое содержится в воздухе и извлекается из него холодными легкими. В то же время он воспринял учение Алкмеона о том, что ощущения и психика связаны с мозгом. Именно с помощью мозга мы думаем, видим, слышим, отличаем хорошее от плохого, приятное от неприятного. Когда человек вдыхает воздух, он, прежде всего, попадает в мозг и затем уже расходится по остальным частям тела, оставив в мозгу свою квинтэссенцию, имеющую отношение к интеллекту и ощущениям. Таким образом, по Гиппократу выходит, что мозг для пневмы является своеобразным ситом, отсеивающим лучшую, разумную часть ее.

По мнению Платона, человеку присущи не одна, а три души: бессмертная, мужская и женская. Они размещены соответственно в мозгу, грудной и брюшной полостях. На том основании, что голова по форме напоминает шар, т.е. имеет совершенную форму, Платон считал ее самой важной частью человеческого тела. Благодаря шее мозг отделен от туловища, и бессмертная душа защищена от своих смертных подружек, не имеющих возможности осквернять ее без крайней необходимости.

Споря со своим учителем, Аристотель считал, что душа никак не может располагаться в мозгу, ибо он является влажным, холодным, бескровным и бесчувственным веществом. (Мозг действительно нечувствителен к боли, ибо в нем отсутствуют окончания болевых клеток). Душу Аристотель помещает в сердце. Именно сердце дает распоряжение обо всех движениях и осуществляет их, ибо двигателем является сама теплота. И, наконец, роль сердца определяется и его центральным положением в теле человека и животного.

В полемике с Платоном, выделяющим в человеке бессмертную, мужскую и женскую души, Аристотель предлагает выделять следующие души: питающую, чувствующую и разумную. Первая свойственна растениям, вторая — животным, третья — человеку. То есть на более высокой ступени низшая душа сохраняется. Как бы мы сказали, используя современную научную терминологию, все три души образуют в человеке диалектический синтез, несводимый к отдельным элементам. Человек питается не так, как растения, чувствует не так, как животные. Тем не менее, у него есть черты, роднящие его и с растениями и с животными, и эти черты иногда у него могут быть очень заметными. Так, про людей, которых действительно и по-настоящему занимает только тема питания, говорят, что они ведут растительный образ жизни. А есть люди с очевидными проявлениями животных, звериных инстинктов. Ф. Достоевский как-то справедливо заметил, что пьянство скотинит и зверит человека. Таким образом, нет особой нужды доказывать, что хотя растения и животные имеют свои собственные души (т.е. некий способ самоорганизации, саморазвития), но души эти не чужды и человеку, точнее, они присущи и ему.

Итак, античная философия и наука представляют нам практически все возможные варианты мест обитания души. Душа находится в теле человека, и душа пребывает за его пределами, разлита во всей Вселенной (в виде пневмы Гиппократа). Если душа принадлежит телу, то ее местопребывание

локализуется чаще всего в головном мозгу или сердце, а если принять во внимание и восточную традицию, то практически в любом органе.

Придумать что-то новое, добавить что-то еще к тому, что предложено уже античной наукой, почти невозможно. (Исключение составляет предложение Р. Декарта считать шишковидную железу головного мозга обителью души, но оно уже в эпоху Просвещения воспринималось учеными с иронией). Поэтому перед современными исследователями стоит задача выбора характеристик души из уже имеющихся и по возможности более или менее аргументировано обосновать сделанный выбор.

В качестве наиболее полного, наиболее свободного от односторонности, а значит и наиболее истинного мы принимаем представление о душе Платона в образе колесницы с двумя впряженными конями белого и черного цвета и возницей, выражающими соответственно ум, чувство и волю.

То, что именно ум, чувство и воля являются наиболее глубинными духовными компонентами человека, подтверждает история как западной (Л. Фейербах), так и отечественной (начиная со славянофилов и Данилевского) философской мысли. Наиболее основательно это обосновано П. А. Флоренским. Философ на многочисленных примерах из различных областей внешнего и внутреннего мира доказывает, что триединство ума, чувства и воли в своей основе *онтологично*, что это наиболее общая характеристика бытия, какая-то основная категория жизни и мышления, мира физического и мира психического: “Отдельная личность построена тройно, ибо у нее три, а не иное какое число направлений жизнедеятельности, — телесная, душевная и духовная, — и каждое психическое ее движение, — тройка по качеству, так что содержит отношение к *уму*, к *воле* и к *чувству*. Что бы ни говорили психологи против теории трех психических способностей или трех сил, бесспорным остается тот факт, что всеми усматривается существенная разница между умом, волею и чувством и не сводимость их друг к другу. Наиболее подходящим будет их понимание, как трех координат процессов психики”²⁶.

Мы видим, что ученый признает коренную тройность самого устройства человеческой психики. С нашей точки зрения единая слиянность и одновременно не сводимость, относительная самостоятельность данных психических координат дает основание считать их “онтологическими константами Вселенной”, а, следовательно, и родовыми функциями всего человечества и реального человека как представителя вида. И действительно, в каком бы этносе человек ни родился, в каком бы регионе планеты ни жил, он всегда будет как-то и чувствовать, и мыслить, и действовать. Поэтому мы считаем наиболее адекватным определение человека как живого существа одновременно чувствующего, мыслящего и деятельного.

С известной долей условности разум может коррелировать с социальным в человеке, чувство — с биологическим, а воля — с психологическим. То есть душа объемлет собой всю биопсихосоциальную природу человека. Но в таком случае по-новому определяется и местоположение души. Если рациональное, сознание может коррелироваться с мозгом (и патология мозга неминуемо приводит к патологии в сознании, социальном статусе индивида), биологическое — с сердцем (“сердцем чувствую”, “сердце ноет”, “сердце готово выпрыгнуть от счастья”), то областью психического является весь человек, каждый его орган, любая его клетка, ибо практически ко всем ним подходят нервные окончания. Поэтому-то человек, например, может чувствовать музыку не только ушами, но и кончиками пальцев. Это значит, что у человека нет бездуховных органов. Хорошо о духовности человеческой кожи сказал поэт А. Вознесенский в стихотворении “Тишины”:

Кожа тоже ведь человек,
С впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
Как для слуха поет соловей...

Все учения, отмечавшие важность того или иного органа тела человека для его душевного состояния, были правы. Действительно, состояние любого органа человеческого тела и даже любой клетки способно оказывать специфическое воздействие на мир душевных переживаний. Но только всесторонний, свободный от односторонностей подход поднимается до утверждения определенного тождества души и тела, до признания отсутствия в теле “бездуховных” частей. А это неминуемо делает учение о душе самым сложным, самым богатым из всех имеющихся. Отмеченный факт заставляет более внимательно относиться при изучении души ко всем органам человеческого тела, не отбрасывая ничего из добытого как западной, так и восточной мудростью. Ведь еще древнекитайская медицина установила, что огорчения разрушают сердце, чрезмерный гнев разрушает печень, страх — почки, мрачные размышления, избыток беспокойства разрушают селезенку и поджелудочную железу. В то же время радость придает гармоничную эластичность энергопотокам и продлевает жизнь.

Поскольку душа и тело образуют противоречивое единство, постольку, во-первых, они относительно, т.е. до определенного предела, независимы друг от друга и, во-вторых, речь должна идти не только о воздействии состояний тела на душу, но и об обратном воздействии, т.е. взаимодействии, когда определенные душевные переживания, например, могут сопровождаться инфарктом.

Единство души и тела не означает их абсолютного тождества. Хотя душа действительно присутствует во всем теле, в каждой его клеточке, но она может выходить и за пределы его. То есть

²⁶ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1. Ч.2. М., 1990. С.596-597.

своя правда существует и в рассуждениях Гиппократов о разлитости души во всей Вселенной. Каждый из нас хорошо знает, что когда тело спит в кровати, душа может летать над горами и долами. Точно так же у молодой женщины, только что родившей ребенка, душа зачастую пребывает не в ней самой, а в ее маленьком ребенке.

§ 3. Нематериальность души: за и против

Когда мы обращаемся к душе, естественно предположить, что она так же нематериальна, как и дух. Но это предположение труднее всего дается людям: уж очень сильны традиции сведения реального к материальному.

Еще первобытный человек, смутно угадав наличие духа в природе, персонифицировал его в образах духов, управляющих отдельными стихиями, элементами природы: дух гор, дух леса, дух морей, дух огня и т.п. Здесь духовное отождествлялось с материальным, ибо каждый дух имел свою плоть, свое обличье, свое имя, свой характер. Осознание нематериального, идеального характера духа было еще не под силу первобытному человеку.

Многочисленные современные исследователи души недалеко ушли от первобытных представлений о мире духа, также считая ее материальной. Они показывают нам фотографии души, отделившейся от тела во время смерти, определяют ее вес, измеряют ее магнитное поле. Верхом подобных откровений является утверждение, будто привидения (от слова “привиделось”) — это не плод народной фантазии, а реально существующие материальные сгустки умерших душ.

Почему так живучи древние представления? Во-первых, потому, что первобытный способ мировосприятия является простым, доступным и потому кажущимся самым очевидным. Человек может воспринимать, чувствовать, трогать только материальные объекты, и когда он начинает догадываться о существовании нематериальных сторон мира, он, для наглядности, большего понимания, доверия представляет и их в материализованных объектах: боги, духи, приведения, магнитные или электрические поля.

Во-вторых, в отождествлении материального и духовного начал “виновато” их действительное нерасторжимое единство. Духовное не может существовать вне материального, ибо оно и есть не что иное, как способ, форма самоорганизации его. Так, хотя законы механики сами по себе нематериальны, но невозможно представить себе наличие этих законов в мире, начисто лишенном механического перемещения.

В-третьих, нынешние, почти повальные попытки представить дух, душу как непременно что-то материальное обусловлены и спецификой, характером нашего времени, когда, в силу известного кризиса науки, “правят бал” непрофессионалы, разного рода дилетанты, столь милые сердцу (и такие доступные!) широкой публике, ибо все их рассуждения основаны на той же эклектике, смеси из научных и псевдонаучных, религиозных и псевдорелигиозных идей и представлений, каковая является типичной для обыденного сознания.

Какие аргументы можно привести в пользу нематериального характера души? Во-первых, таким аргументом является история философии, в которой традиционно душа мыслится как нематериальное образование. Во-вторых, за нематериальный статус души свидетельствует и такой факт, как отсутствие единого мнения о ее природе и “месте жительства”. Если, например, сердце или почки являются материальными образованиями, то спор об их существовании или не существовании просто немыслим: их можно показать любому “Фоме”. В-третьих, наличие в природе нематериального начала в виде духа, определяющего способ самоорганизации бытия, закономерности его изменения и функционирования, предполагает наличие такого же начала и в человеке, являющемся частью природы. По аналогии с духом природы это начало принято называть душой человека.

Итак, душа есть нематериальная составляющая человека, это прежде всего его ум, чувство и воля. Душа существует в каждой клеточке тела, ибо в каждой из них есть нервное окончание, несущее информацию из внешнего и внутреннего мира. Душа может подчинить себе тело, его функционирование. Умиравший, в случае крайней необходимости, может встать с постели — отменить назначенную ему смерть. Раненый в наступающей армии выздоравливает быстрее, чем раненый в армии отступающей. Этот факт, зафиксированный знаменитым хирургом Н.И.Пироговым, — лучшее свидетельство влияния состояния духа, души на состояние тела. Но и тело, любой его орган в свою очередь может оказывать обратное влияние на душу, ее состояние. И опытный врач по состоянию духа пациента может определить заболевший орган.

Тем не менее, несмотря на нерасторжимую связь души и тела, они относятся к разным субстанциям, точнее, — к разным ее ликам: к материальной — тело, к идеальной — душа. Таким образом, тело и душа человека представляют собой конкретное воплощение природного и духовного начал мира, и именно поэтому правы философы, утверждавшие, что человек представляет собой концепт, по которому можно изучать все Мироздание.

§ 4. Смертна или бессмертна душа?

По вопросу о смертности души в истории философии имеются два диаметрально противоположных убеждения, четко сформулированных еще в античную эпоху: душа бессмертна (Платон), душа смертна (Аристотель). В концентрированном виде доказательства бессмертия души приводятся Платоном в “Федоне” устами Сократа, беседующего с учениками в день казни. Многие из

этих аргументов в дальнейшем повторяются во всей истории философии, поэтому есть смысл на них остановиться.

Первое обоснование — онтологическое. Мир по своей природе полон противоречий. Одним из них является противоречие между жизнью и смертью. Жизнь и смерть противоположны, но в то же время они друг без друга не существуют, переходят друг в друга: жизнь существует благодаря смерти, а смерть — благодаря жизни. Если смерть (умирание) связана с отделением души от тела (на нашем языке это зафиксировано в выражении “испустил дух”), то естественно предположить, что противоположный процесс — оживание — связан с соединением души и тела. Третьим противоречием, обеспечивающим порядок в космосе, активное, живое начало в нем, является противоречие между смертью и бессмертием. Поскольку тело и душа противоположны по отношению друг к другу (как материальное и идеальное, или, по терминологии Платона, зримое и безвидное) и поскольку тело смертно, в чем способен убедиться каждый человек, постольку душа бессмертна. Ее бестелесный характер не оставляет ей возможности разлагаться, тлеть.

Хотя эти рассуждения и представляются логичными, но это не означает, что они верны. Борясь с софистами, с помощью логики доказывающими все, что угодно, Платон сам не избежал софизмов. Ведь с подобной логикой можно доказать все, что угодно. Например, раз видимая часть луны безжизненна и мертва, значит противоположная, невидимая часть должна быть полна жизни. Или: раз на Северном полюсе всегда холодно, значит на противоположном ему, Южном полюсе, должна быть необыкновенная жара. Удивление вызывает не столько наивность аргументации Платона, особенно если вспомнить, когда он жил, сколько тот факт, что аргументация эта до сих пор способна удовлетворить большинство человечества, которое именно так и рассуждает: раз душа противоположна телу, а тело смертно, значит душа бессмертна. Между тем как из смертности тела вытекает только смертность тела, а если угодно доказывать бессмертие души, это надо делать специально, не приводя в качестве аргументации столь шаткую логическую конструкцию. И все-таки великий философ здесь не только наивен. Поставленная им проблема соотношения смерти и бессмертия действительно очень важна, и ее не обойти науке.

В приведенной аргументации Платоном допущены две важные ошибки. Первая: то, что правильно в логике, логично, не обязательно должно быть правильно и в жизни, онтологично. Дело в том, что в жизни существует не одна, а много логик, поэтому она не только логична, но и алогична (ярчайшие примеры чего в изобилии даются сейчас российской действительностью). Вторая: противоположность двух предметов по какому-либо одному признаку ни в коем случае не означает их противоположность и по всем другим признакам. Безжизненность на видимой стороне луны ни в коем случае не означает наличия жизни на невидимой ее стороне. Точно так же, как из признания факта смертности тела можно сделать один и только один вывод: тело смертно. Смертность или же бессмертие души должно доказываться иначе.

Важнейший аргумент в доказательстве бессмертия души состоит в утверждении ее независимости от тела. Вот как Платон устами Сократа обосновывает этот аргумент: “Я говорю вот о чем: если, например, у тебя жар и жажда, душа влечет тебя в другую сторону и не велит пить, если ты голоден — не велит есть, и в тысяче других случаев мы видим, как она действует вопреки телу. Так или не так?”²⁷ Разумеется, ученики полностью одобряют слова учителя. Но даже то, что Платон здесь прибегает к авторитету Сократа, не заставляет принять сказанное за мудрость. Довольно часто в литературе высмеивается образ человека, поступающего всегда наоборот. Действительно, такой человек, ничего, кроме насмешек и сожалений, не заслуживает. Ведь Платон, следуя своей логике автономности души, должен был пойти еще дальше: почему душа должна потакать прихотям, желаниям, потребностям тела на сон или на дыхание? Почему бы и их также не отменить? Тогда всем еще яснее станет независимость духа от тела. Человек духовно действительно свободен. Его свобода состоит, в том числе, и в способности отказаться от некоторых влечений, потребностей тела. Но слишком частые и долгие эти игнорирования неизбежно приведут либо к патологии в психике и поведении, либо к смерти. Здесь Платон действительно относительную независимость души от тела без всяких на то оснований возвел в абсолют.

Еще один аргумент в пользу бессмертия души связан со столь любимым у Платона разделением мира на мир вещей и мир идей. Ставится вопрос: что может подвергаться рассеиванию, распаду? Ответ для Платона самоочевиден: то, что является составным, сложным по природе, т.е. то, что все время неодинаково и постоянно изменяется. Избежать разложения могут только вещи несоставные, неизменные и одинаковые в разное время, т.е. самождественные. К первым относятся чувственно воспринимаемые вещи, которые можно ощупать, увидеть, например, прекрасные люди, прекрасные плащи, прекрасные кони. Эти вещи постоянно изменяются и по отношению к себе и по отношению друг к другу, и они подлежат разложению (гибели). Ко второй группе относятся идеи (эйдосы) вещей. Так, прекрасные вещи подлежат изменению и, в конечном счете, разложению. Идея же прекрасного, сама по себе, не может претерпевать никаких перемен, она единообразна, неизменна и одинакова. В силу этого рассеивание ей не грозит. Итак, устанавливаются два рода вещей: чувственно воспринимаемые, или зримые, и неизменные сущности, постигаемые лишь с помощью размышления, или безвидные. Зримые при этом постоянно меняются, а безвидные всегда неизменны. Поскольку тело

²⁷ Платон. Федон. // Соч. В 3 т. Т.2. М., 1970. С. 63.

чувственно воспринимаемо, а душа нет, первое относится к зримому, а значит к уничтожаемому, а вторая — к безвидному, т.е. бессмертному.

Эти утверждения Платона вызывают следующие возражения: Первое. Если душа — это эйдос, т.е. абстракция, общее понятие жизни, то помимо конкретных тел, в строгом соответствии с философией Платона, должно существовать и тело как таковое, эйдос тела. И точно так, как бессмертен эйдос жизни, или душа, бессмертен и эйдос тела, т.е. тело как таковое, идея тела. И тогда никакое противопоставление здесь невозможно: душа и тело как эйдосы равно бессмертны. И второе возражение. Как соединить утверждение Платона, что душа неизменна и всегда тождественна сама себе, с его же утверждением, что души могут быть лучше и хуже и потому судьба их после смерти ‘‘владельца’’ у всех разная? Души возвышенные, устремленные к познанию сущности, т.е. души философов, переходят в мир богов, души чревоугодников — в породу ослов, души властолюбцев в волков, а души тех, кто радел о благе народном, окажутся в породе пчел, или из них произойдут воздержанные люди.

Платоном здесь, по нашему мнению, допущены две важные гносеологические ошибки. Во-первых, он путает душу и дух, не разделяет их. Во-вторых, он четко не разделяет общее и отдельное в содержании души. На том методологическом уровне, на котором находилась наука в его время, решить поставленную проблему научным способом было невозможно, и все аргументы Платона с точки зрения науки несостоятельны. Но величие философа в том, что он так четко, предельно ясно поставил проблему соединения смерти и жизни, тела и души, смерти и бессмертия. Теперь эстафета этих проблем дошла до науки нашего времени, и ей предстоит решать их уже на своем методологическом уровне.

Если идея бессмертия души доказывается с помощью противопоставления души и тела, независимости, автономности души от тела, то смертность души доказывается прямо противоположным образом — через доказательство нерасторжимого единства души и тела, что и было проделано Аристотелем в трактате, который называется ‘‘О душе’’.

В чем суть его аргументации? В большинстве случаев душа ничего не испытывает без тела и не действует без него: при гневе, отваге, желании, вообще при ощущениях. По-видимому, лишь мышление присуще одной только душе. Но если мышление не может происходить без представления, то и оно не может быть без тела. По-видимому, все состояния души связаны с телом: негодование, кротость, страх, сострадание, отвага, а также радость, любовь и отвращение. Вместе с этими состояниями души нечто испытывает и тело. Поскольку состояния души имеют свою основу в материи, постольку они должны изучаться не только философией (психологией), но и естествознанием. При этом каждая из наук по-разному определяла бы и саму душу и ее различные состояния. А именно: диалектик определил бы гнев как стремление отомстить за оскорбление, а естествоиспытатель — как кипение крови около сердца. То есть первый приводит в объяснение форму и сущность, а второй — материю.

Философы,— продолжает Аристотель,— обычно стараются указать, какова душа, о теле же, которое должно ее принять, они не дают никаких объяснений, словно любая душа может проникнуть в любое тело, как говорится в пифагорейских мифах. Между тем каждое тело имеет присущую лишь ему форму, или образ. Утверждать иначе — все равно, что доказывать, что строительное искусство может проникнуть во флейту. В действительности же необходимо, чтобы каждое искусство пользовалось своими орудиями, а каждая душа — своим телом.

Далее Аристотель рассуждает следующим образом. Материя есть возможность, форма же — энтелехия, понимаемая как фактическая данность или осуществленность чего-либо. Тело не есть нечто принадлежащее субстрату, а, скорее, само есть субстрат и материя. Душа есть форма естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же, как форма, есть энтелехия, стало быть, душа есть энтелехия такого тела. Поэтому не следует спрашивать, есть ли душа или тело нечто единое, как не следует спрашивать относительно любой материи и того, материя чего она есть. Итак, ‘‘то, благодаря чему мы живем, ощущаем и размышляем, — это душа, так она есть некий смысл и форма, а не материя или субстрат... Материя есть возможность, форма — энтелехия. Так как одушевленное существо состоит из материи и формы, то не тело есть энтелехия души, а душа есть энтелехия некоторого тела. Поэтому правы те, кто полагает, что душа не может существовать без тела и не есть какое-либо тело’’.²⁸ И здесь Аристотель делает следующую оговорку: при общей неотделимости души от тела отдельные части души отделимы от тела. Это относится к уму и способности к умозрению, поскольку, кажется, только эти способности могут существовать отдельно, как вечное отдельно от преходящего.

Мы воспроизвели здесь почти буквально рассуждения Аристотеля, касающиеся невозможности отдельного существования души от тела. Как видим, эти рассуждения обращены, прежде всего, к здравому смыслу, житейскому опыту человека. Что касается чисто философских аргументов, то их здесь два: неразрывность формы и содержания и активность формы по отношению к содержанию. Первый аргумент, о неразрывности формы и содержания, является общепризнанным, не нуждающимся в доказательстве, и если бы Аристотелю действительно удалось доказать, что тело относится к содержанию, а душа — к форме, вся его дальнейшая аргументация была бы безукоризненной. Но на том уровне, на котором находилась наука в то время, научные доказательства представить было

²⁸ Аристотель. О душе. // Соч. В 4 т. Т.1. М., 1976. С. 398-399.

невозможно, поэтому Аристотель и ограничивается, как правило, чисто умозрительными выкладками или ссылками на житейский опыт.

Второй аргумент, об активности формы, также не доказан философом. Учение Аристотеля об активности формы и, следовательно, о ведущей роли души по отношению к телу, которая при всей важности тела является определяющей для формирования характера, поведения человека, — это учение находится в противоречии с марксистской философской традицией, утверждающей примат содержания над формой, считающей форму производной, пассивной. Позиция Аристотеля в этом вопросе выглядит предпочтительнее. Ведь если, следуя гегелевскому пониманию закона как развернутой формы, признать, что именно законы природы, прежде всего, определяют возможные изменения в ней, а материя лишь представляет для этого материал, то все встает на свои места. Подобно тому, как дух (т.е., в конечном счете, закономерности природы) является определяющим по отношению к происходящим в природе изменениям, душа человека является определяющим началом по отношению к чувствам, эмоциям, всему поведению человека. И в том и в другом случае обратное воздействие, т.е. взаимодействие, никак не отвергается. Поэтому со старением тела ослабевает и душа человека, в частности его умственные способности.

Идеи Платона и Аристотеля на многие столетия вперед, вплоть до наших дней, определили ход дискуссии о смертности или бессмертии души. Поскольку эта проблема до сих пор не получила своего окончательного решения, постольку каждая эпоха так или иначе обращается к ее аргументации. Новым в новое время явилось то, что была реализована возможность доказывать сразу и то и другое, т.е. что душа смертна и что душа бессмертна. В этой связи особый интерес представляет трактат А. Н. Радищева “О человеке, о его смертности и бессмертии”, в котором доказываются два основополагающих варианта решения проблемы души, т.е. решение, утверждающее ее смертность, и решение, утверждающее бессмертие. Радищева трижды приговаривали к смертной казни, и, находясь в вечной ссылке, он решает для себя важнейший вопрос: может ли он когда-нибудь надеяться на встречу с родными и близкими, смертна или бессмертна его душа. И как ученый он реализовал возможность доказать сразу и то и другое, т.е. что душа смертна и душа бессмертна.

Радищев определяет душу как единство жизни, чувственности и мысли. При доказательстве ее смертности он начинает с указания на нерасторжимое единство души и тела: “Что мыслит родившийся. Что чувствует он? Мысли совсем непричастен, чувственность весьма слабая. Но тело начинает приращаться, и с ним чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тело, получив полное свое приращение и укрепившись всеми силами своими, находится в полном и цветущем здравии? Но болезни объемлют тело, скорбь мозжит его и сверлит. Силы его ослабевают, с ними и душевные. Посмотри на совершившееся течение жизни: какая ступень осталась в нем чувственности и мысли? Одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдаешь? Се одр твой, се покой тела твоего! Все начала состава его притупились и рушиться им должно”.²⁹ Итак, с наступлением старческого возраста притупляется ум, ослабевает память, некоторые же вообще впадают в невменяемое состояние. То есть если уже при жизни многое из того, что принято называть душой, погибает в человеке, то как можно утверждать, что душа его после смерти жить будет? Радищев советует посетить больницы, чтобы увидеть, в каком состоянии находятся умирающие и чтобы не было нужды приводить какие-то другие доказательства смертности души.

Далее Радищев приводит такой аргумент. Человек слышит при помощи ушей, видит при помощи глаз, осязает всем телом, мыслит мозгом. Но это все телесные органы, и после смерти человека они подвергаются разрушению. Странники вечности души забывают об этом факте, им представляется, что и после смерти тела душа будет жить как в теле. Но без органов чувств она будет бесчувственной, без мозга — беспамятна, т.е. это будет мертвая душа. Ведь без чувственности и мышления нет души. “Итак, о, смертный! Оставь пустую мечту, что ты есть удел божества! Ты был нужен для земли явление вследствие законов предвечных. Кончина твоя приспела, нить дней твоих прервалась. Скончалось для тебя время и настала вечность!”.³⁰ Последняя фраза связана с убеждением Радищева, что смерти не существует в природе в силу закона сохранения материи и движения, а существует только преобразование.

После приведения самых убедительных аргументов в пользу смертности души Радищев столь же решительно и последовательно пытается доказать обратное. Его довод основан на законе сохранения в природе вещества и силы (материи и энергии). Если душа есть духовная сила, и она явно вбирает в себя все силы, существующие в природе, и, кроме того, силу, от всех естественных сил отличающуюся, и если в природе никакая сила не исчезает, то как может исчезнуть мысленность, превосходящая все естественные силы? Такое представить невозможно.

Второй род доводов исходит из того положения, что хотя душа все свои понятия получает от чувств, но она может творить и то, что превосходит данные чувств, — здесь он ссылается на творения гениев. И хотя власть тела над душой общеизвестна, но власть души над телом ее гораздо превышает: духовная слабость (“сплин”, например) может заставить тело зачахнуть и, напротив, духовная сила может превозмочь в человеке телесные заболевания: “Верьте, то ведаю из опыта моего, что напряжения духовныя силы может подкрепить расслабленное тело и до известныя степени дать ему новую жизнь... сама болезнь, если она не превышает меры, бежит от продолжающегося

²⁹ Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.С.353.

³⁰ Там же. С.360.

отпорствующая ей души терпения. Я своего примера дать по толиких не дерзаю, но то истинно, когда мысль отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несется в страну мысленную; время и пространство исчезают перед ним; он сокрушает все пределы, и занесшему ногу в вечность вселенная уже тесна”³¹.

Приведем равно убедительные аргументы в пользу смерти и бессмертия души, Радищев доказал, что проблема эта не может иметь одного решения. Смерть и бессмертие существуют в неразрывной связи друг с другом и именно потому в равной степени можно доказать как смертность, так и бессмертие души. Доказательства смерти и бессмертия — это не софистический прием, а именно гениальная догадка русского философа. Но он оставил без ответа вопрос, в чем именно состоит смертность души и в чем ее бессмертие. Современный уровень науки, обогащенный новыми категориями и более четким содержанием старых, позволяет корректнее решить эту проблему.

Следует еще раз отметить, что автору приходится не только излагать общеизвестное, но и, в тех случаях, когда это “общеизвестное” неизвестно, давать по необходимости собственную интерпретацию рассматриваемых проблем. Это в полной мере относится к проблеме души, которая никогда не имела, не имеет и сейчас единого, общепринятого решения. На наш взгляд, спор о душе возникает из-за неодинакового содержания, вкладываемого в понятие “душа”, а также из-за ходячих заблуждений, стереотипов, внушаемых с детства в сознание каждого человека. Идея безусловной смертности тела при безусловном бессмертии души — одно из них. Иными словами, правильно решить проблему смертности и бессмертия души можно только в контексте проблемы смертности и бессмертия тела. Именно это положение мы и попытаемся обосновывать.

Глава 4. Закон сохранения духа.

§ 1. Предсказание Д. И. Менделеева о будущем открытии закона сохранения духа.

Д. И. Менделеев, очевидно, был первым из великих ученых, кто предсказал необходимость открытия закона сохранения духа.

Ниже приведены воспоминания родственника Д. И. Менделеева – И. Д. Кузнецова – о встрече с Д. И. Менделеевым, состоявшейся на похоронах сестры Менделеева – Екатерины Ивановны – в 1901 г. на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге. К этому времени там уже были похоронены мать Дмитрия Ивановича, которой он был многим обязан и которой посвятил трогательную надпись на одном из самых крупных и значительных в истории химии произведений “Исследование растворов по удельному весу”, а также любимый и рано умерший сын его Володя, – талантливый морской офицер. “Стояла поздняя осень. Элегическая обстановка осени и все описанное выше вдруг точно преобразило Дмитрия Ивановича. Он встал, выпрямился и бодрым, свежим голосом, который знаком был мне по университетским лекциям начала 80-х годов, заговорил на тему о будущей жизни. Вот что услышал я из уст великого ученого:

“Недавно я получил письмо одного американца, лично мне незнакомого. Он писал в нем, что по литературе он давно знает, уважает меня, хотя и не имел возможности встретиться со мною. Те чувства, которые он питает ко мне, позволяют ему обратиться со следующим вопросом, на который он просил совершенно откровенно ответить. У этого американца умер самый близкий его друг, и вот он, потеряв своего товарища, спрашивал у меня, как я думаю: может ли он рассчитывать встретиться со своим другом после смерти, там – в загробной жизни. Письмо было так искренне, что я не мог не ответить. И – знаете – что я написал ему? Написал в тот же день, а на следующий дал уже перевести и отправил. Я написал так:

“Воспитанный в духе православия я хорошо знаю, что говорит христианская церковь о загробном существовании. Но Вам я отвечу не так, как меня учили, скажу свое откровенное мнение по этому предмету.

Все явления, совершающиеся в окружающем нас мире, можно отнести к одной из следующих трех категорий: явления соотношений материи, энергии или силы и – духа. Сколько ни пытались подвести явления последней категории к явлениям хорошо известным нам соотношений материи и силы, это не удавалось, а потому мы должны выделить особо явления духовные.

Те позитивные науки, в области которых я вращался в течение всей своей сознательной жизни, убеждают меня – твердо и непоколебимо – в том, что ни материя, ни силы не пропадают; они вечны, хотя и подвержены постоянным изменениям. Основываясь на простой аналогии, мы необходимо должны признать, что и явления духа также вечны.

Вот мое откровенное мнение по Вашему вопросу, – писал я своему неизвестному корреспонденту; судить о том, встретитесь ли Вы с Вашим другом за гробом, я не берусь; предоставляю решение этого вопроса Вашему собственному усмотрению”.

Далее И. Кузнецов написал, что таких рассуждений не слышали от профессора слушатели его университетских курсов. Поэтому, поразившись глубиной и новизной мыслей, он задал Дмитрию Ивановичу несколько вопросов, смысл ответов на которые сводился к следующему:

“Наблюдения над “вечностью” материи и силы показывают, что они не исчезают, а подвергаются бесконечным превращениям и преобразованиям. То же самое, надо думать, применимо и к явлениям духа. Если христианство говорит об индивидуальном бессмертии, то подобное учение, по мнению

³¹ Радищев А.Н. Избр. филос. и общественно-полит. произведения. М., 1952. С.396.

Дмитрия Ивановича, надо отнести к тому “самообольщению”, которое все еще живет в человечестве со времен классической древности и которое воспитывает в нас ненавистный для него “классицизм”. По словам Дмитрия Ивановича, представители образованного западноевропейского духовенства ясно сознают, что христианство, наравне со всей вселенной, подвергается эволюции и нельзя допустить, чтобы учение церкви с развитием человечества оставалось на одной и той же точке, как того желают мало просвещенные духовные лица. Подтверждение сказанному Дмитрием Ивановичем вынес из бесед с одним английским епископом на юбилее Кембриджского университета, а также с некоторыми из выдающихся русских священников...

О, если бы кому-нибудь удалось, хотя отчасти, выяснить связи и соотношение между явлениями материи и духа! Тогда бы мы все поняли и познали!”³²

Как в этих воспоминаниях, так и в упомянутом в них письме Менделеева американскому офицеру, хранящемуся ныне в музее Д. И. Менделеева в Санкт-Петербурге, великий русский ученый не только уверенно заявляет о будущем открытии закона сохранения духа, но и указывает пути, ведущие к его открытию. Во-первых, из неразрывного единства материи, энергии и духа, а также из того факта, что уже открыты, сформулированы законы сохранения материи и энергии, неумолимо следует, что будет также открыт и закон сохранения духа. Во-вторых, закон сохранения духа, который еще не сформулирован, но наверняка существует в действительности, вовсе не означает полного сохранения частных человеческих душ, чем «самообольщается» христианская религия. И здесь Менделеев резонно замечает, что развитие человеческого познания никак не может не отразиться и на развитии религиозных представлений о мире и что мыслящие богословы уже не понимают проблему так буквально. И, наконец, в-третьих. Менделеев отмечает, что человек, сумевший открыть закон сохранения духа, буквально перевернет наши представления о мире и человеке, иными словами, говоря современным языком, такое открытие приведет к новой парадигме, которая заставит нас изменить свои представления буквально обо всех областях действительности, свои знания буквально во всех науках.

Стоит только поражаться, что эти мысли Менделеева так и остались невостребованными наукой целое столетие. И это не смотря на то, что многие подтверждения им мы находим в отечественной философии и религии.

Интересны в этом отношении рассуждения русского религиозного философа С. Л. Франка: «Если в области чувственной жизни и восприятий наше тело есть местопребывание “души” и центр нашего предметного мира, то мы вместе с тем имеем ясное сознание относительности этого центра. Мы можем посмотреть на наше тело извне и в нашей объективной мысли всегда смотрим на него извне; тогда оно есть лишь ограниченный клочок реальности в составе бесконечного мира. В нашей мысли, в воспоминаниях и грезах мы уносимся далеко от нашего тела, витаем во всей вселенной, и маленький отрезок непосредственно воспринимаемой действительности вместе с его центром – нашим телом – уходит тогда от нас куда-то вдаль, теряет свое центральное положение. И если мы *физически* чувствуем только *наши* страдания и наслаждения, т. е. состояния нашего тела, то мы способны переживать и сознавать и чужие страдания и радости, и для всякой матери в отношении ее ребенка последние неизмеримо острее и существеннее первых. Все это было бы совершенно невозможно, если бы наша “душа” действительно целиком “сидела” внутри нашего тела или была безусловно прикована к нему. Непосредственное и непредвзятое феноменологическое описание скорее дает здесь ту картину, что наша душа, будучи одним концом прикована к телу, другим концом своим как бы совершенно независима от него, в известном смысле объемлет в себе весь необъятный мир и свободно витает в нем или над ним. И именно эта очевидная внетелесная сторона нашего душевного бытия привела к общему признанию непространственности – а, следовательно, и сверхпространственности – нашей “души”.

Гораздо важнее, глубже и шире представляется *временная* связь души с телом. И этим объясняется, почему – вопреки очевидным данным, которые мы приводили, – душевная жизнь считается, по существу, целиком подчиненной времени. Связь с телом и, через его посредство, с общим телесным миром здесь так глубока и значительна, что она уже не замечается как связь, как подчиненность внешнему, постороннему началу, а явления, в которых обнаруживается эта связь, кажутся принадлежащими к самому существу душевной жизни... Быть может, самая трагическая сторона человеческой жизни лежит в этой ее подчиненности времени; вся религия, поэзия и непосредственное личное самосознание полны горького чувства, возбуждаемого этой стороной жизни. Не только вне нас, в предметном и телесном мире, но и внутри нас, в нашей душе, все течет, все изменяется, нет, кажется, ничего прочного и неизменного. Лучшие чувства наши и наших ближних с течением времени ослабевают и разлетаются как дым, сильнейшие привязанности возникают и исчезают; то, чем мы жили вчера или несколько лет тому назад, в чем мы видели весь смысл нашей жизни, сегодня ушло от нас, стало бессильным, ничтожным призраком воспоминания; наша молодость – не только физическая, но и душевная – быстротечна, наше вдохновение, любовь и ненависть, страдания и радости – все проходит. Все становится тенью прошлого, и мы безвозвратно, роковым образом старимся не только телом, но и душой. Всеобъемлющее и всепобеждающее время царит над все сущим, над нашей душой, как и над телом; вся наша душевная жизнь есть поток, безвозвратно несущий нас, и мы бессильны с ним бороться. Нигде рабство, зависимость тела от чуждых,

³² “Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. Воспоминания о Д. И. Менделееве его племянницы Н. Я. Капустиной”. – СПб., 1908. С.234-237.

равнодушных ему сил природного бытия не сознается с такой трагической остротой, как в этой власти времени над нашей душой».³³

Здесь Франк очень прочувственно пишет о глубокой противоречивости человеческой души: с одной стороны, она мало зависит от тела пространственно, но, с другой, - слишком видна ее временная связь с телом, материальным миром в целом.

На наш взгляд правильно решить проблему смерти и бессмертия души возможно лишь во взаимодействии с вопросом смерти и бессмертия тела, к рассмотрению которого мы и переходим. А такой подход, в свою очередь, позволит ближе подойти к пониманию закона сохранения духа, о котором так ярко писал и говорил Д. И. Менделеев.

§ 2. Смерть и бессмертие души и тела

Когда-то В. С. Соловьев обратил внимание на то, что мы лишены целостного восприятия мира, поскольку три основных его слагаемых (материя, энергия и дух) распределены между тремя отраслями знания (философией, наукой и религией), между которыми нет должного взаимопонимания. Если это взаимопонимание будет достигнуто, тогда ученые убедятся в том, что материя, энергия и дух — это не три различных субстанции, а три ипостаси единой субстанции.

Д. И. Менделеев пошел еще дальше в понимании взаимоотношения между указанными тремя ликами единой субстанции. Когда его спрашивали, смертна или бессмертна душа, он отвечал, что как христианин верит в ее бессмертие, но как ученый не имеет об этом определенного знания. Тем не менее, исходя из слиянности-неслиянности этих трех родов бытия, можно сделать предположение, что подобно тому, как сформулированы законы сохранения и превращения материи и энергии, в будущем, может даже отдаленном будущем, науке удастся сформулировать закон сохранения и превращения духа. И тогда проблема бессмертия души получит, наконец, свое научное обоснование.

Мы вынуждены констатировать, что Менделеев оказался прав, и ныне, спустя сто лет после этого его предположения, наука так и не сформулировала указанный закон. Тем не менее, определенные подходы к нему уже могут быть сделаны. Ведь если удастся доказать нерасторжимое единство (слиянность-неслиянность) природы и духа (тела и души), то это будет серьезный шаг в научном решении вопроса бессмертия души.

Смертно или бессмертно тело человека? В соответствии с законом сохранения и превращения материи, тело человека, точнее, вещество, его образующее, вечно. Это значит, что ни одна частица тела человека, ни один атом и ни одна молекула не исчезают, а, видоизменяясь, продолжают вечное существование. Именно на основании признания факта, что все атомы, оставшиеся от умерших предков, продолжают вечное существование и несут информацию обо всей их жизни, русский философ Н. Ф. Федоров разработал философию общего дела как дела оживления предков с помощью науки. Библейское изречение “Из праха пришел, в прах и обратился” очень метко выражает положение человеческого тела в природе: из природных элементов оно слагалось, на природные элементы оно и разлагается. Это хорошо сказано древнеримским философом Сенекой в трагедии “Троянки”:

Ты хочешь знать то, где будешь по кончине?
Там будешь ты, где был ты до рожденья.

По существующей в науке гипотезе, первоначальным составом звезд является водород. По мере сжигания его в процессе термоядерного синтеза возникают элементы первой половины таблицы Менделеева. И, наконец, при взрыве звезды, образовании так называемой сверхновой звезды, возникают и более сложные химические элементы. Разлетаясь в разные стороны, они миллионы, миллиарды лет путешествуют в космическом пространстве, пока не образуют в каком-либо месте туманность, дающую начало системе звезда — планеты (в том числе солнечной системы).

Как известно, атомы практически вечны, они лишь претерпевают определенные модификации, вступая в разного рода реакции. При потреблении пищи, вначале беременной матерью, а затем и самим родившимся ребенком, пищи как растительной и животной, так и собственно природной: вода, соль, кислород и т.п. — в человека проникают и в нем остаются частицы умерших миллиарды лет назад звезд. Причем частицы эти несут определенную информацию о своем прошлом, которая не всегда считывается человеком, но порождает какие-то смутные ощущения и состояния, известные каждому, кто любит смотреть на звездное небо. Видимо, не случайно души человеческие Платон помещал на звезды, и столько на земле человеческих душ, сколько на небе звезд. Не случайно также и существующее до сих пор народное поверье, что падающая звезда означает смерть еще одного человека.

В этом отношении известное определение человека как малого микрокосма не есть просто красивая метафора: человек в самом деле слагается из большого числа космических образований (звезд, лучей, пылевых облаков и т.п.). Таким образом, человек состоит из частиц, которые до него жили многие миллионы, миллиарды лет. В ином составе, в ином качестве, но жили.

Это же относится и к посмертному существованию тела человека. Как уже отмечалось, ни одна его частица не исчезает, но, видоизменяясь, продолжает существовать в почве, микроорганизмах, растениях, а также животных, их поедающих. Поэтому учение индусов о переселении человеческих

³³ Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995, с. 610-611.

душ в растения и животных не так уж наивно. Осваивая частицы человеческого тела, они, безусловно, включают в себя и ту информацию, которую эти частицы несут.

Итак, любой конкретный человек, безусловно, смертен. Но тело его как определенное материальное образование, подчиняясь закону сохранения материи, продолжает жить вечно, во всех своих частях совершая бесконечный цикл превращений, насыщая при этом соединения, с которыми они вступают в связь, определенной информацией. Таким образом, здесь налицо предсказанный Менделеевым закон сохранения духа, неизбежно связанный, вытекающий из закона сохранения и превращения материи и энергии.

Тело умершего человека с точки зрения биологии (био — жизнь) является мертвым телом, но с точки зрения философии оно есть биологический объект, живое вещество. Ведь если живым веществом, живущим по законам живого, является почва, если живым суперорганизмом является сама наша Земля, то тем более правильным будет считать живым веществом тело скончавшегося человека. Когда-то российские ученые, а после них и иностранные, устанавливая приборы над свежими могилами, фиксировали четкую вспышку возбуждения на 9-й и 40-й день. Этот факт может иметь только одно объяснение: клетки тела человека и после его кончины продолжают сохранять память (информацию), которая соответствующим образом себя проявляет. Это предположение выглядит тем более обоснованным, что информация, т.е. сохранение и воспроизведение ее носителем упорядоченного состояния, является всеобщим свойством материи. Если данное свойство является универсальным, соотносимым с отражением, то нет никаких оснований не применять его по отношению к человеческому телу.

Существует множество подтверждений того факта, что жизнь клеток продолжается и после жизни их владельца. Не так давно весь мир облетело сенсационное сообщение американских врачей, что они берутся в пятилетний срок “возродить” Э. Пресли из его бородавки, четыре десятилетия сохраняющейся в заспиртованном виде в одной из клиник США. Чисто теоретически это является вполне возможным, ведь для воспроизведения (клонирования) человека вполне достаточно одной клетки, и даже только ее ядра. Так что мысль русского философа Н. Ф. Федорова о возможности детям “родить”, т.е. воссоздать из праха их умерших родителей, основанная на законе сохранения материи, выглядит не такой уж утопичной.

То, что мертвые сохраняют какие-то признаки живого, говорят множество фактов, приводимых в печати. Так, газета «Невероятный мир» поведала об эксперименте, проведенном в Петербургском крематории, когда на голову покойника, приготовленного к сожжению, прикрепляли датчики энцефалографа, с помощью которого у живых людей измеряются импульсы, исходящие из головного мозга. Естественно, что никаких сигналов прибор не фиксировал. Но как только гроб подвозили к топке, перо начинало чертить на ленте такие же сигналы, как и у крайне испуганного живого человека. Здесь можно также вспомнить и утверждение многих ученых о том, что на людей, проживающих в центральной части Петербурга до сих пор влияет то, что при постройке города Петром I умерли от непосильного труда многие десятки тысяч людей и город в буквальном смысле слова стоит на их костях. Т.е. мертвые каким-то образом продолжают оказывать влияние на живых. Во всяком случае, практически все самое мистическое и ужасное, что есть в русской литературе, связано с городом Петра (вспомним, например, «Петербургские повести» Гоголя или романы Достоевского).

Итак, современные представления об активности человеческого тела как биологического объекта, после физической смерти несущего в каждой клетке свою информацию окружающему миру, вечно сохраняемую этим миром и вечно подвергаемую качественным изменениям, — все эти представления разрушают хрестоматийное противопоставление тела и души как смертного и бессмертного.

Подобно тому, как развитие науки заставляет отказаться от догматического представления об окончательной и полной смерти человеческого тела после смерти его носителя, так же нельзя безоговорочно признать идею вечности человеческой души.

Обычно при решении вопроса о смерти и бессмертии души исследователи рассматривают ее как некое аморфное целое. Но душа есть системное образование, каждый элемент которой находится в разных отношениях к смерти и бессмертию. Еще к Пифагору восходит разделение человеческой души на душу минеральную, растительную, животную и чисто человеческую. По учению Пифагора, душа человеческая — это частица великой мировой Души, бессмертная Монада. Ее таинственное рождение относится к началам организованной материи. Чтобы достичь своего состояния, она должна пройти через все царства природы, подняться по всем ступеням лестницы существования, постепенно развиваясь путем бесчисленных сущностей. В минералах “душа слепая и смутная, более индивидуализированная в растениях, чувствительная и интенсивная у животных. Душа стремится к сознательной Монаде”.³⁴

Позже Платон выделил в душе человека иные три компонента: бессмертная, мужская и женская. В полемике с Платоном Аристотель предлагает выделять следующие души: питающую, чувствующую, разумную. Полемизуя с Платоном, Аристотель фактически восстановил структуру души, предложенную Пифагором. За одним исключением: у него нет минеральной души. Кто из них более прав? Можно ли говорить о наличии души у неодушевленных предметов, само название которых прямо указывает на ее отсутствие? Действительно, и в обыденной и в научной речи давно установилось разделение всех предметов на одушевленные (растения, животные, человек) и

³⁴ Шюре Э. Великие посвященные: Репринтное воспроизведение. Казань, 1914. М., 1994. С.268.

неодушевленные (мир физики, химии, геологии). Но это разделение, что отмечалось выше, уже не соответствует нынешнему уровню развития науки, когда дух как способ самоорганизации, изменения и функционирования мира признается присущим всей природе, как живой, так и "неживой". Если понимать душу как часть духа, как его конкретное воплощение, то правильным будет выделять душу физико-химико-геологическую ("минеральную"), растительную ("питающую"), животную ("чувствующую") и собственно человеческую (т.е. разумную, как наиболее ярко выражающую специфику человека, и в то же время как синтезирующую все предшествующие уровни). Какова посмертная судьба разных элементов души человека, ее слагаемых?

Физические компоненты тела человека — кальций, фосфор, сера, магний и т.п. продолжают вечное существование после его смерти, вступая в бесконечного рода соединения и преобразовываясь в них. Что касается тела человека как биологического вещества, то, согласно В. И. Вернадскому, живое не происходит из неживого и масса живого на земле неизменна. Из этого положения, — а оно пока никем не опровергнуто, — следует, что биологическое веществоечно и это, безусловно, относится к биологическому веществу тела человека. Разлагаясь после смерти, оно питает почву (сложное образование из совокупности живого и неживого), микроорганизмы, растения, а через них и животных, совершая вечный круговорот жизни. Каждый, кто проезжал по проселочным дорогам, мог издали определить местонахождение сельского кладбища — по мощным и высоким деревьям, растущим там. В деревьях гнездятся птицы, растения поедаются животными. Говоря словами Н. Толстого, "всюду живая жизнь". Да, это уже другая жизнь, не того человека, который скончался, но жизнь ведь!

Что касается наиболее сложной, чисто человеческой, социальной составляющей души человека, то вопрос о ее смерти и бессмертии выглядит более сложно. Этот вопрос можно решить только в контексте философских категорий "единичное — общее". Общим, питающим все индивидуальные души и имеющим независимое от них существование, является природа, социум и культура. Культура есть трансцендентная, т.е. потусторонняя для каждого отдельного индивида, особым образом материализованная, вечная общечеловеческая душа. Воплощенная в разных материалах (камне, слове, звуке) и разных формах (искусство, религия, философия), веками создаваемая как народом (язык, народное творчество), так и гениями-одиночками, она питает, творит душу любого человека и после его смерти остается в сохраненном виде. Культура как мировая душа и есть, прежде всего, реальное, а не иллюзорное бессмертие человеческого духа.

Природа, общество и культура ("вторая природа"). Что помнит человек: заход солнца, капли росы на розе, свою школу, родных и близких, музыку Бетховена, фрески Дионисия. Но это все останется и тогда, когда его не будет. То есть все содержание культуры, вечно развивающееся, будет без конца передаваться от поколения к поколению, а значит, навечно сохранит свою жизнь.

Но в душе любого нормального человека есть не только общее, т.е. в известном смысле вечное, бессмертное в пределах той вечности и бессмертия, которые отпущены природе, обществу и культуре. В душе его обязательно есть и единичное, индивидуальное, интимное, его собственное, т.е. никому, кроме него, не принадлежащее. И потому никем от него не отчуждаемое, умирающее вместе с ним. Для этой составляющей души нами предложено название "моя душа".

Все тоталитарные идеологии, желающие полностью, до предела подчинить себе человеческую личность, отказывают человеку в праве существования "моей души". Это делается разными способами: либо через прямое отрицание человеческой души, низведение ее до комплекса психических реакций (марксизм), либо через безраздельное право бога забирать человеческую душу после смерти человека и распоряжаться ею по своему усмотрению. У тоталитаризма есть много лиц, много атрибутов. Безраздельное право на "мою душу" — одно из них.

Русский религиозный философ В. С. Соловьев справедливо критиковал религию за то, что, признавая общее в человеке — его божественное начало, она не признавала его индивидуальности, неповторимости, "самости". "Моя душа" и есть то специфически личностное, наиболее интимное, неотчуждаемое никем начало в человеке, которое принадлежит только ему и никому больше и гибнет навсегда вместе с ним. Вот почему смерть человека есть горе, трагедия или, как принято говорить в официальных текстах, невосполнимая утрата. Поэтому вопрос смертности души решается следующим образом: общее содержание души бессмертно; индивидуальное, — "моя душа", — смертно, ибо это полностью "мое Я".

Но это лишь самое приближенное, первое решение проблемы. В действительности же она более сложна и сложность эта состоит в следующем. Индивидуальность, неповторимость человеческой личности также в известном смысле бессмертна. После смерти человека он долго еще продолжает жить в душах близких людей, которым именно его индивидуальность была дороже всего. Человек продолжает жить в поставленном им доме, посаженном саде, собранной библиотеке, в которых нашла отражение его индивидуальность. Не случайно в народе говорят, что человек жив до тех пор, пока живы люди, его помнящие. Что касается гениев, то их индивидуальность, став необходимой составляющей общечеловеческой культуры, приобрела подлинно бессмертное выражение. И нас сегодня интересуют все подробности жизни Пушкина и Шопена, поскольку они в нашей душе, с нами, часть наших душ. Тем не менее, большинство простых людей уже через два-три поколения после их смерти всеми забываются. Проводимые в школах анкетные опросы показывают, что большинство школьников ничего не знает про своих прабабушек и прадедушек.

Итак, проблема бессмертия души правильно может быть решена только при системном подходе: бессмертны физическая и биологическая составляющая души. Бессмертна и ее чисто человеческая

часть в той мере, в какой она есть принадлежность природы и культуры. Что касается ‘‘моей души’’, т.е. собственной индивидуальной неповторимости, то она у большинства людей навсегда уходит из мира с их уходом из жизни. И, может, осознание этого научит нас более бережно, более гуманно относиться к человеку, его индивидуальности, которая единственна и неповторима и которая так нужна миру, обогащая его бесконечным разнообразием.

§ 3. Сближение позиций науки и религии в понимании души.

Душа является самой тонкой, самой трудноразрешимой проблемой науки, не имеющей поэтому никогда единого, общепринятого решения. И все-таки: насколько обоснованно утверждение, что душа так же смертна, как тело, и так же бессмертна, как тело? На первый взгляд, оно противоречит общепринятому мнению, относящему бессмертие только к душе. Но это только на первый взгляд, точнее, это взгляд, типичный для обыденного, а не научного познания.

В серьезной науке смерть и бессмертие рассматривались в неразрывном единстве и по отношению как к душе, так и телу. Даже Платон, доведший до крайнего предела дуализм (разрыв, противопоставление) души и тела, в качестве одного из аргументов бессмертия души приводит факт определенного бессмертия тела, специально рассматривая эту проблему в ‘‘Федоне’’: ‘‘Когда человек умирает, видимая его часть — тело, принадлежащая к видимому миру, или труп, как мы его называем, которому свойственно разрушаться, распадаться, развеиваться, подвергается этой участи не вдруг, не сразу, но сохраняется довольно долгое время, если смерть застигнет тело в удачном состоянии и в удачное время года. К тому же тело, усохшее и набальзамированное, как бальзамируют в Египте, может сохраняться чуть ли не без конца. Но если даже тело и сгниет, некоторые его части — кости, сухожилия и прочие им подобные, можно сказать бессмертны’’. Так неужели, восклицает далее Платон, душа, превосходящая тело, должна иметь другую судьбу и рассеяться и погибнет, как о том думает большинство людей?³⁵ (Из этого замечания Платона вытекает, что большинство древних греков не верило в бессмертие души).

С другой стороны, Аристотель, признавая безусловную смертность души, как имманентной (внутренне присущей) формы тела, отмечал, тем не менее, что отдельные элементы души, в частности, разум, бессмертен, ибо он не есть форма данного тела. Здесь наверняка заключена догадка Аристотеля, что в душе человека присутствует содержание культуры (научные знания, например), являющейся внешней по отношению к душе и потому вечной.

Метаморфозы, подобные платоновским, в отношении к душе и телу проявляются и в религии. С одной стороны, христианство, как и Платон, развело человека на божественную душу и смертное тело. Но, с другой стороны, открывается, что и тело очень важно. Первое исключение было сделано еще в Ветхом Завете для двух пророков, затем в Новом Завете — для Христа, который воскрес телесно и телесно перешел в мир иной. Затем православная ветвь христианства, более гармонично понимающая отношение души и тела, заявила, что и мать Иисуса, Мария также телесно ушла к Богу. В 1952 г. римский папа Пий XII после чудесного видения объявил и в католичестве новый догмат — о телесном воскрешении Марии. И, наконец, второе пришествие Христа будет означать, по христианской догматике, что разверзнутся могилы, души вновь вернуться в тела умерших и люди телесно будут жить на земле вечной жизнью. Иными словами, нынешний рай и ад — это лишь банк, временное хранилище душ, откуда они неминуемо должны будут вернуться в тела. То есть существование души вне тела — это не самое лучшее и лишь временное состояние.

Еще один аргумент в пользу предлагаемого решения проблемы души — сближение в этом вопросе позиций науки и религии. Реалистическая философия сейчас признает наличие духа, как нематериальной составляющей мира, и души, как нематериальной составляющей человека. Более того, она частично признает и бессмертие души. С другой стороны, религия в лице своих наиболее глубоких мыслителей, приходит сейчас к признанию частичной смертности души.

Познание окружающего человека мира и самого человека когда-то потребовало цехового разделения. При этом каждая сфера познания выхватывала из мира свою часть сообразно тем методам, которыми она пользовалась. В итоге сложилось что-то вроде вавилонского столпотворения, когда различные духовные сферы перестали понимать друг друга, более того, каждая отрасль познания мира считала все другие ненужными, неистинными. Так возникло взаимное отчуждение: науки от философии, философии от религии, морали от науки, искусства от морали.

Но кризис науки конца XIX — начала XX веков доказал, что науке без философии никак не обойтись. Социальный и экологический кризис середины XX века показал, что науке никак не обойтись и без морали. И, наконец, наше время все более решительно требует союза науки, философии и религии.

Потребность в таком союзе еще в позапрошлом веке была предсказана В. Соловьевым. Единый мир, по мнению В.С.Соловьева, был разорван на три различные субстанции, изучаемые тремя различными отраслями познания: на материю, изучаемую философией, энергию, изучаемую наукой, и дух, являющейся собственностью религии. Но материя, энергия и дух — это не три различных субстанций, а три лика единой субстанции, что будет осмыслено только тогда, когда наука, философия и религия найдут дорогу друг к другу, придут к согласию. Наше время доказывает правоту Соловьева:

³⁵ Платон. Соч. в 3 тт. Т.2. М., 1970. С.45.

потребность в целостном знании, столь характерная для нашего времени, настоятельно потребовала такого союза, хотя по инерции многие еще ему сопротивляются.

Сочетание знаний, добытых философией, наукой и религией, не будет означать их механического сложения или эклектической смеси из различных кусков. Это должен быть диалектический синтез, дающий в итоге целостное знание, качественно отличающееся от входящих в него частных знаний. К указанной троице — философии, науке и религии — мы бы добавили еще искусство и мораль. В итоге должно получиться ансамблевое знание, чем-то напоминающее мифологическое, но, разумеется, на качественно совершенно ином уровне. Это знание будет сочетать в себе рациональное и иррациональное, рациональное и эмоциональное. Предчувствуя возможную скептическую улыбку читающего эти строки, предлагаем ему обратить внимание на процессы, происходящие сегодня в духовной сфере, в сфере познания. Все говорит за то, что указанная здесь закономерность есть объективная необходимость и единственная возможность действительно целостного знания, которое мы хотим достичь.

До сих пор наука, религия и искусство развивались параллельными путями, пересекаясь друг с другом лишь внешним образом. Но шли они при этом в одном направлении — в направлении осмысления мира, нас окружающего, и человека как части этого мира. Сейчас настало время этим сферам духовного освоения мира оплодотворить друг друга, обменяться своими знаниями.

Величайшей заслугой религии является то, что она сохранила понятия "дух", "душа" как наиважнейшие человеческие ценности, в то время как философия иногда, а наука довольно часто от них отказывались. Религия вечно отстаивала идею, что, помимо человека как субъекта, существует еще субъект вне человека, вне общества, являющийся абсолютным субъектом. Ценным является не только разделение понятий "дух" и "душа", но и разделение в самой душе духовного и душевного, т.е. вечного и тленного, высшего и низшего. Архиепископ Лука пишет, что дух и душа человека нераздельно соединены при жизни в единую сущность, и при этом душа человека несравненно выше, чем души животных, ибо она обладает дарами духа. В то же время есть люди, души которых составляет совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств, волевых актов, но без участия в этом комплексе проявлений духа. Такие души в этом случае напоминают души животных, — они смертны.³⁶

Сама идея тричности несет в себе очень важный для науки рациональный смысл, хотя и высказанный в своеобразной, иносказательной манере, соответствующей языку религии. Бог-отец может быть осмыслен (этому дают основание первоисточники) как законодательное начало, иными словами, как законы природы. Дух Святой — как животворящее начало. Бог-сын — как синтез материи (тела) и духа (души). Пантеизм, возникший в русле религии и являющийся ее органическим следствием, пошел еще дальше, распространив синтез материи и духа (по аналогии с образом Христа) на все бытие. Но к такому повороту религия оказалась не готовой, и она постоянно, вплоть до наших дней, категорически выступает против пантеизма.³⁷

Здесь намечено только первичное осмысление религиозного знания в контексте научных понятий. Науке еще предстоит длительная работа над религиозными текстами. Впрочем, здесь очень много наработано религиозными философами, которые давно уже осуществили синтез религиозного и философского знания, но синтез этот долгое время был невостребованным. Разумеется, что при таком синтезе религиозное знание входит в научное не прямо, а в превращенном, преобразованном виде. Точно так же, как и сама форма научного знания должна будет измениться: наряду с рационально-логическим в нем все большую роль будут играть интуитивная, чувственно-образная, нравственная составляющие.

Об активном встречном движении богословского и научно-философского знания говорят многочисленные совместные симпозиумы и встречи научной, философской общественности и духовенства. Как отмечает Н. П. Бехтерева, "если ранее наука противопоставлялась религии, то сейчас наука вошла в ту фазу, когда она скорее подтверждает прямо или косвенно, по крайней мере, ряд положений религии".³⁸

Возрождение нами понятий "дух", "душа", постепенное введение их в школьные и вузовские программы — несомненное следствие указанного сближения.

Выводы:

— Проблема души не может быть решена вне признания духа как нематериальной составляющей природы, означающей ее способность к самоорганизации, движению, развитию.

— Вопрос смерти и бессмертия души не может быть решен вне контекста проблемы смерти и бессмертия тела. Эта взаимосвязанность означает, что, помимо законов сохранения материи и энергии, науке придется открыть и сформулировать закон сохранения духа.

— Вопрос бессмертия души решается только при выявлении общего и специфического начала в ней. Если брать чисто человеческую составляющую души, то она бессмертна в той мере, в какой бессмертна культура, являющаяся единой, постоянно развивающейся общечеловеческой душой.

³⁶ Архиепископ Лука (В.Ф.Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело. СПб., 1995. С. 56-57.

³⁷ См.: Кураев А. Христианская философия и пантеизм. М., 1997.

³⁸ Бехтерева Н.П. Есть ли Зазеркалье? // Терминатор. 1995. № 1. С. 6-7.

А как связана душа с духом не по происхождению, не генетически и не после кончины человека, а при его жизни? Оказывается, решение этого вопроса позволяет на новом уровне решить извечную проблему духовности.

§ 4. Дух, душа, духовность

Духовность издревле понимается как единство истины, добра и красоты. Такое понимание намечено было еще Платоном, но в четкой форме выражено итальянскими гуманистами, которые отмечали, что человечески то, что соответствует истине, добру и красоте, а бесчеловечно то, что им противоречит. При этом человечность и духовность отождествлялись. Как высшие ценности человеческого духа истину, добро и красоту признавали и признают до сих пор величайшие умы человечества (в том числе В. Соловьев, Н. Бердяев, Д. Менделеев).

Высшими же продуктами духовности, начиная с Гегеля, признаются искусство, религия и философия. Между ними имеется определенная корреляция: искусство коррелирует с красотой, религия — с добром, а философия — с истиной. Это традиционный, устоявшийся взгляд на духовность. Поэтому когда в преподавательской среде в очередной раз поднимается проблема духовности и задач школы, связанных с приобщением к ней учащихся, то проблема эта давно уже решена: духовность означает единство истины, добра и красоты, а приобщение к ним учащихся означает, что школа (как средняя, так и высшая) должна не только давать сумму определенных научных знаний (истина), но и обязательно приобщать новое поколение к добру и красоте, без которых подлинная духовность не состоится.

Возрождение понятий "дух" и "душа" позволяют по-новому ставить и решать проблему духовности, которая не отменяет традиционного ее понимания, но указывает на еще один, более глубокий пласт проблемы. Духовность теперь может пониматься как слиянность души с духом, как такое состояние, при котором преодолевается ограниченность и противопоставленность субъектно-объектных отношений. Это такое состояние, когда человек забывает себя и, сливаясь с духом природы, уходит в некие иные миры, чувствуя себя частицей бесконечного и вечного мира. Это состояние мы испытываем, слушая любимую музыку, при бессловесной молитве (исихия), в минуты высшего духовного подъема. Состояние это прекрасно отражено Ж. Санд в романе "Индиана": "Бывают в жизни такие мгновения, полные экстаза и вдохновенного восторга, когда наши мысли очищаются, становятся возвышенными и отрываются от земли. Эти редкие мгновения поднимают нас на такую высоту, уносят так далеко, что, спустившись на землю, мы не в силах вновь вызвать только что испытанный нами душевный восторг и не умеем отдать себе в нем отчет. Кто может понять таинственные видения отшельника? Кто может рассказать о мечтах поэта, прежде чем тот, очнувшись от экстаза, переложит их на бумагу? Кто может поведать о чудесах, открывающихся душе праведника в час, когда небо готово принять его?"³⁹

Поскольку человек является составляющей природы, притом такой ее составляющей, в которой по необходимости сходятся все ее силовые линии, постольку он потенциально наделен способностью возвыситься до ощущения бесконечного духа. И возвышение это осуществляется с помощью души.

В обычном состоянии человек существует в сфере субъектно-объектных отношений. То есть мир четко разделяется на два мира: мир внутренний (субъектный) и мир внешний (объектный). И при восприятии внешнего мира человек обычно четко разделяет свои собственные переживания, размышления и ту информацию, которая идет к нему от внешних предметов. Но бывают такие состояния, в которых у человека преодолевается раздробленность, разобщенность субъекта и объекта. Слиянность души с духом, преодоление оппозиции субъектно-объектного отношения в этом случае воспринимается как духовность. *Духовность в высшем, идеальном своем проявлении есть такое состояние, при котором уже нет ни субъекта, ни объекта, ни человека, ни природы, а есть пребывание человека в некотором новом (третьем?) мире, возвышающем его до подлинной бесконечности духа над ограниченным телесно-природным, привычным для него миром.*

Эта способность — возвыситься до духа, т.е. ощутить в себе бесконечность и себя в бесконечности — потенциально присуща любому нормальному человеку. Любой человек хотя бы раз в жизни испытал такое состояние, но, вернувшись из него, он мало что может сообщить, кроме того, что испытал что-то необычное. И это понятно, поскольку в этом состоянии человек не способен ощущать сам себя, а, следовательно, и ощущать свои ощущения. Только гениям дано запечатлеть такие состояния. А приобщение к бесконечному, фиксация ими бесконечного делает их творения вечными. Именно потому это состояние мы характеризуем как состояние высшей духовности, что в нем человек духовно становится бесконечным, ощущая одновременно и высшую боль и высший восторг. Эти состояния способен испытать каждый, кому дана способность сопереживания с подлинными произведениями искусства, ибо в каждом из них это состояние запечатлено. Если телесно человек занимает довольно мизерную часть пространства, то духовно он способен подняться до Мироздания в целом, ибо человек равен миру, *которым* он живет. Преодоление ограниченности субъектно-объектных отношений, слиянность души и духа есть высшее, идеальное проявление духовности, ибо здесь выражена, схвачена суть ее, здесь душа поднимается до духа и сливается с ним в экстазе, возносящем душу над всем земным, телесным, к подлинной бесконечности, присущей духу.

³⁹ Санд Ж. Собр. Соч. В 10 т. Т.1. М., 1993. С.218.

Итак, для появления души не требовалось вмешательство надприродных, внеприродных сил, ибо сама природа имеет в себе свойство, аналогичное душе, но более грандиозное, имя которому — Дух. Признание духа, признание субстанционального единства духа и души имеет очень важное значение для науки. Здесь возникает возможность рационально объяснить многие паранормальные явления, в частности, ясновидение, дальновидение и т.п. Именно потому, что душа и дух имеют общую природу и что душа может подключаться к духу, человек иногда может получить информацию, недоступную его телесному опыту.

Со временем не только меняется содержание, вкладываемое в понятия "дух", "душа", "духовность", но изменяется и сама человеческая душа. Исходно человек был прикреплен множеством духовных отростков к маленькому лоскутку земли или леса, немногочисленной группе живущих и умерших соплеменников. Душа человека тогда была укоренена в "здесь" и в прошлом. В настоящее время человек в качестве своего "дома" (если не реально, то, по крайней мере, информационно) начинает обживать всю Землю. Его "племенем" становится все население Земли, ибо в принципе за любого землянина благодаря средствам массовой информации он может переживать или радоваться. В своей деятельности, особенно творческой, современный человек все больше ориентируется на будущее. Душа человека разрастается, охватывая творческими побегами лично-значимой сопричастности весь земной шар со всеми его проблемами. Эти духовные побеги ветвятся, оплетают Землю и тянутся в Космос. Душа становится органом глобального синтеза духа Земли.⁴⁰

А сможет ли она также стать органом вселенского синтеза? Сможет ли человек своими духовными побегами не только сравняться с Мирозданием, но стать в нем своим? Во всяком случае, человек пытается

Так жить, чтобы, в конце концов,
Привлечь в себе любовь Пространства,
Услышать будущего зов.
(Б. Л. Пастернак).

Все материалы взяты из труда :
«ФИЛОСОФСКИЙ РЕАЛИЗМ
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ»
Научное издание
Санкт-Петербург

2008

---

⁴⁰ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987.